

МУЗА МОЯ – РЕГИОН



Екатеринбург
2012

ББК 91
М 89

Составитель З.М.Кленова
Ответственная за выпуск Т.В.Котлярова

М 89 **Муза моя – Мегийон:** дайджест / Муницип. бюджет. учрежд. «ЦБС» г. Мегийона ; сост. З.М. Кленова; вст. ст. Т.В.Котлярова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012. – 240 с. : цв. ил. [24].
ISBN 978-5-7851-0798-4

В книгу вошли статьи, очерки, рассказы, воспоминания, стихотворения, рисунки и песни, отобранные по итогам открытого городского конкурса «Любимому городу посвящаю...», который проводился краеведческим отделом МБУ «ЦБС» г. Мегийона в рамках Долгосрочной целевой программы Ханты-Мансийского округа – Югры «Культура Югры на 2011–2015 годы».

ISBN 978-5-7851-0798-4

© Индивидуальные авторы, 2012
© Банк культурной информации,
оформление, 2012.

Летопись Мегиона наполнена яркими событиями, жители города по праву гордятся славой первопроходцев, чей трудовой подвиг положил начало освоению Среднего Приобья, кто участвовал в открытии крупнейших месторождений нефти Югры.

В Мегионе живут не только геологи, нефтяники и строители – это город творческих и талантливых людей. Любовью, нежностью и заботой о судьбе своей маленькой родины проникнуты строки стихотворений, песен, коротких рассказов.

Особенно трогательно, когда о своем городе пишут дети. Все они видят его будущее светлым, радостным и оптимистичным: *«...Красив Мегион в любое время года, но особенно зимой, когда наряжается в белое одеяло... Несмотря на суровую природу, люди здесь живут чуткие, отзывчивые, трудолюбивые... Мне, кажется, что Мегион растет вместе со мной. Я люблю этот город просто за то, что он есть, и за то, что я живу в нем, хожу в школу, здесь живут мои родители и друзья»* (В.Большакова).

«...Может быть, в моём городе и суровый климат, и кислорода не хватает, и не всё можно купить... но для меня Мегион – самый прекрасный и удивительный город на свете! Я думаю, что он будет жить в моём сердце всегда, как всегда будут живы воспоминания о моём родном доме» (Т.Семенюк).

А как красив Мегион в художественных работах, представленных учащимися. В рисунках – выдумка и фантазия, разнообразие сюжетов и техник исполнения. В успехах творчества несомненная заслуга педагогов, которые помогают талантливым ребятам не только прокладывать путь в мир творчества, но и ощутить свою причастность к культуре города и его жителей.

Дорогие мегионцы, эта книга о вас и для вас!

*Татьяна Котлярова,
директор МБУ
«Централизованная библиотечная система»*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Дайджест «Муза моя – Мегион» стал первым изданием такого жанра о городе. В основу легли литературные работы писателей, журналистов, старожилов, нефтяников, студентов и школьников. Все они были отобраны по итогам открытого городского конкурса «Любимому городу посвящаю...», который проводился краеведческим отделом МБУ «ЦБС» г. Мегиона в рамках Долгосрочной целевой программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Культура Югры на 2011–2015 годы». Реализация проекта позволила собрать воедино разрозненные материалы (стихи, эссе, сочинения, песни) как опубликованные в местной печати, так и неизвестные читателю.

Благодарим всех, кто представил свои работы для публикации.

Дайджест «Муза моя – Мегион» займет достойное место в фондах библиотек города, будет интересным и полезным для широкого круга читателей. Материал, собранный в издании, будет содействовать воспитанию таких нравственных качеств личности, как патриотизм, гордость и любовь к родному городу, пробуждать интерес к изучению истории города, творчества самобытных авторов-земляков.

*Зоя Михайловна Кленова
заведующая отделом краеведческой литературы
центральная библиотека*

**МЕГИОН – ЭТО СЛОВО
ПОХОЖЕ НА НАЗВАНИЕ
ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ**

ЗДЕСЬ БЫЛИ ТАЙГА И ТОПКИЕ БОЛОТА (Из истории города)

Дмитрий Шлябин

«Золотой век» деревни Мегион

Стоят на земле города и села сотни лет. Есть старинные села, старше городов, есть совсем молодые города, есть деревни, переросшие в города, как наш Мегион. У каждого — своя судьба: зарождение, развитие, упадок или процветание...

Давно ли Мегион был деревней? В 60-е годы, с приходом геологов, он стал рабочим поселком, а вскоре приобрел статус города нефтяников. На это ушло всего два десятка лет.

Но в черте города и сейчас существует настоящая деревня, где люди живут прежним укладом сельского жителя со своим подворьем, в котором можно увидеть и коров, и лошадей, и дружную живность. Где хозяев по утрам будит пение петухов и скворцов, где дети ухаживают за животными и знакомы с ними не по картинке или телепередаче.

Так жили люди еще полвека назад, и они не очень-то рады большим переменам, а точнее, проблемам последних десятилетий. Это особенно чувствуется в общении со старожилками. Об одной странице истории Мегиона и округа, а они неразрывно связаны, мне хочется рассказать особо. И вот почему!

Часто проскальзывает в прессе, по радио, телевидению упоминание о дикости края до прихода «большой нефти». А был ли край, в том числе и наш Мегион, «диким»? Разумеется, речь идет не о дикости первозданной природы.

Не умаляем ли мы заслуги государства, сделавшего немало для жизни людей нашего северного края? Не умаляем ли мы заслуги наших отцов, дедов, тех людей, которые по своей и не по своей воле однажды попали сюда, навсегда полюбили этот край, топором и плугом отвоевали место для жизни, принесли на эту землю культуру земледелия, животноводства и многое другое, что стало столь привычным в нашей повседневной жизни?

Разведка недр Приобья началась в 50-е годы, открытие месторождений нефти пришлось на 60-е, следом появились нефтяники. На какую они ступили землю, каким предстал перед ними край, на что было ориентировано хозяйство, какие отрас-

ли были ведущими, как жили люди, что делалось правительством, руководящей партией для жизни, быта, культуры северян?

По всему Северу, начиная с 30-х годов, создавалась сеть государственных рыболовецких артелей (ГОСЛОВ) со всей необходимой инфраструктурой. Были выстроены рыбоприемные пункты, засолочные цеха, склады для хранения соли, морозильные здания-хранилища, куда зимой свозились сотни кубометров льда. Эти цеха не требовали электроэнергии — использовались природные материалы: лед и соль. Соль доставлялась на баржах. Соединяя ее со льдом, добывались отрицательной температуры, до -25 градусов С.

В наиболее крупных поселениях, таких, как Александрово, Сургут, Ханты-Мансийск, работали рыбоконсервные заводы. В каждом населенном пункте были созданы коллективные хозяйства и рыбартели, кроме того, как правило, при колхозах существовали свои рыболовецкие звенья. Рыбу заготавливали не только по договору для сдачи государству, но и для внутривоспроизводственных нужд: для откорма животных, для звероферм. Почти в каждой деревне была создана звероферма по выращиванию лисиц, песцов. Повсеместно шла переориентация труда охотников, рыбаков на новые формы ведения хозяйства.

Во вновь созданные колхозы уполномоченные Министерства сельского хозяйства доставляли с южных районов племенной скот. В эти же колхозы направлялись и специалисты: животноводы, зоотехники, ветеринары, агрономы. В один из таких колхозов по реке Вах по направлению попала и наша семья Шлябиных. Именно в те годы по всему Приобью росли и строились деревни, увеличивалось население, возводились новые школы, интернаты, клубы, библиотеки.

Некоторые колхозы, ориентированные на молочное животноводство, не всегда были прибыльными, и, тем не менее, государство гасило их долги, и госбанк давал новую ссуду. Капризы природы — наводнения, проливные дожди — часто мешали справиться вовремя с заготовкой кормов или уборкой урожая. Думается, многим дачникам в наше время знакомы эти проблемы. Сельхозмеханизация шагнула на Север. Колхозы снабжались инвентарем, рассчитанным на тягловую силу, то есть на лошадей, а это и плуги, и бороны, и сеялки, и картофелесажалки, и конные грабли, и косилки. В конце 50-х в деревнях стали появляться трактора. Косами люди пользовались разве что на своем покосе.

В домах многих деревень уже в 50-е годы горел электрический свет от дизельных электростанций. Старые радиоприемники,

питающиеся от батарей на 12 В, такие как «Родина», «Искра», «Балтика», были заменены радиоприемниками на 127 и 220 В. Патефоны к 60-м годам заняли место на чердаках. Поселки, как правило, были радиофицированы от центрального радиоузла. В центре поселка на столбе висел громкоговоритель, и день начинался с Государственного гимна. Жители Севера ничуть не были оторваны от жизни страны, от ее новостей, событий — они были ее участниками и строителями.

В каждом поселке работала почта, существовала радиосвязь, можно было заказать переговоры с абонентом любого города страны. Почтовые отделения имели свои катера. В районных центрах работали типографии, насущные проблемы выносились на полосы местных газет. Журналы, периодические издания доставлялись регулярно и с завидной аккуратностью. Любимые журналы населения, такие как «Огонек», «Смена», «Наука и жизнь», «Крестьянка» и «Крокодил», лежали на столах в фойе клубов и в залах библиотек.

Водный транспорт, а это с десятков пароходов, теплоходов, речных трамваев, обеспечивал за 2-3 суток доставку пассажиров до Томска, Новосибирска, Тюмени, где можно было воспользоваться железнодорожным транспортом. В каждой деревне стоял плавучий водный вокзал — дебаркадер.

Разумеется, в те годы в Приобье еще не были построены шоссе и железные дороги, зимой существовал, как и в прошлые столетия, санный путь, где использовались лошади и олени. Санный путь — «веревочка» — зимой, летом — водный, кое-где авиация обеспечивали тому немногочисленному населению (до 1960 г. — 1 человек на 1 км) передвижение и связь. Кроме всего, в Сургуте базировалась санавиация по экстренным случаям, способная доставить больного по вызову из любого уголка округа в районную больницу. А если того требовал случай — переправить в областную клинику. Небольшие самолеты АН-2 зимой оборудовались лыжами, летом — гидропоплавками, это давало возможность, при отсутствии аэродромов, сесть в любом уголке округа.

В каждом селении работал акушерско-фельдшерский пункт, в районных больницах были оборудованы хирургические отделения. Активно велась работа по государственной программе борьбы с рахитом и туберкулезом. По малым речкам к местному населению, в удаленные уголки выезжали бригады специалистов, передвижные лаборатории на катерах, оборудованных рентгенкабинетами. Все было взято под контроль. Употребление витаминов, трескового рыбьего жира в детских садах, свежего коровьего молока и масла, прививки, занятия спортом с раннего

возраста — все это вошло в жизнь. Это была лишь часть большой программы борьбы за здоровье человека. Вспышек эпидемий, повальных моров край больше не знал. Трахома, парша, оспа, тиф стали болезнями прошлого века.

Сфера школьного образования контролировалась районо. Из районного центра направлялись инспектора, проверявшие не только степень подготовки учителей, но и знания учеников. Высокий уровень полученных знаний давал возможность многим выпускникам средних школ продолжать учебу в вузах, возвращаясь в родные села специалистами: врачами, учителями, инженерами. Дети коренных народов обучались бесплатно в интернатах. На содержание одного ребенка выделялось 47 рублей ежемесячно. После окончания школы аборигены могли продолжить учебу на льготных условиях в Ленинградском институте народов Севера, пединституте им. Герцена, находясь на государственном обеспечении.

Большое место отводилось развитию культуры. Районное управление киносетью, подчинявшееся Министерству культуры, было ответственно за демонстрацию фильмов. Система работала отлаженно и четко. Если новый фильм выходил на экраны страны (за этим можно было следить в журнале «Советский экран»), то через полгода или год сибиряки могли видеть героев фильма на экранах сельских клубов. В отдаленные уголки края, где не было клубов, эти фильмы везли с установками-передвижками.

Северяне жили полноценной жизнью, творчески осваивая богатства края, а если и были какие-то лишения, щедрость природы восполняла их. Хорошо была отлажена работа лесничеств, разумно использовались лесные богатства, велась заготовка леса, сбор и прием ягод, грибов, орехов, пушнины. Сеть государственных охотничьих пушно-заготовительных организаций (ПОХ) обеспечивала трудозанятость коренных жителей Приобья.

Государственная программа по сохранению ценных видов животных и обогащению новыми позволила путем лицензионного отстрела и строгой охраны расширить ареал обитания лося, возродить численность соболя. В северные леса неоднократно выпускали целые партии этого ценного зверя. В начале 50-х годов фауна Приобья обогатилась акклиматизированной ондатрой. Зверек быстро размножился и через несколько лет стал промысловым видом. Приемная цена шкурки была 1 рубль 62 копейки (около 1,5 доллара). Позднее в Приобье была акклиматизирована американская норка.

Разговоры о дикости края дают ложное представление о людях и о культуре. Если говорить о культуре как о форме хозяйствования на земле и состоянии природы, то приведу пример. У

Мегионского колхоза была своя деляна, где деревенский лесник С.Н.Герасимов отводил сельчанам лес на дрова или на постройку с соблюдением всех норм природопользования. При бескрайних просторах тайги отношение к лесу было бережным. Нарушил нормы — не сжег сучки, пенек оставил высоким — плати штраф. Да не штрафа боялись люди, другие понятия, другие ценности были у них. Традиции природопользования складывались веками. Бутить болото, делать лежневку из стволов кедр-кормильца — все это казалось дикостью. И вряд ли кто-то из жителей мог бы поверить в те годы, что через какие-то три десятка лет основу жизни — воду из реки — пить будет небезопасно.

Как и многие сибирские поселения, Мегион располагался на кромке тайги близ пойменных лугов, удобных для выпаса скота. Место с обилием озер, близостью реки было идеальным для расположения поселка. Несколько семей местных жителей — ханты из рода Кыкиных, Проломкиных, Сигильетовых и Пылиных — жили в подгорной части у реки. На нагорной же части в кедраче сформировались еще две улицы. Русская часть населения пополнялась за счет приезжих ссыльных крестьян, репрессированных в 30-е годы, а в 40-е — за счет русских переселенцев с острова Смольного.

Завершилась коллективизация, новый уклад жизни давал всем жителям работу и уверенность в завтрашнем дне. Минули тяжелые годы войны. Многие семьи лишились мужчин. В одной только семье Мериновых не вернулось с фронта четверо мужчин. Но жизнь постепенно входила в русло: строились дома, рождались дети.

Наша семья приехала в Мегион в 1961 году. Поразили устроенность жизни, порядок, чистота. Ровные улицы, под окнами — клумбы с георгинами, фиалками, космеей, астрами. Подсолнухи выглядывают из-за заборов, огороды — с ровными рядами картофеля, на навозных грядках — огурцы, тыквы. В подгорье — поля капусты, турнепса, луга, поросшие клевером и ромашками, стада коров, овец. Почти в каждом подворье у хозяев — свиньи, куры. Уток и гусей не держали, хватало дикой птицы. Весенне-осенняя охота давала возможность заготовить мясо птицы впрок: засолить, накоптить. О том, что мегионцы держали скот, напоминают названия островов: Конный, Овечий.

Жители отличались добродушием. Сибирская широкая натура — это не красное словцо, это черта характера людей, живущих среди щедрой природы. Честность, высокая нравственность — вот черты сибиряков. На домах, кроме общественных зданий, не было замков.

Моторные лодки со стационарными и подвесными моторами ЭЛ-6, ЭЛ-12, «Москва», «Стрела» стояли на берегу Меги. На

вешалах, как и в национальных поселках ханты, рядом с обла- сами и лодками сохли невода, сети.

Чистые улицы заросли травой. Они принадлежали пешехо- дам и велосипедистам, а не машинам. Единственный автомобиль был у инвалида-фронтовика. Воду, хлеб из пекарни и прочие грузы возили на лошадях.

Нам, приехавшим из небольшой хантыйской деревни, Меги- он показался просто необъятным. Ватагой деревенских мальчи- шек мы пропадали днями на рыбоприемном пункте, на краю деревни, за огородами семьи Седых. Из здания доносился запах рыбы, соли. Мы наблюдали, как работники переносили из не- водника улов рыбы, изредка перевешивая его на весах (в носил- ки помещалось ровно 50 кг). А.П.Седых заведовала приемкой, чисткой, засолкой. Интересно было наблюдать, как в огромные чаны рабочие закладывали лед, соль, рыбу. В летнюю жару из- под крыши здания тянуло забытым зимним холодом.

А как здорово было видеть кузнеца за работой в кузнице, что стояла на яру вверх по Меге, в другом конце поселка! Деревен- ский кузнец П.Сысоев священнодействовал у горна, и металл принимал задуманную форму. Здесь шла наладка сельхозагре- гатов, бригадир колхоза Ю.Н.Герасимов затачивал режущие полотна конных сенокосилок.

Когда надоедали игры в одном конце поселка, отправлялись на другой. Нагорная улица тянулась не менее одного километра. Шли к школе, а точнее, к школьному приусадебному участку, где на хорошо удобренной земле произрастали всякие овощи, посаженные учениками Мегиона, а также интернатскими ребя- тами из окрестных деревень под руководством замечательного человека, учителя биологии А.В.Анисимовой. Школьную прак- тiku многие выпускники Мегиона проходили на этом участке. Были у школы и свои лошади, от школы ближе к кладбищу располагались обширные конюшни. А заведовал этим хозяйством школьный завхоз С.А.Седых.

Под горой, у Школьного озера, располагалось еще одно ин- тересное место. Оно издалека привлекало внимание навесами, стеллажами, корытами, носилками, формами, ямами со свежесы- ранной глиною, штабелями просушенного серого необожженно- го кирпича. Это был кирпичный завод. И этим хозяйством зани- малась семья Седых – мастера непростого ремесла. «Сколько глины выбрали, перемесили, высушили, – вспоминала Анна Пет- ровна Седых, – всем моим детям досталось, по всему Мегиону печи топились, – наш труд!».

Иногда отправлялись на рыбалку вверх по Меге. После того, как клев прекращался или ведерки были наполнены, шли по-

глядеть на звероферму. Она располагалась всегда поодаль от поселка, как говорила зверовод Р.Кыкина: «Чтобы лисы собачьего лая не пугались, чтобы люди не сглазили. Зверь — он чистый воздух любит». На бывшей площади зверофермы сейчас расположен магазин СУ-920.

Интересно было поглядеть в сельском магазине на товары: глаза разбегались от разнообразия. На прилавках лежали и мыло, и краски для полов, и ткани, и нитки для сетей, и приторно сладкие консервы от китайских друзей, мука, крупы, растительное масло, бочки сельди. Теперь, вспоминая, поражаюсь тем ценам; к примеру, в 1961г. одноствольное ружье 16-го калибра стоило 17 руб., двухстволка — 48 руб. (с 1961 года 1 рубль равнялся 1 доллару).

Колхоз держал до четырехсот коров, на молоканке сепарировали молоко на сливки. Обрат шел на поило телятам, из сливок изготавливали масло. Мясо, молоко, масло, творог были свои, местного производства. В магазине люди брали самое необходимое из продуктов: хлеб, сахар, крупы, джемы, компоты. В огородах растили, также как и сейчас, все овощи.

Мне, десятилетнему мальчику, было интересно в любом уголке поселка. Везде размеренно шла работа, будь то пекарня или молоканка. За поселком начиналась тайга, кедровый лес рос сплошь до красивейшей речки Саймы. За грибами и ягодами люди редко ходили за Сайму, разве что на гари за брусничкой да клюквой. Остального хватало поблизости. Даже свиньи мегинцев до снега часто откармливались на падалице кедровых шишек.

Но более всего привлекало деревенскую детвору крупное здание в центре поселка, выстроенное из бруса. На его стенке почти ежедневно появлялись киноафиши — это был сельский клуб. Кино показывали каждый день. Вечерний сеанс для взрослых — ежедневно, а детский — в субботу и воскресенье. Киномехаником был ханты Василий Проломкин, закончивший курсы и приехавший в Мегин по направлению. Поистине это было «окно в мир». Перед сеансом шел киножурнал, где зрители видели героев хлопка, «королеву» полей — кукурузу, наших героев-космонавтов и добрых персонажей мультфильмов. То было время героев. А еще в клубах шли спектакли, концерты, устраивались танцы. В глубинку отправлялись специалисты, закончившие курсы культурпросвета. Литературные вечера, спектакли — в те годы было какое-то повальное увлечение пьесами. В иной деревушке жителей было меньше, чем героев в пьесе. В зрительном зале места были пусты — все жители-артисты были на сцене. Вот уж стопроцентное участие в самодеятельности! Многие ребята на лето уез-

жали в пионерские лагеря. Деревенская ребятня в свободное время от помощи родителям по хозяйству, от прополки огородов, покосов проводила лето у реки. А это и рыбалка, и купание. Купаться чаще шли не на реку, а на Школьное озеро к плотине, где на мелководье вода всегда теплее.

Эта плотина — маленький, но существенный штрих к картине Мегииона, передающий ту атмосферу порядочности и коллективизма жителей.

Почти каждую весну (в половодье) в Мегиионе топило подгорную часть, и лишь неширокая грива с огородами от Седых до Гордеева оставалась вне паводка. Большую часть огородов, а также колхозного поля подтопляло Школьное озеро, а точнее, протока, соединенная с Обью в районе современных баков ГСМ геологии.

Вот тогда-то мегиионцы на сходе решили отгородиться от паводков дамбой: по прикидке насыпь должна была отгородить поля, огороды на расстоянии около 1 км. Подсчитали число жителей поселка, распределили на каждую семью объем грунта, который необходимо засыпать. Насыпь должна быть не менее 1,5–2 м высотой и шириной до 2 м. На каждого человека приходилось соорудить насыпь до 4-х м в длину. Грунт жители брали рядом. Землю перекидывали лопатами, переносили носилками, тачками, перевозили лошадьми на телегах. Работали все: и те, кто страдал от наводнений, и те, кто жил на горе, кого эта беда не касалась. С землей приходилось возиться после работы или в выходные дни.

И одолели коллективным трудом намеченное. Дамба многие годы защищала посеы от наводнения. Она проходила под прямым углом от колхозного взвоза по подгорью в сторону современной Южной котельной и далее на юг до реки Мегии. В наше время, когда гремят трактора, проносятся мощные машины, такая работа кажется обычным делом, но в то время перевернуть руками тысячи тонн земли (по подсчетам — около 30 тысяч тонн) могли люди большой нравственной силы.

Старожил Т.П.Петрович (Сысоева), участница этих воскресников, сказала: «А ведь люди раньше как-то интереснее были, честнее — это точно, и добрее, и порядочнее. Работать — так работать, гулять — так гулять, а сейчас от телевизора не оторвешь! Кажется, не мы туда — в ящик — смотрим, а на нас оттуда. С нашим народом теперь ничего путного не сделаешь, да разве соберешь людей сейчас на такое дело?!» А бабка Тася, крепкая на словцо, завернула такое: «С тем народом хоть горы вороти! То ли мы молодые были, сильные, или время такое золотое было, — продолжала бабка Тася, — а дамбу нашу в 63-м

году разрушили трактора геологии, аэродром делали под горой. С тех пор грязь месим, нет на нашей улице праздника, а ведь с нее Мегион начинался. И сходить к мэру попросить десяток лишних машин песка некому. От говорящего ящика не оторвешь, все смотрят, как стреляют, взрывают, веселятся... Другой стал народ! А жизнь пошла совсем не веселая...».

Дмитрий Шлябин

Дорогами прошлого

Музейные витрины — предметы из прошлого. Как много могут рассказать эти несложные предметы! Вот небольшая коллекция поддужных колокольцев. С разрешения экскурсовода тронул один из них с надписью «Лиль колоколь Петръ Кожевниковъ въ Кунгуре 1813 г.». Раздается малиновый звон. Когда-то он звучал по заснеженным просторам Сибири. Дороги Российской империи — дороги прошлого...

Наш бурный век, кажется, напрочь вытеснил из сознания мысль о том, как общались люди раньше. Ведь требовалось перевозить тысячи пудов соли, рыбы, орехов, леса, муки, пушнины. Что мы знаем о транспорте прошлого, что было 100—150 лет назад? Летом — это водный путь. В начале XX века водный транспорт был достаточно развит. Если первый пароход «Основа» был построен в Тюмени в 1843 году, то в 1918 пароходов было более ста.

Санний путь в Приобье часто совпадал с водным, проходя по застывшим рекам. Но не всегда. Местное население, прекрасно знавшее землю, которая была распределена между родовыми угодьями, в пути спрямляло огромные петли рек. Волоком («тасками») переправляли груз, обласа, лодки через перешейки. Так, живущие на Вахе возили обозы рыбы в Томск, пересекая массив тайги в районе Охтеурья, на юг до берегов Оби. В Тобольском краеведческом музее удалось найти карту санного пути Приобья.

По всему Приобью существовала сеть дорог — почтовых станций, постоянных ямских дворов, так называемая «ветка». Крупным центром ямского промысла, ямской гоньбы долгое время оставался город Тюмень, узловой центр по Московскому тракту. До 247 ямских дворов насчитывалось в Тюмени в 1741 году.

Ямским промыслом жили не только русские. Обские остяки охотно держали лошадей, но больше с целью охоты. Зимой же чаще занимались извозом. Так, житель поселка Майон (Мегион так звался) Михаил Проломкин содержал до 15 лошадей, имел две конюшни. Лошади почти круглый год паслись в пойме у

Школьного озера. Проломкин имел два дома: один основательный — пятистенок на берегу Меги и зимнюю небольшую теплую избушку-полуземлянку на горе, рядом с конюшнями. Зиму Проломкин проводил в избушке. Надо сказать, Михаил Проломкин был своеобразным человеком. В поселке он выполнял роль лесника, без его разрешения никто не мог срубить живое дерево. Для топки чувалов ханты использовали хворост, очищая ближайший лес. Проломкин «отводил» на сруб дерево для изготовления обласа: для рыбалки на озере — в обхват, для рыбалки на Оби — в обхват с четвертью. Таковы были традиции.

В 30-е годы, когда на плотах приехали русские из поселка Комас Александровского района, Проломкин подговорил всех местных жителей не пускать русских в поселок. И не пустили, угрожая ружьями. Поселок русских возник на острове Смольном. Но сопротивление ханты было сломлено, и уже в 40-е годы в поселке Мегион было смешанное население. Михайловы лошади вскоре стали колхозными, и в последние годы Проломкину пришлось работать бакенщиком. В местной топонимике осталось в его честь Мишкино озеро, Мишкина полоса, где он ставил перевесы на гусей, уток. Но самой большой его страстью были кони...

Как знать, может, один из колокольцев звенел под его дугой?

Дмитрий Шлябин

Остров Смольный

В Мегионском историко-этнографическом музее, в отделе русского быта, среди множества предметов крестьянского обихода есть огромный чугунок. Надпись поясняет: «Чугун, середина XIX в. Находка на о. Смольный». Да, эта находка была сделана создателями музея в одну из первых поездок на примечательный остров.

Немногие из жителей города знают о том, что история заселения Мегиона русскими тесно связана с этим островком. Ведь Мегион до 30-х годов оставался чисто хантыйским поселком: пять-шесть семей, живущих в небольших рубленых домиках, рядом лабазы для хранения охотничьих и рыболовных снастей, под лабазами — нарты, на берегу — обласа. Поселок раньше звался несколько иначе, старожилы Ваты, Покура и по сей день говорят по старинке: «Поехали в Майон».

Поселения ханты часто именовались по определенной схеме: первая часть названия — отмечающая характерное для поселка,

вторая — собственно поселок, юрты. В основу названия нашего поселка легло его топографическое положение. По-русски можно сказать так: поселок, лежащий в устье протоки, огибающей землю (яр, материк). По-хантыйски это, возможно, произносилось как «Пыгор тя мыг ин пугол», где пыгор — протока, мыг — земля, пугол — юрты (поселок). Со временем упоминание о протоке стерлось, осталось самое существенное, близкое по звучанию к Мыых'ын — Майон.

Интересно, что у известного этнографа, автора трехтомника «Тобольский Север» А.А.Дунина-Горкавича, описавшего наши реки, кедрачи, болота, поселение названо более полно — Майонские юрты. Мегион — это явно более позднее название. Следы старого поселка, как и более ранние стоянки, давно смыты Мегой. Смыто в 50-е годы и старое хантыйское кладбище, находившееся напротив устья Мулки. Старожилы вспоминают о красивых изделиях из стекла и хрусталя, вымытых водой из могил.

Округа в начале века была заселена также и русскими людьми. Об этом говорит топонимика. Река Рязанка — упоминание о купце Рязанове. Или озеро Лепецкого, заимка Тетюцкого... О купце Лепецком — жителе деревни Вата — и по сей день сохранились легенды. И все же ханты оставались фактически хозяевами земли в то время. В этнографических заметках о быте, суевериях крестьян, казаков Сургутского уезда есть интересные сведения: за право «чистить» орехи на кедровой гриве или право рыбалки на плавном леске хантыйскому старшине (князьку) требовалось уплатить. Уплата производилась в основном водкою: две, четыре четверти (четверть — 2,5 литра).

Часть местного населения относилась к русским настороженно, а порой и прямо враждебно. Соблюдая заветы своих мудрецов, ханты оставались единственными жителями Мегиона как при царизме, так и при новой власти, которая не особо считалась с обычаями и традициями коренных жителей. Русским не воспрещалось приехать в гости, торговать, но не на поселении. А иначе — «Дыр на голова делать будем!» — твердо заявляли желающим «подселиться». Так маленький народ пытался отгородиться от приобщения к чужой культуре, утраты своих традиций, самобытности. Потомственные охотники, рыбаки, собиратели всецело зависели от даров природы. Ежедневное пребывание один на один с дикой природой породило сложную религиозную систему добрых и злых духов и отчета перед ними, своеобразный экологический самоконтроль. Человек берег свою землю.

Сердце ханты сжималось при виде того, как русский мужик, чтобы не потерять топор, вонзает его в живое дерево или, не

принеся дар духу леса, рубит живые деревья на дрова. А хантыйские женщины идут за хворостом на болото или за сухим ветельником на остров, так называемые «хантыйские дрова». И это почти ежедневный моцион в зимние дни, хотя хозяйке нужно еще делать много монотонной кропотливой работы, сидя за вышивкой, выделкой шкур и пр. Срубить ветлу на облас хант мог только с разрешения шамана.

Русский крестьянин, человек иной культуры — культуры скотоводства, земледелия — более активно противодействовал природе. Он не только живался в нее — он подстраивал ее к своей жизни. И это активное начало по отношению к природе пугало аборигенов. «Пошто земля шевелишь?» — спрашивали ханты, увидев работу за плугом дяди Прони Гордеева. Сколько было этих наивных вопросов, почти детских и в то же время философских «пошто»!? И уж святотатством считалось, если русский указывал пальцем на небо — жилище Нум Торума. Не случайно ваховские ханты часто в упоминаниях о русских добавляли «дикий русский», а то и просто «рутик-вый» — русский разбойник.

Тотальная коллективизация прошла по Сибири. В одном из поселков на Оби — Александрове — мужики, не желая быть загнанными в колхозное «светлое» будущее, разобрали на плиты дома, взяли пожитки, скот и коллективно отправились вниз по Оби в неизвестность. Конец сентября застал их на песчаной косе одного из островов с гривой, густо заросшей сосняком, кедром, версты на четыре повыше был поселок хантов Майон, но ханты помнили советы шамана Проломкина — жить не пустили. На острове вскоре пошел дым из труб глинобитных русских печей в 15 крестьянских домах. Жизнь пошла своим чередом. По весне мужики смолили рыбацкие лодки, на полях рос овес, ячмень, рожь. На берегу Смолинских ям вскоре заработала ветряная мельница. Дичь была за огородами, а осетров, налимов, по словам старожилы К.Анисимова, «крючили» у деревенских прорубей. Но больно было глядеть крестьянам, как летом скот заедал гнус.

Первым в Мегион перебрался Зырянов. Уж очень его бражку любили ханты. За ним потянулись другие. В 1937 году в Мегионе организована школа-интернат для детей ханты, а также русских из окрестных деревень. Со Смольного в школу Мегиона еще несколько лет бегали наши старожилы Н.Гордеев, К.Анисимов.

Поселок рос, население русских прибывало, чего не скажешь о хантах. Ломка национальных традиций, а также возможность беспрепятственно взять спиртное в открывшейся торговой точке «Интегралке» унесли многие жизни коренного населения.

Всероссийским обществом охраны природы в 1992 году остров Смольный объявлен и зарегистрирован в округе как памятник природы. На острове должна быть прекращена всякая деятельность, территория выводится из охотпользования, введен заповедный режим. Жаль, восточную часть острова подмывает Обь. Вода нет-нет да и вымоет из обвалившегося берега то косу, то ухват, то черепок горшка, то отслужившую проржавевшую лопату, то еще какой предмет труда народа, принесшего на эту землю новую культуру — культуру земледельца.

Дмитрий Шлябин

Куда уходят пароходы

Помните, в песне: «Пароход белый-беленький, черный дым над трубой...» Именно таким издаലെка, из-за поворота реки появлялся этот плавучий дворец. В ту пору, когда в Приобье не было ни шоссейных, ни железных дорог, голубая лента рек знала сотни грузовых, десятки пассажирских судов.

Кто когда-нибудь плыл пароходом, знает, что это настоящее путешествие. Ни с чем нельзя сравнить неспешное чередование пейзажей то с пологими берегами, то с крутыми обрывистыми ярами, покрытыми темной тайгой. Проплывают заливные луга, чумы хантыйских стойбищ, деревушки и села с церквями, аккуратные поселения ссыльных немцев, татарские деревни с мечетями. Закаты сменяют восходы, позади остаются причалы, лодки, обласа. Дует свежий ветерок, кружат чайки. На палубе играет музыка.

Навстречу идут трудяги с черным корпусом, выкрашенной в коричневый цвет палубой. Это грузовые пароходы. Они буксируют крупнейшие плоты леса, баржи с солью для рыбзаводов или запасы муки на зимний сезон.

Пассажирские пароходы — аристократы среди судов, трехэтажные плавучие дворцы из другого мира. Уютные каюты: трюмо, коврики, двери из дуба, отделанные мастерами-краснодеревщиками. Просторный салон-ресторан с дорогими изысканными винами, не в пример какой-нибудь деревенской «Брусничной». Да и люди на пароходе едут чистенькие, принаряженные, кто в гости, кто в район, а кто и дальше — в отпуск. По вечерам на палубе танцы. Женщины на танцах непременно в туфельках, босоножках. До парохода зачастую добирались в сапогах, а туфельки несли с собой в сумочке. Горожане, посещая Приобье, поражались, как сибирские женщины, не имея в глубинке Дома модели, умудрялись быть модно одетыми и красивыми.

А чего уж тут не понять: из сказочного мира приходил этот дворец. И принц для деревенской девушки есть, да не один. Сколько франтоватых, подтянутых парней в наутюженных клешах, начищенных ботинках! Форменки с широким откидным воротом, тельняшки, пряжки, кителя, шевроны, фуражки с гербом — все поражало взор после примелькавшихся за зиму пимов, фуфаяк да малиц.

В конце 50-х теплоходов стало больше. Теплоход приводил в движение дизельный двигатель, работающий на нефтепродуктах. Топливом пароходу служил уголь или дрова. Многие годы существовал особый промысел — заготовка дров на пароходы. Основатель мегионской династии Гордеевых, Прокопий Григорьевич, дядя Проня, крепкий алтайский крестьянин, сбежал на Север от энкавэдэшников. Он два года заготавливал в Нижневартовске дрова для пароходов, так называемый «швырок». В те времена по всем берегам стояли поленницы дров. Этим промыслом занималась и семья Седых, перепилившая все осинники по Меге, прежде чем грива превратилась в огороды. Анна Петровна Седых вспоминала, что соровой лес (осинники, березняки) сплошь стоял по берегам, его и пилили. А вот хвойные деревья люди жалели.

До появления теплоходов дрова для пароходов заготавливались по всей Сибири. Но в отличие от 30-х, в последующие годы его пилили только из отходов и нестроевого леса. И нашим родителям в Томской области пришлось со ссыльными немцами трудармии заготавливать «швырок» из макушек леса.

С появлением белоснежных красавцев-теплоходов не исчезли и еще долго служили пароходы. Многие жители помнят эти суда, не раз ступали на их палубу. В 60-е годы причаливали к мегионскому берегу теплоходы «М.Калинин», «М.Ульянова», «Ленинский комсомол», «Патрис Лумумба» и пароходы «Бийск», «Карл Либкнехт», «Роза Люксембург», «М.Горький», «Карл Маркс». По Ваху в 50–60-е годы ходили пароходы «Храбрый», «Баррикадист» и «Ненец». Водил их бессменный капитан М.Антополь.

И пароходы, и теплоходы служили не один десяток лет, но на смену им пришли суда нового поколения — на подводных крыльях, со скоростью свыше 50 километров.

В начале 60-х Приобье было объявлено ударной комсомольской стройкой. Вот тогда-то повезли к нам зеков. В 1964 году причалил к берегу пароход «Карл Либкнехт» с очередной, самой большой партией условно освобожденных. Привезли их на исправление, в трудовых подвигах осваивать нефтеносный край. И превратился белый пароход-красавец в зековское общежитие. Вот какую публику напоследок повидали каюты и трюмы парохода. Старожилы говорят, что именно на этом парохо-

де, но с другим названием, в 20-е годы проходил по Оби знаменитый адмирал и полярник, «спаситель России» А.В.Колчак. На вечном приколе стоит теперь этот пароход возле поселка СУ-920, отравляя ржавым остовом воды Меги. Могилы умерших по дороге солдат армии Колчака сохранялись до середины 50-х годов на левобережье протоки Быстрой. В дальнейшем берег был смыт вместе с захоронениями.

Летом 1963 года к нашим берегам на три дня причалил плавучий зверинец, филиал зоопарка г. Алма-Аты. Пароход назывался «Роза Люксембург». Помнится, как деревенские собаки долго нюхали доносящиеся с парохода непонятные запахи. А когда зарычал лев, от звука голоса «царя зверей» все деревенские собаки, даже медвежатники, поджав хвосты, спрятались под крыльцо.

— Это вам не кошек обижать, — смеялся служитель зоопарка.

А вот еще одна судьба. Лет 10 назад плывет, бывало, пароход навстречу судам, ни отмашки флажками, ни сигнальных огней. Обходят суда, боятся столкновения, поравнялись с ним, а он без команды, точь-в-точь, как «Летучий Голландец» в Бермудах. Вот тогда и пришвартовали его на противоположном берегу Меги. Многие, наверно, знают этот пароход с еще сохранившимся названием «Бийск». Когда-то за трое суток на этом судне можно было попасть до Новосибирска. Конечным пунктом парохода был город Бийск. Жаль, и этот пароход превратился в металлолом, хотя все в нем было исправно, даже уцелела огромная паровая машина. Вроде бы, кто-то плавучий ресторан хотел устроить (уж лучше бы музей), но не судьба. Хотелось бы, чтобы наша история не осталась только на картинках, и чтобы попытка создания в 1964 году А.Н.Лоскутовым плавучего музея и агиттеплохода на «Аркадии Гайдаре» переросла в программу по созданию водного музейно-туристического комплекса.

Уходят в прошлое теплоходы, другие виды транспорта теснят водников. А увидишь пароход, и обдаст тем ощущением прежней радости, когда едва пройдет ледоход, а из-за поворота реки до деревни доносятся гудки парохода. Может, ослышались? Да нет же, вон и пароход белой громадой, каким-то айсбергом виднеется вдалеке. Ликованию нет предела, вся деревня на берегу. Слышна музыка, шлепанье лопастей. Пароход сбавляет ход, подходит к берегу, доносятся команды капитана, отдаваемые в рупор:

— Отдать чалку! — и на берег летит веревка с пригрузом.

— Отдать швартовые! — падает в воду якорь, гремит опускающаяся цепь.

— Спустить трап!

Ослепительно белый, свежесывкрашенный, пахнущий краской, углем, паром, кухней — словом, тем, что присуще только ему,

первый пароход — это значительное событие. Это и новые люди, и новые кинофильмы, и старые знакомые. Как правило, пароход привозил из района начальство: уполномоченных по сельскому хозяйству, представителей рыбучастков или лесничеств.

На корме, на цепи — медвежонок, а то и два, подарок из какой-нибудь таежной деревни. Кок приносит Мишеньке или Машеньке кухонные отходы. Медвежонок выпрашивает у публики конфеты, встает на задние лапы, пляшет, прыгает на месте на четвереньках.

Летом матросы пополняют трюмы провизией, перетаскивают запасы рыбы, мяса, складывают на корме поленницы дров. Жители деревень смотрят на проезжающих с мыслью: «И куда несет их?», а сверху с палубы смотрят на жителей пассажиры с видом: «И живут же в богом забытом месте». И те, и другие отмахиваются от комаров.

Непередаваемая грусть в долгих прощальных гудках последнего парохода, последнего рейса в студеных водах, в белых берегах. А случалось, вмерзали суда и были вынуждены зимовать во льду. В 30-е годы «замерз» пароход пониже Мегиона. Команда разбегалась до весны по домам, а вот один матрос, огромного роста, зазимовал. Зиму промышлял по сорам колонков да прочую живность. Квартировал он в семье хантов. Лет пять не ступал на палубу парохода. «Серовым охотником» в деревне стали звать приезжего поляка. Два сына и дочь родилось у местной хантййки за время длительной «зимовки» матроса. Но все же уехал этот человек из Мегиона, а в деревне пошла линия Островских.

А вот по Ваху, возле с. Лапчинска пароход вмерз в лед вместе с баржей арбузов. У хантов предела радости не было, вся деревня зиму пьянствовала. Нарубят в бочку арбузов, бросят горсть дрожжей, и так «всю зиму гуляли, калера, однако!».

Извечно весной уносит Обь в сторону моря лед, в мае, как и прежде, открывается навигация: путь большим и малым судам, но все реже услышишь пароходный гудок или увидишь белый-белый пароход. И грустно защемит в душе, и вспомнится, как пели в детстве: «Как провожают пароходы, совсем не так, как поезда. Обские медленные воды, не то, что рельсы в два ряда...».

Татьяна Юргенсон

То время слишком памятно

Неожиданными бывают повороты истории. Ну, кто мог еще пятьдесят лет назад предсказать то, что край охотников и рыбо-

ловов, ссыльных и репрессированных крестьян, многих тысяч жертв, по которым еще не звенел колокол и вряд ли когда уже зазвенит, вдруг станет всемирно известен?

Самотлор, Нижневартовск, Мегион... Сегодня эти названия вряд ли у кого вызовут вопрос: а где это? Сегодня понятием нефть насквозь пропитан Тюменский Север в переносном и, увы, в самом прямом смысле. Издержки производства и человеческой самовлюбленности. И мы, молодое поколение, и те, кто осваивал нефтяные месторождения, не знаем другой жизни и вряд ли можем ее представить. Но еще остались старожилы, которые помнят совсем другие времена.

Так уж получилось, что вольных поселенцев в этих диких и суровых краях не было, за исключением нескольких хантыйских семей. Охота, рыбалка... Казалось, ничто не может повлиять на многовековой уклад. Но 20 век, начавшийся с революций, потряс Российское государство до основания, и уже в тридцатые годы на многочисленных протоках и островах Среднего Приобья появились десятки новых населенных пунктов, правда, против воли их обитателей. Тысячи репрессированных были вынуждены обживать новые места. Спецпереселенцев было столько, что вдоль всего Среднего Приобья стихийно организовалась не одна сотня новых деревень, потому как людей выгружали из барж чаще всего на совершенно пустынный берег.

К концу 30-х годов в окрестностях будущего города Мегион уже существовало около десятка деревень: Мега, Мысовая Мега, Лекрысово, Смольный, Погорельск... Но центром было старое хантыйское поселение, о котором в своих дневниковых записях конца прошлого века упоминает русский исследователь Севера Дунин-Горкавич.

В 1939 году, когда в Мегион переехала семья Винокуровых, в деревне уже существовал промколхоз «Ударник», в котором колхозники крестьянствовали и ловили рыбу. Виктору Никифоровичу Винокурову тогда было только 14 лет, но он, как и другие его сверстники, уже всюду трудился в колхозе — рыбачил, сеял. Начало войны встретил в поле.

На фронт его взяли в мае 43-го, и за два года войны он получил две боевые профессии — артиллериста и танкиста, и два тяжелых ранения, из-за которых его демобилизовали в мае 45-го. Он вернулся домой, и все дальнейшие события в жизни Мегиона происходили на его глазах, да к тому же он сам был активным участником послевоенного развития народного хозяйства, так как по возвращении его избрали председателем колхоза «Ударник».

Май 45-го словно вдохнул в людей новую жизнь, новые силы, хотя далеко не сразу наступило настоящее облегчение. Особен-

но тяжело в это время было женщинам. Мужчины возвращались в село постепенно, и на женщинах, которые по 20 часов в сутки работали в годы войны, еще долго лежал весь груз колхозных работ.

Колхозы крепчали, постепенно жизнь налаживалась, и люди стали чувствовать себя более уверенно. Они, потомственные крестьяне, вернулись к своему занятию. Сеяли хлеб, держали скот, делали сани, дуги, выдeldывали овчину. Даже завели звероферму по разведению серебристых лисиц. Дело поставили так, что звероферма была признана племенной. В общем, мегиионцы тех лет ни на кого не надеялись и обеспечивали себя всем необходимым. Завозили сюда только муку, сахар, соль.

Большим подспорьем в жизни людей была тайга, которая в те годы была еще прямо у ворот. Отошел от деревни 200–300 метров – тут тебе ягоды и грибы, кедрач с шишками и дичь.

К середине пятидесятых жизнь колхозов и колхозников полностью наладилась, и нелегкий труд крестьян уже приносил ощутимые плоды. Но вот в 54-ом году, с приходом к власти Н.С.Хрущева, начались новые изменения – укрупнения хозяйств. И в том же году произошло объединение четырех колхозов в Мегиионе: «Ударник», имени Калинина, имени Стаханова, имени Куйбышева. За новым колхозом оставили название имени Калинина, и возглавил его Виктор Никифорович Винокуров. После объединения в колхозе уже было около 100 человек, а хозяйство насчитывало более 1000 голов крупного рогатого скота, 500 овец, 300 лошадей, 50 свиноматок. Сеяли рожь, овес, ячмень, даже кукурузу на силос.

Через год у колхоза появился новый председатель, а Виктор Никифорович, оставив пост, сел на первый и единственный тогда в Мегиионе трактор.

Развал деревни, крестьянского уклада произошел на удивление быстро, и принесли его с собой проходчики. Поиски нефти, множество техники, высокая заработная плата в отличие от колхозных трудодней все больше и больше привлекали людей, и не только молодежь. Нефть посулила огромному краю богатство более легкое и гораздо больше, чем давал труд крестьянина. И деревни, в каждой из которых уже были школы, магазины, начали пустеть.

В 1962 году на базе колхоза имени Калинина был организован совхоз, который первоначально был на балансе окружного управления сельского хозяйства, а потом был передан на баланс разведочной экспедиции. Сегодняшнее ТОО «Заря» – лишь слабый потомок того колхоза, который через пот, кровь и мозоли создавали в Мегиионе более 50 лет назад спецпереселенцы.

Выиграл от этого город или проиграл — трудно сказать. Так уж сложилось, что у Мегиона дальнейшая судьба связана с нефтью. Но это совсем не значит, что можно напрочь забыть и о другом богатстве, которое может дать эта земля, стоит только подарить ей свою любовь и труд.

Старожилы это знают и хранят эти знания в памяти. И задача нашего поколения — не растерять эти знания. Что может быть лучше краюхи хлеба, выращенного своими руками?

Елена Храпова

Строители прошлого и настоящего

Первые строители возводили Мегион деревянный. Когда в 1975 году в Мегионе появилась первая пятиэтажка, мегионцы смотрели на нее как на чудо, а теперь именуют «скворечником» из-за маленьких квартир. В шестидесятые-семидесятые годы Мегион застраивался деревянными брусовыми домами. Частично те дома снесены, но все же не менее трети городской территории до сих пор занимают «деревяшки». Если посмотреть на старые фотографии, видно, как Мегион вырос, похорошел, но если сравнить его с соседними городами, то понимаешь: здесь недостает еще многого.

Сварщики самой высокой квалификации

Одной из лучших строительных бригад не только в Мегионе, а во всем регионе долгие годы была бригада сварщиков-монтажников Александра Филипповича Морозова из СУ-12.

В Мегион Александр Морозов приехал в 1970 году. Строительной специальности у него не было, однако его, 23-летнего, взяли сразу в бригаду строителей. Сейчас он с благодарностью говорит о наставниках, которые передавали ему секреты мастерства. Это были строители с Украины.

— Бригада была сплоченной, в ней — высококлассные специалисты, они увидели, что мне интересно, и обучали охотно. А мне, в самом деле, очень нравилось: даже снилось, как сварка идет. Когда эта бригада уехала, в управлении мне помогли набрать людей и создали новую бригаду. И я в 25 лет стал бригадиром сварщиков-монтажников. Не сразу, но получилось хорошую бригаду создать. В разные годы было в ней от 12 до 20 человек — кто в армию уходил, кто уезжал. Меня пожилой наставник научил работать, и я старался других учить. И понял, что бригадир должен не только показывать пальцем, что делать, а обязан предвидеть, что надо подготовить через час, после обе-

да. Организовать все, чтобы рабочие не сидели и не ждали, пока что-то подвезут.

Без сварщика трубопровод не проложить и дом не возвести. И Морозов с бригадой работал на многих строящихся объектах в Мегионе. Правда, жилье его бригада не строила, и на первом в Мегионе пятиэтажном доме, который построило именно СУ-12 в 1975 году, он не работал. Его сварщики специализировались на строительстве металлоконструкций. Из металла — балок, колонн — собирали, сваривали каркас зданий городской поликлиники, ЛДЦ, наркологической клиники, пожарной части, зданий «Энергонефти» и передавали их каменщикам.

И только на возведении нынешнего магазина «Мегион» бригада Морозова работала от нулевой точки и до его открытия. По проекту это был ресторан, строился он как раз в то время, когда решалось: быть Мегиону городом, или нет. Управляющий трестом Андрей Иванович Наливайко торопил: очень хотел сдать объект в срок. Потому здесь Александр Филиппович и штукатурил, и даже витражи из стекла собирал.

Потом в строительной отрасли стала проходить специализация. Одни строители переквалифицировались и стали строить только жилые дома, другие — только трубопроводы, третьи — возводить промышленные объекты. Бригада Морозова полностью перешла на строительство ДНС, КНС (дожимные и компрессорные насосные станции), нефтепроводов, трубопроводов высокого давления. Это было своего рода признанием мастерства бригады, потому что сооружение ДНС по плечу только сварщикам самой высокой квалификации.

— Был специализированный трест, который прокладывал трубопроводы по тайге, болотам, т. е. тянул линию, но его работники отказывались работать на дэнээсках — сложно. Они приставляли трубу к трубе и шли дальше. А мы внутри все монтировали. В среднем на каждой ДНС — 10–15 км трубы, которую надо было сварить. И не просто сварить. Здесь ведь задвижки, клапана, отводы, повороты, нужно все рассчитывать, сверяясь с чертежами, чтобы все вписалось, чтобы работало.

СУ-12, да и весь трест «Мегионнефтепромстрой», в девяностые годы перестали существовать. Морозов был председателем совета трудового коллектива, и потому он из организации уволился одним из последних. А потом устроился на работу в спецСМУ «Славнефтьстрой», которое было создано нефтяниками, и в этом специализированном управлении он до выхода на пенсию был прорабом, занимался знакомым делом — обустройством месторождений.

Сейчас Александр Филиппович с гордостью говорит:

– Все ДНС и КНС в этом краю я строил. Именно все, ни одной не пропустил! Ведь все дэнээски на месторождениях «Мегионнефтегаза» и на большинстве месторождений «Покачевнефтегаза» и «Лангепаснефтегаза» построены в тот период, когда я работал. Теперь их только ремонтируют, расширяют, подновляют.

Мегион, конец 70-х. Первостроители вспоминают: по городу невозможно было пройти, грязи выше колена. Рассаживались кто на самосвал, кто на кран и ехали. Какая там техника безопасности? Не до нее было! Раньше по-другому на работу смотрели, и заинтересованность у рабочих была. Нужно сделать – значит, не считались ни со временем, ни с какими-то трудностями.

Этажи современности

Большинство деревянных домов в шестидесятые-семидесятые годы и первый пятиэтажный дом в Мегионе построило СУ-12. Затем это управление переключилось на промышленное строительство, а возведением жилья стал заниматься трест «Мегионгеолстрой». В конце семидесятых – начале восьмидесятых МГС построил в Мегионе около десятка пятиэтажных жилых домов, но темпы строительства не могли удовлетворить потребности растущего Мегиона.

В 1981 году СУ-5 начало бить сваи на берегу Меги под первый девятиэтажный крупнопанельный дом асбестостроевской серии. Пока жилищная проблема была предельно острой, СУ-5 сдавало в эксплуатацию девятиэтажки одну за другой, всего возвели 29 домов этой серии. Строили также детские сады, школы. О красоте сначала не особо заботились, как говорят, было не до жиру. А потом огляделись: из-за однообразных бетонных коробок город становится унылым, невзрачным. Только раскраска панелей в разные цвета несколько оживляла монотонную картину. И тогда администрация Мегиона поставила задачу – строить не просто качественные дома, а чтобы они были еще и красивыми, радовали глаз. Выполнять ее опять же стал «Мегионгорстрой». Другой мощной строительной компанией Мегиона является ЗАО «Мегионжилстрой», но это предприятие специализируется на возведении жилья одной – дээсковской – серии, за объекты другого типа берется редко. Кирпичные жилые дома по сложным оригинальным проектам, Дворец бракосочетания, монумент первооткрывателям, реконструкция зданий больничных корпусов – это работа для «Мегионгорстроя»...

Был поселковый клуб

Хотя в конце пятидесятых Мегион и был всего лишь крохотным поселком, затерянным на сибирских просторах, но ни в коем случае нельзя сказать, что здесь не было культурной жизни. То, что Мегионский дом культуры был самым большим зданием, говорит само за себя. Досугу населения уделялось очень большое внимание.

Дом культуры, который народ называл поселковым клубом, был построен из деревянного бруса, оштукатуренного изнутри. Помещение разделено на две части: в одной — библиотека, фойе и касса, а в другой — зрительный зал. Он был небольшой (на 145 мест). Вместо кресел деревянные некрашенные скамейки, а печку заменяла огромная, покрытая черным лаком железная бочка. Она давала тепло только до тех пор, пока горели дрова, а когда угли остывали, становилось чуть-чуть теплее, чем на улице. К тому же Нижневартовская киносеть частенько опаздывала с подвозом топлива, и тогда зрители, спешившие в клуб, несли с собой по несколько поленьев.

Но, несмотря на все это, жители поселка очень любили свой клуб. Киносезансы проходили по 4-5 раз в день, и на каждый из них было столько желающих, что зал едва вмещал всех юных и взрослых мегионцев.

По выходным после кино проходили танцы. Огни в окнах клуба гасли только поздно ночью, а рано утром его двери вновь распахивались для работы кружков художественной самодеятельности и балетной студии. В клубе работал небольшой, но очень веселый и сплоченный коллектив: В.Кривков — киномеханик, Г.Кривкова — моторист, Т.Топорков и В.Перемитин — ученики механика, В.Шлябина — контролер, Т.Мамаева — кассир и другие.

В 1968 году коллектив показал один из лучших результатов в области, выполнив план по кассовым сборам на 200 процентов.

К середине шестидесятых поселок вырос более чем в два раза. В новом микрорайоне геологи построили свой клуб. Там было отопление, и туда охотнее ходили.

Осенью 1973 года было сдано в эксплуатацию новое комфортабельное здание Дома культуры «Прометей», объединившее оба клуба. Вспоминает Тамара Николаевна Мамаева: «Я работала в колхозном клубе, а потом перешла в «Прометей». Конечно, в новом здании было красиво, тепло, удобно, но для меня самым лучшим навсегда останется старое. Такой атмосферы единства, душевного тепла, уважения друг к другу и коллектива, и посетителей я больше нигде не встречала. У нас была крохотная зар-

плата, напряженная работа в холодном помещении, но мы искренне ее любили, и зрители понимали и ценили это».

Более четверти века «Прометей» остается единственным Домом культуры в нашем городе. В минувшем году в нем прошла реконструкция, здание приобрело современный внешний вид и внутреннюю отделку, оснащено новейшим световым и звуковым оборудованием. Перечень мероприятий, проходивших здесь, занял бы длинный список. А из маленькой библиотеки, занимавшей в клубе комнатку, выросла целая библиотечная сеть, которую с удовольствием посещают представители всех социальных слоев и возрастных групп Мегиона.

То, насколько изменился облик нашего города, лишний раз доказывает, что человеку жизненно необходимо не только работать, но и полноценно отдыхать, всесторонне развиваться. В противном случае его нельзя назвать истинно культурным человеком, независимо от того, где он живет — в городе или маленьком сибирском поселке.

Елена Львова

Почта — как это было

Хотя наш город отмечает только двадцатый год своего рождения, но большинство служб и учреждений возникали и развивались не на пустом месте, а на базе существовавших ранее. В поселке были и школа, и больница, и клуб, и почта.

На высоком берегу над Обью стоит маленький домик, практически ничем не отличающийся от других домов, что неподалеку. Здесь 40 лет назад находилась и поселковая почта, и сберкасса. Весь штат учреждения составляли три человека: Валентина Захарова обслуживала жителей колхоза, Зоя Павловна Кочергина разносила корреспонденцию в районе геологов, а Георгий Васильевич Храмцов возглавлял почту. Корреспонденцию в те годы привозили только раз в месяц на вертолете или катере, телефонной связи не было, сообщения передавали морзьянкой.

После начала разработки нефтяных месторождений Мегион начал быстро расти, приезжали новые жители, строились жилые дома. Тот день, когда ввели в эксплуатацию здание почты на улице Советской, был настоящим праздником и для связистов, и для горожан. Это и неудивительно — здесь были и телеграф, и две телефонные кабинки, и помещения, где сортировалась корреспонденция, и место хранения посылок.

«Алло, алло, это Новосибирск?» — голос телефонистки с трудом пробивался сквозь треск помех. Со многими территориями

связаться можно было только в ночное время, когда линия разгружалась. В 70-е годы бригада мегионских почтальонов считалась одной из лучших не только в районе, но и во всей области. Хотя их работу нельзя было назвать ни легкой, ни приятной. Женщины сами грузили мешки с письмами и посылочные ящики, по домам разносились не только газеты, но и бандероли, пенсии, переводы, собирали плату за радио, принимали подписку и телеграммы. Семьи выписывали по 10–15 изданий, и каждый день в ливень и лютей мороз к любому дому или балку шел почтальон с «толстой сумкой на ремне».

Время не стояло на месте. Город рос, строился. Появились отделения связи, опорные ящики для почтальонов. В конце 80-х выросло трехэтажное каменное здание почты. Сейчас трудно даже перечислить то количество услуг, которое связисты предоставляют населению: это и Интернет, и электронная почта, и гибридное письмо, и многое другое. Мы воспринимаем все как должное, а ведь от крохотного домика на берегу Оби нас отделяет только сорок лет. Меньше, чем человеческая жизнь, только одно поколение...

Литература

1. Львова Е. Был поселковый клуб : [очерк] // Мегионские новости. – 2000. – 25 авг. – С. 2.
2. Львова Е. Почта – как это было : [очерк] // Мегионские новости. – 2000. – 16 авг. – С. 3.
3. Храпова Е. Строители прошлого и настоящего : [докум. очерк] // Югра. – 2010. – № 12. – С. 33–38.
4. Шлябин Д. Дорогами прошлого : [очерк] // Новости Приобья. – 1998. – 15 авг. – С. 3.
5. Шлябин Д. «Золотой век» деревни Мегион : [очерк] // Мегионские новости. – 2001. – 31 июля. – С. 3; 3 авг. – С. 4
6. Шлябин Д. Куда уходят пароходы : [очерк] // Мегионские новости. – 2000. – 28 июля. – С. 7.
7. Шлябин Д. Остров Смольный : [очерк] // Югра. – 1993. – №11. – С.17–18.
8. Юргенсон Т. То время слишком памятно : [очерк] // Мегионские новости. – 1995. – 24 июня. – С. 3.

МОЯ СУДЬБА СВЯЗАНА С МЕГИОНОМ

Джамиля Шайдуллина

Жизнь прожить – не поле перейти

2000 год оказался необыкновенно щедрым на юбилеи. Город Мегион отмечал 20-летие, Ханты-Мансийскому автономному ок-

ругу исполнилось 70 лет, а для Николая Леонтьевича и Зои Павловны Ильиных он стал годом золотой свадьбы.

В далеком 1950 году сочетались они законным браком в Нижневартовске, поскольку не было тогда загса в Мегионе, и с тех пор всегда вместе, радости и печали делят пополам. Позади — целая жизнь, отданная удивительной сибирской земле, неласковой, но щедрой к тому, кто по-настоящему ее любит.

Давно стали взрослыми их дети, подрастают внуки, а кажется, что еще вчера Николай Леонтьевич и Зоя Павловна были молоды, полны сил и надежд. Говорят, жизнь прожить — не поле перейти. Да ведь и перейти поле не так просто. Сколько нужно отбить поклонов земле, сколько пота пролить, чтобы ответила она человеку благодатным урожаем. Сколько раз исходил мегионские поля и земли вдоль и поперек Николай Ильин, никто не считал. 14-летним парнишкой начал он в колхозе свою трудовую биографию, да так и не отпустила его земля, пока не вышел он на пенсию...

А начиналось это так.

Плыл по реке пароход

В далеком 1930 году плыл по реке Оби пароход. Плыл издалека, к неведомым берегам. Среди прочих пассажиров на борту находилась и раскулаченная семья Ильиных. Сослали Леонтия Михайловича и Феклу Андреевну с детьми малыми из Красноярского края. Казалось бы, тоже Сибирь, и некуда ссылать дальше, да для них нашлись места более глухие и необжитые. Причалил пароход к небольшой пристани с диковинным названием «Мегион». Вместе с родителями впервые ступил несмышленный еще трехлетний Коля Ильин на мегионскую землю. Случилось это 70 лет назад.

В те времена на месте нынешнего Мегиона находился небольшой поселок, дворов 20. Русских семей было всего три, две семьи татар, а остальные 15 — коренные жители — ханты. Называли его Юрты Мегионские. Поселилась вновь прибывшая семья Ильиных в деревне Мега, в 12 км от Мегиона (сейчас там располагаются дачи, по дороге на Нижневартовск). Там насчитывалось всего 10 домов, а проживающие 20 семей работали в колхозе «Ударник». Колхозов в округе в те годы хватало. Колхоз имени Калинина был организован в поселке Мысовая Мега (7 км от «Ударника»), на острове Лекрысово — колхоз имени Куйбышева. В самом Мегионе работала рыбацкая артель имени Стаханова. А районный центр находился в Ларьяке.

«В зоне рискованного земледелия» (так называют наш край сегодня) сеяли овес, рожь, лен, табак и коноплю, капушту, кар-

тофель, другие овощи, кормовые культуры. Разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей. О том, что колхозники достигали неплохих результатов, свидетельствуют документы Нижневартовского районного архива: «Уже в 29-31 годах в колхозах сеяли новые сорта картофеля, например, «Ранняя роза». В Лекрысово внедряли передовой опыт организации труда колхозников, кормления и раздоя местных пород коров, зоотехнические новшества». И, по-видимому, небезуспешно, потому что председатель колхоза им. Куйбышева Крюков был приглашен в 1940 году на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. В 40-е годы раскорчевывались леса под новые площади, завозился племенной скот, адаптированные сорта семян...

Но помешала война... И главной задачей стало – все для фронта, все для победы.

«Покой нам только снится»

Николаю Ильину исполнилось к тому времени 14 лет, успел он закончить 4 класса в Мегионской школе, а в 5-й класс поехал учиться в Нижневартовск (там была семилетка). Добираться приходилось зимой на лошадях, летом – на обласах, лодках. Жила детвора в интернате, но было им не до учебы, жалкий паек не мог удовлетворить запросы растущего организма, постоянно хотелось есть. А тут война грянула, ушел старший сын Ильиных Андрей на фронт, а Николай бросил школу и пошел в колхоз разнорабочим. Был он крепким, высокого роста, поэтому пришлось довольно рано узнать, что такое тяжелый физический труд. Работал и на покосе, и лесозаготовках, и рыбачил. С утра до вечера, без выходных вместе с такими же мальчишками не разгибал он спины. Дисциплина была жесткая, планы спускались из района высокие, только рыбы требовалось отправлять по 400-500 центнеров в месяц. Попробуй не выполни. И под суд можно было попасть... Закончилась война, но жизнь в колхозе шла все тем же чередом, легче не стало. И уйти бы на производство, на рыбзавод в Нижневартовск или на пристань, но документов не давали... И остался Николай Леонтьевич на земле, ей посвятил всю свою жизнь.

В 20 лет назначили его бригадиром полеводческой бригады. В 1957 году, был он тогда уже женатым, переехал с семьей в Лекрысово, там жил и работал до 1964 года, пока не назначили его председателем колхоза «Мегионский». «Быть руководителем непросто, – вспоминает Николай Леонтьевич, – рабочему проще, а тут обо всех надо думать, обеспечить фронтом работ. Не хватало людей, техники».

К тому же появились в начале 60-х здесь геологи, обжили остров Баграс, там и забил первый нефтяной фонтан, открыв-

ший новую страницу в истории Среднего Приобья. Стали многие колхозники уходить на заработки к геологам и нефтяникам.

В 1966 году преобразовался колхоз в совхоз «Мегионский» по примеру соседей (совхоз «Нижнеуртовский» возник раньше). Осталось в колхозе 64 работника, всего две бригады. Не смог уйти и Николай Леонтьевич, остался верен земле, которой посвятил жизнь. В последние годы был и бригадиром, и разно-рабочим, и на лесозаготовках работал. Только в 1984 году ушел, как говорят, на заслуженный отдых с общим стажем 43 года...

Отчего болит душа

14 марта 1994 года совхоз «Мегионский» (тогда он был уже подразделением «Мегионнефтегаза») ликвидировали. Возникшее на его месте ТОО «Заря» из-за убыточности «развалилось» в 1996 году...

Единственного места работы, записанного в трудовой книжке Николая Леонтьевича, теперь не существует. Боль и обида — на душе пенсионера Ильина. Как могло такое случиться? Почему развалилось дело, которому отдал он свою жизнь, силы, здоровье?

Когда он уходил на пенсию, в совхозе только дойных коров было 800, да еще молодняк. Выращивали картофель, капусту, морковь, в теплицах — зелень, огурцы, помидоры, цветы. Почему все это стало вдруг нерентабельным? «Отношение к труду стало другим. — считает ветеран. — Директоров столько сменилось, всех и не перечислишь. Они в последнее время почему-то руководили, сидя в конторе и раздавая указания по телефону, а на поле или на пахоту не показывались. Таким стилем руководства много не наработаешь. Земля требует постоянного внимания, она не может вечно только отдавать человеку, наступит время и долги возвращать...».

Ода рукам

... Большие и еще крепкие руки Николая Леонтьевича спокойно лежали на коленях. Какие только орудия труда не держали эти натруженные руки: и плуг, и топор, и косу, и лопату, и весла, и сеть рыбацкую.

Руки, которые не боятся никакой работы.

Тысячи и тысячи таких вот рук в самые тяжелые времена кормили и одевали страну. (Они и сейчас продолжают ее кормить.)

Руки, которые берегли и лелеяли нашу землю.

Руки, которые всегда в цене.

Хочется сказать спасибо этим золотым рукам и склонить перед ними голову...

Призвание — водить корабли

Мой папа Залогин Петр Афанасьевич родился 10 июля 1929 г. в д. Нижне-Панино Александровского района Томской области.

Семья была большая: отец, мать и семеро детей, мал, мала меньше. Петр — самый младший из братьев. Родители работали в колхозе. Отец был ямщиком, возил начальство, почту, шорничал для колхоза. Однажды при заготовке ореха упал с кедрача и сломал ногу. Восемь месяцев пролежал — уже не надеялись, что поднимется, но его спас ссыльный врач из Ново-Никольска. В деревне была только начальная школа, дальше пришлось учиться в школе, которая находилась в 30 км от дома, в д. Ново-Никольск. Ходили иногда пешком, но вскоре Петруша бросил школу: пришел домой и спрятался в длинную отцовскую шубу, боясь наказания. Решение отца было однозначным: «Раз не хочешь учиться, бери вилы и иди работать в колхоз». Пришлось идти работать. Было тогда ему 12 лет. Но вскоре его пригласил на охоту ханты Осип Рачин. До охотничьей избушки шли весь день. Осип думал, что парнишка не выдержит, не хватит терпения и силы воли. Но он ошибался. Парень оказался настойчивым и очень терпеливым. Эти качества характера помогли ему всю жизнь. Но еще подросток обладал редким для молодых людей качеством — добродушием.

Со временем Петр стал самостоятельно ходить на охоту — это занятие пришлось ему по душе. Однажды, охотясь, он подобрал лисят и принес их домой. Они жили до первых заморозков, потом лисят отпустили на волю, но они еще долго приходили к дому, и Петр подкармливал их рыбой. Регулярно, после охоты, в доме кто-нибудь да появлялся.

Осип учил его секретам охотничьего дела. Кроме охоты Петр рыбачил. Когда началась война, все приобретенные навыки оченьгодились. В колхозе отец трудился наравне со взрослыми. Зимой заготавливали и вывозили лес, летом сеяли хлеб, занимались выращиванием овощей, косили траву, ухаживали за скотом. Работали с утра до позднего вечера. Был случай: направили его на вывозку сена. Поехал вместе с напарником, а лошадь попала беспокойная: кусалась и лягалась. Ухватила Петра за голову, хорошо в шапке был — спасла. Но лошадь была строптивая, улучив момент, лягнула их обоих. Одному рассекла голень — неделю ходить не мог, а другому губу разбила и зуб выбила. Время было тяжелое. В деревне одни женщины, старики да дети. Дома — отец-инвалид, да сестры, братья ушли на фронт. Петр

был кормильцем не только своей семьи, но и помогал всем, кто в этом нуждался. В конце года на заработанные трудовые получал так же, как и все работники колхоза, зерно, масло сливочное, иногда деньги (23 копейки).

После окончания войны Петр продолжал работать в колхозе.

В 1949 году был призван на действительную военную службу в Советскую Армию. Служил в Китае — сапером. В 1950 году Петру было присвоено звание сержанта и он был назначен командиром саперного отделения. В 1952 году демобилизовался, вернулся домой.

Работал в колхозе. Потом поступил на работу в Западно-Сибирское пароходство, работал штурвальным. Закончил училище. Вернулся в Александрово, стал работать в Александровской нефтеразведке, которая была реорганизована нефтеразведочную экспедицию на теплоходе «Геофизик» капитаном. Это и стало его призванием.

В 1970 году приехал в Мегион, устроился работать в Мегионский цех технической эксплуатации флота РЭБ Главтюменьгеологии, где проработал до ухода на пенсию в 1989 году. Сначала работал в должности механика — первого помощника капитана на теплоходе «Ак. Менделеев», затем в 1975 году был переведен капитаном-механиком на теплоход «Мегион», в 1977 году на новый теплоход «Поиск». Во время навигации перевозили оборудование, топливо, продукты на буровые по местным таежным рекам: Аган, Вах, Громъеган и другим. Реки таежные, быстрые, в начале лета сильно разливались, а к закрытию навигации становились узкими, в некоторых местах плохо проходимыми — мелководными. Надо было иметь огромный опыт и знание русла рек, чтобы не сесть на мель. В этом ему не было равных. Зная хорошо лоцию местных рек, ему не раз удавалось пройти там, где казалось уже нельзя было это сделать. Поэтому нередко случалось так, что ответственные за перевозку бурового оборудования просили начальника РЭБа отправить Петра Афанасьевича.

Лето в Сибири короткое, надо успеть все доставить в срок, поэтому работали до поздней осени. Завершал навигацию самым последним — когда уже не возможно было продвигаться по реке.

Руководство ценило работу Петра Афанасьевича. Он неоднократно награждался Почетными грамотами, был победителем соц. соревнования, занесен на Доски Почета по Ляминской и областной РЭБ флота, награжден значками «Ударника коммунистического труда». Был награжден медалью «Ветеран труда» в 1984 г., «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» в 1987 г.

После ухода на пенсию работал в Мегионском дорожно-строительном управлении объединения «Мегионнефтегазгеология»

машинистом электростанции в подсобном хозяйстве «Курья» до 1992 года. Здесь же приобрел участок земли, на котором трудился, несмотря на свой возраст до последних лет жизни.

За самоотверженный труд в период войны награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Имеет юбилейные медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Елена Львова

«Это было недавно, это было давно...»

1966 год. Маленький поселок в бескрайней сибирской тайге, где два года назад была найдена первая нефть и начинало осваиваться месторождение. Приехал тогда в Мегион Гелий Сергеевич Елов, да так и остался здесь на всю жизнь.

Немало пришлось ему постранствовать по стране за годы детства и юности. Родился Гелий Сергеевич в городе Челябинске, нелегкое послевоенное детство прошло на острове Сахалин, после окончания Благовещенского речного училища работал капитаном пассажирского судна в Амурском речном пароходстве. В шестидесятые годы быстрыми темпами шло освоение Севера, и юноше захотелось увидеть все это собственными глазами, или, говоря языком рекламных плакатов той поры, «вершить историю своими руками». К тому же, и заработки в Тюменской области обещали немалые.

Начинал Елов работать в Нижневартовском речном флоте, но однажды встретил друга, который рассказал ему о маленьком поселке, где шло активное строительство, начиналась промышленная добыча нефти и нужен был специалист по речным судам для того, чтобы возглавить работу на флоте. Так Гелий Сергеевич приехал работать в наш город. С той поры прошло более тридцати лет, но никогда он не жалел о принятом когда-то решении.

— Жить в первое время приходилось в общежитии, — рассказывает Елов, — в нашей комнате было восемь мест. Кроме меня жили еще семеро условно освобожденных. Мне в первое время странным казалось, что здесь так много бывших заключенных, было интересно, что это за люди, как мы будем вместе работать? Но оказалось, что они очень работоспособные, готовы всегда прийти на помощь. Как это ни странно, но тогда между людьми более сердечные отношения были, умели радоваться хорошему и ценили добро.

Когда приехал в Мегион, то поразила природа и бесхозяйственное отношение к ней человека. Чтобы начать строитель-

ство, вырубили все деревья, расчистили площадки. А когда поднимался ветер, то песчаный смерч гулял по улицам, а зимой, в пургу, ходить невозможно было. Потом начали снова высаживать деревья, привозили дерн, чтобы немного скрепить грунт. А сколько здесь было рыбы! Мы же шук, язёй да окуней за рыбу-то не считали. Брали только муксуна, стерлядку, семгу, нельму. В Локосово, на рыбзаводе, килограмм осетра по пятьдесят копеек государство принимало, а мы переплачивали, по рублю брали. Купишь рыбину килограммов на тридцать, из нее, кроме мяса, еще и десятилитровое ведро икры наберешь. Куда все пропало, ведь не так уж много времени прошло, всего тридцать лет.

Планировалось, что будет здесь вахтовый поселок с максимальным населением в восемь тысяч человек, а дома будут двухэтажными, но время взяло свое, многое изменилось, и теперь на месте поселка — город с красивыми, высотными домами.

Флот, который возглавлял в те годы Гелий Сергеевич, принадлежал восьмой автобазе Мегионнефтегазстроя, а в 1970 году образовалась Мегионская ремонтно-эксплуатационная база флота. Возили лес, стройматериалы по малым речкам и протокам, то есть там, куда суда Министерства речного флота заходить отказывались.

При участии флота строилась Урьевская насосно-нажимная станция, в Радужном трест «Мегионнефтепромстрой» возводил станцию перекачки нефти.

— Практически строительство большинства объектов нефти и газодобычи, — говорит Гелий Сергеевич, — было бы невозможно без участия нас, речников. Мы привозили необходимые части, помогали освоению сибирской нефти, а в результате нефтяники получали за работу ордена на грудь и премии, а о нас забывали в тот момент, когда заканчивал дело. Вот прекрасный показатель — я отработал в городе больше тридцати лет и только месяц назад получил капитальную квартиру.

В последние годы строить стали все меньше, поэтому флот постепенно стал расформировываться. Часть его перешла в Сургут, часть — в Надым. Гелий Сергеевич уже пять лет находится на пенсии, но не хочет покидать Мегион, город, который давно стал ему родным, в строительство которого он вложил столько сил и энергии.

Татьяна Юргенсон

«Обычная совсем история»

Годы юности и молодости сегодняшнего старшего поколения пришлось на самое страшное время двадцатого века. Уже тысячекратно описаны тридцатые, сороковые годы в истории Рос-

сийского государства, и уже каждый новый рассказ не открывает что-то новое, а лишь подтверждает то, что стало известно, и все-таки...

Когда слушаешь очередной безыскусный рассказ о судьбе конкретных людей, их семьи, понимаешь, что страшная книга Правды о том времени все-таки должна быть написана. Ломки общественного строя прежде всего характеризуются кардинальными изменениями человеческих судеб. Чаще всего такие перемены несли горе и гибель, и создай природа человека менее гибким, цивилизация, скорей всего, уже давно бы прекратила свое существование. Но жажда жизни, присущая человеку, совершала поистине чудеса. Тысячи крестьянских семей, насильственно оторванные от своих корней и выброшенные в самых глухих лесах Сибири, не только сумели выжить и закрепиться в чужих для них местах, но и с крестьянской основательностью освоить их.

По такому нелегкому пути унижений и испытаний прошли выходцы с Алтая, родители Анны Васильевны Сухушиной. Беда одна не приходит, но обрушившаяся вслед за массовой коллективизацией и репрессиями война стала лишь продолжением несчастий.

Вспоминать об этом времени Анна Васильевна не настроена. Так, обмолвилась, как заготавливали лес, варили скипидар, как перетаскивали вручную тонны древесины, и было ей тогда всего 16 лет.

Жизнь для нее обрела смысл, когда встретилась с Владимиром Иннокентьевичем, тогда просто Володей. Благодаря государственной пропаганде и политике люди относились друг к другу настороженно и особенно к тем, кого называли спецпереселенцами, репрессированными. Но приглянувшись крепкому сибирскому парню стройной и гордая девушка, и не посмотрел он ни на пересуды, ни на эту унижительную приставку спец.

Они еще почти десять лет прожили в Парабели. Анна Васильевна какое-то время поработала почтальоном, но растущая семья — появились первые сыновья — требовала все больше и больше материнского заботливого внимания. И, в конце концов, Владимир Иннокентьевич сказал жене: «Занимайся домом. Растить сыновей. А я обеспечу».

Развернувшиеся в пятидесятые годы в недоступных сибирских болотах геологоразведочные экспедиции привлекали и внимание, и мужскую силу местного населения. Нужны были рабочие, плотники, помощники бурильщиков. Вот так и пришел в Нарымскую нефтеразведку в 1956 году Владимир Иннокентьевич Сухушин, избрав для себя и для своей большой семьи беспокойную жизнь геологов-разведчиков.

В шестидесятом году Александровская нефтеразведка высадила свою партию на месте бывшей деревни Ермаки...

— Когда мы приехали в деревню, там уже никого не было, — вспоминает Анна Васильевна. — Видно было, что когда-то здесь хлеб растили, дома еще стояли, и поля не совсем заросли травой, но деревня уже была мертва. И поселилось нас тогда здесь двадцать семей. Мужчины искали нефть, а мы, женщины, обеспечивали их «тылы»...

А потом их партия почти в полном составе перебралась в Мегион. Приезжие вызывали любопытство у местных, и геологам были интересны местные жители, их традиции, образ жизни. Строить новый поселок нефтяников на красивом высоком берегу Меги начали все-таки с ориентацией на промысел нефти.

В Мегионе появились первые деревянные двухэтажки по улице Ленина. В одной из них Сухушины получили квартиру. Фотографии и этого дома, и катера «Мегион», и многих других достопримечательностей города, связанных с его историей, бережно хранятся в семейном альбоме Сухушиных.

Здесь вообще относятся бережно ко всему. Анна Васильевна с гордостью за своего мужа показала мне около десяти почетных грамот и дипломов, которыми был отмечен более чем сорокалетний трудовой путь Владимира Иннокентьевича. Посмотрела я и его трудовую книжку. В ней, в графе поощрений и наград, сделано четырнадцать записей!

Самого Владимира Иннокентьевича мне увидеть так и не пришлось, не может этот трудолюбивый человек сидеть без дела. Вот и сейчас он почти круглый год живет на Курье, в бывшей деревне Погорельск, где геологи держат подсобное хозяйство. На старости лет нефтеразведчик занялся сельским хозяйством, и даже корову завел.

А Анна Васильевна, всю жизнь привыкшая ждать дома своего супруга, сохраняя семейный очаг, заботится о внуках, печет мужу пироги, вкладывая в каждое дело свою верность, нежность и любовь, которые она пронесла сквозь все эти годы.

Ирина Бойко

Они стояли у истоков

Семья Щепёткиных приехала в Мегион летом 1961 года. «Приехали» — это не совсем точно, поскольку сюда «только самолетом можно долететь» или по Оби доплыть, как они и сделали.

Так для шестерых человек — трое взрослых и трое детей — Мегион стал конечным пунктом странствий, которое началось в 1957 году в Нарыме, когда Валентина Игнатьевна познакоми-

лась с будущим мужем Василием Дмитриевичем. Вместе работали, вместе отправились в составе экспедиции в Нижневартовск...

И вот Мегион стал для Щепёткиных родным городом. Жили они в здании старой школы. По вечерам строили на берегу Меги (в районе теперешней улицы Сутормина) для себя дом. А по утрам спешили на работу. Он — на бульдозере расчищал площадку для строительства, прокладывал первые дороги, транспортировал буровые вышки с одного куста на другой. Она — в отделе кадров геологии трудилась...

Первые трудные годы освоения стали приятными воспоминаниями. Валентина Игнатъевна мыслями часто возвращается в те времена. Рассказывает о работе, о жизни, и ее лицо лучится улыбкой. Ведь это была их молодость, и все казалось по плечу: «История Мегиона — это ведь по большому счету биография нашего поколения. Север тудяг любит, поэтому остались здесь самые крепкие, стойкие».

О тех, с кем приходилось работать Валентине Игнатъевне, она может рассказывать часами. Раньше всех работников геологии знала в лицо. Что ни имя, то личность. Первого начальника Мегионской нефтеразведки Абазарова вспоминает с особой теплотой: «Справедливым он был, требовательным. Прежде чем с отчетом к нему идти, я несколько раз все перепроверяла. Это не страх был — ответственность. Он был очень организован — от других того же требовал. А людей он ценил. Оттого, может, и родился здесь город. Ведь идея вахтового поселка, этакое временного пристанища для рабочих, уже тогда была. Но Абазаров понимал — жизнь «на потом» не отложишь. Каждому старался помочь обустроиться с семьей. При нем началось строительство школы, клуба...»

Легендарный Норкин — для Щепёткиных товарищ по работе. Начинали вместе еще в Нарыме, потом работали бок о бок здесь. И Валентина Игнатъевна знает, что его громкая слава — не просто символ освоения Севера. Он знающим был, в работу влюбленным, его, как самого опытного, бросали на неосвоенные участки: Ермаки, Самотлор, Мегион — все эти месторождения могли бы носить его имя.

Удивительная память у этой славной женщины. А ведь, казалось, работа должна бы остаться на заднем плане. Для женщины куда важнее дом, быт, семья. А у неё не было своего угла, с матерью оставались дети. Позже, когда немного обустроились, забот не стало меньше. Хозяйством обзавелись, дочь родилась. Василий Дмитриевич на буровой трудился. Те годы Валентина Игнатъевна вспоминает как непрерывную череду рабочих будней. «Я вставала в пять часов утра: корову подоить надо, обед

приготовить и в контору бежать». Кстати, привычка вставать рано сохранилась у нее до сих пор.

«Когда же вы отдыхали?» — спрашиваю.

«Редко. Иногда на другой берег Саймы в лес за грибами ходили, за шишками. На лодке в Лекрысово плавали за ягодой. Вечерами собирались в колхозе. Там проводились заседания депутатов. Три созыва люди оказывали мне доверие, и я старалась его оправдать. Заседать или решать вопросы в рабочее время нельзя было, вот и собирались вечерами. Мы все успевали!»

Действительно, они успевали все: работать, детей растить, с хозяйством управляться и в стороне общественных дел не стояли. И все же на первом месте для Валентины Игнатьевны и Василия Дмитриевича была работа. Её трудовой стаж — около 40 лет, его — и того больше. Как оценка их труда на столе лежат десятка два удостоверений о награждениях. Валентина Игнатьевна достала их по моей просьбе. Я рассматривала белые и красные книжечки, сообщающие, что оба они ветераны труда, не единожды ударники коммунистического труда и победители социалистических соревнований, награждены медалями «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» и так далее, и так далее...

«Да и геологи нас не забывают, поздравляют с праздниками. — рассказывает Валентина Игнатьевна. — Жаловаться — грех! Правда, люди сейчас немного другие стали. Раньше идем по городу — все здороваются друг с другом, улыбаются. Сейчас этого нет, а жаль... Ведь не потому это, что город большим стал, а потому, что люди сторонятся один другого. Каждый живет в своем обособленном мире, один на один и в беде, и в радости. Неправильно это!»

Щепёткины стараются жить по-другому. Самая большая радость — собрать всю семью за столом. Правда, им не всегда это удается. Да и попробуй-ка собери их семью: четверо детей, девять внуков, четверо правнуков!

Валентине Игнатьевне и Василию Дмитриевичу есть чем гордиться и, оглянувшись в прошлое, улыбнуться и сказать: «Живем на земле не зря!»

Елена Львова

Жили, как все

Более тридцати лет назад, когда Мегион был еще маленьким поселком, приехали сюда осваивать северные земли молодые супруги Палкины.

— Приехали, ничего еще не было, только балки железные на Меге, — рассказывает Валентина Яковлевна. — Когда нам квартиру в щитовом доме дали, я даже не поверила своему счастью, это казалось такой роскошью — отдельная однокомнатная квартира.

В поселке клуб был, так мы частенько бегали, хоть и уставали сильно. А потом дети родились, не до того стало. Муж уезжал на вахту на несколько дней, одна оставалась. Жили, как все...

Валентина Яковлевна — коренная сибирячка. Родилась в большой семье рыбака, жили в поселке Верхний Вартовск Томской области. Ее отец был ханты, а мать — русская. С рождения Валентина Яковлевна впитала обычаи, традиции и культуру двух народов. Поселок был рабочим и интернациональным. Много в нем жило сосланных немцев из Поволжья.

Но даже во время войны не было ни одного конфликта из-за того, что сосед другой национальности. Очень уважительно относились люди друг к другу.

Закончив восьмилетку, Валентина Яковлевна работала в нефтеразведочной экспедиции, а затем вместе со многими односельчанами переехала в строящийся поселок Мегион.

Много лет проработала она в городском узле связи телефонистской, а затем телеграфистской.

— На почте тяжело было первое время, — вспоминает Валентина Яковлевна, — телеграф плохо работал, а в праздники телеграмм очень много, приходилось сидеть и по телефону из Нижневартовска принимать. К вечеру ухо и рука болели, уставала очень, домой приходила и спать сразу падала. Все праздники работали, ни один не встречали.

Затем Валентина Яковлевна перешла на телетайп в управление геологии, откуда спустя десять лет и ушла на пенсию, когда начались первые сокращения в 1989 году.

Работа ей очень нравилась. В небольшом коллективе телетайпа Валентину Яковлеву уважали и любили. За все годы не было у нее ни одного нарекания, трудовую книжку украшает множество благодарностей от руководства объединения.

В Мегион вслед за Палкиными приехали родители Валентины Яковлевны. — Когда старенькие стали, — рассказывает она, — мы ухаживали за ними. По хозяйству помочь, приготовить, убрать — все помогали. Теперь вот муж болеть начал сильно. Младший живет с нами, а у старшего — уже тринадцать лет своя семья. Приходит к нам и он, и сноха, и внуки. Дети у нас очень хорошие, заботливые.

В традициях любви и уважения к работе воспитали они с мужем своих сыновей. Ведь без этого невозможно быть счастливым человеком, а ребенок не вырастет полноценным граждани-

ном своего Отечества, если с юных лет не привык хорошо и добросовестно делать любое дело.

Елена Львова

«Я ни о чем не жалею»

Уже двадцать семь лет работает в АО «Мегионнефтегаз» Валентина Ивановна Соколовская. Глядя на эту маленькую скромную женщину, трудно представить, что выполняет она обязанности оператора добычи нефти и газа — ведь принято считать, что это дело чисто мужское.

Приехав в Мегион в 1965 году, семья Соколовских жила в балке, посередине которого стоял титан. Топить его приходилось каждые три часа, иначе по утрам волосы примерзали к стенам. Город был тогда еще поселком. Люди жили в вагончиках, палатках, и деревянные двухэтажки казались роскошью.

Отработав три года в геологии, с надеждой получить квартиру Валентина Ивановна перешла в Нефтепромысловое управление, как называлось тогда АО «МНГ». Устроилась поваром в детский сад, но однообразная работа в душном и тесном помещении тяготила ее.

Родилась и выросла в деревне и привыкла с раннего детства к физическому труду. Женщин на нефтепромыслы брали неохотно, но Нил Ахметович Герфанов, работавший начальником цеха № 2, уступил просьбам Валентины Ивановны, и пришла она в первую бригаду оператором, нарушив все сложившиеся стереотипы.

Добрым словом вспоминает Валентина Ивановна своих наставников — Павла Федоровича Полякова, Ильяса Фараповича Кашапова, Николая Петровича Острикова — у них она училась специальности, обретала навыки профессионализма.

Вслед за женой пришел в бригаду и Альберт Рихардович Соколовский, работавший на ДНС. Долгие годы трудились они вместе, помогая и поддерживая друг друга. А бывало очень тяжело. Это на автомобиле сегодня да по асфальту к Ватинскому месторождению рукой подать. А тогда приходилось добираться до него по деревянным дорогам в жару и мороз на тентованных машинах, а иногда и пешком. Порой проходили по четыре-пять километров до куста или скважины. В одиночку не шли, только по двое-трое. Страх не было, и труд не был в тягость, только желание как можно лучше работать помогало преодолевать все трудности.

Многое изменилось за прошедшие годы. Самым значительным улучшением Валентина Ивановна считает прокладку дорог и использование для перевозки людей не открытых машин, продуваемых всеми ветрами, а теплых автобусов и машин для вахтовых перевозок.

Промысел стал автоматизированным, но техника зачастую ломается и все пробы приходится отбирать руками. Валентина Ивановна признается, что любую неисправность в системе она чувствует по изменению температуры нефти голой рукой.

Когда дети выросли, уговаривали их Соколовские тоже пойти в цех, вместе работать, но они не захотели. Из армии пришли — сразу на машины сели. С тех пор так и ездят. Старший Сергей работает в УТТ-2, а младший Саша — в АТП. Семьи у каждого. Внуки подрастают.

В 1991 году Альберт Рихардовилл был вынужден уйти на пенсию по состоянию здоровья, а Валентина Ивановна осталась на родном месторождении. «Я беру все пробы и замеры, — поясняет она, — мужчины делать это не любят, они всю тяжелую работу на себя берут. Хорошая у нас бригада, ребята все молодые, дружные и добрые.

Ни о чем я не жалею. Так мне нравится здесь работать, особенно летом. На свежем воздухе постоянно. На конторских помотришь, даже загара у них нет. Не видят они красоты всей сибирской. Когда тайга цветет, идешь, а по обе стороны иванчай, так дух захватывает. А зимой деревья все в инее, и все кругом сверкает, действительно, — как в сказке. Господи, да как же я уйду и буду жить без всего этого!»

И в глазах Валентины Ивановны при мысли об этом блеснула слеза. Сейчас она на пенсии, но продолжает работать. Не представляет себя без родной бригады, да и прожить на пенсию невозможно. К большому сожалению, даже самоотверженный труд человека не гарантирует ему обеспеченную старость.

Двадцать восьмого июня 1995 года Ватинское месторождение отмечало 30-летие. Лучшие работники были награждены призами и ценными подарками. За большие заслуги в освоении сибирской нефти Валентина Ивановна Соколовская была награждена Юбилейной медалью 1 степени акционерного общества «Мегионнефтегаз». Но лучшей наградой остается любовь и уважение коллектива — коллег самой «мужественной» женщины, которая избрала своей судьбой единение с природой и богатством недр.

Первый главный врач

...Промозглой осенней ночью в дверь постучали: на пороге стояли две мрачные фигуры в дождевиках с надвинутыми на лицо капюшонами. Пришельцы были немногословны: «Доктор, ранен человек, нужна ваша помощь, собирайтесь». Привычная к таким вызовам она быстро собрала сумку с медицинскими инструментами, не забыв захватить жгут и шовный материал, и шагнула вслед за неизвестными людьми в холодную предутреннюю тьму...

...С детства, сколько себя помнит, Наталья все время играла в «больницу»: первыми ее «пациентами» были куклы и дворовые собаки, которых она «лечила» с огромным удовольствием. Окончив семилетку, девочка из заполярного рыбацкого поселка Шуга поступила в медицинское училище в Салехарде, по окончании которого ее как лучшую ученицу отправили на учебу в Киевский медицинский институт.

Но через десять дней после зачисления в вуз у Натальи в результате несчастного случая умер отец, и она была вынуждена вернуться домой, чтобы помочь матери, на руках у которой оставалось трое младших ребятишек.

Работала фельдшером, выезжая для оказания медицинской помощи за сотни километров на стойбища к ненцам, но продолжала мечтать о высшем образовании. И через три года, проштудировав заново школьную программу и выдержав огромный конкурс, поступила на лечебный факультет Новосибирского медицинского института, который успешно окончила в 1964 году.

Упорству и целеустремленности, с которыми Наталья шла к поставленной цели, можно было позавидовать. Как одну из лучших студенток выпуска ее пригласили на работу в областной отдел здравоохранения города Тюмени, а затем направили «на освоение нефтяной целины» — в строящийся поселок геологов Мегион Нижневартовского района, где к тому времени уже было открыто несколько нефтяных месторождений, а сам регион находился в центре внимания всей страны.

В то время Мегион с населением в тысячу человек еще и поселком трудно было назвать: с десятков рубленых домов на высоком берегу реки, палатки, землянки, балки, вагончики, электростанция, котельная да кучи пней, разбросанных по всей территории. В нескольких местах стояли буровые вышки, по реке сновали баржи и катера. Пейзаж дополняли свалки мусора и тучи комаров. Такая северная романтика нисколько не вдохнов-

ляла двадцатичетырехлетнюю девушку, но с этим нужно было смириться и начинать жизнь «с чистого листа».

Почти год Наталье, которую поселили тут же, в здравпункте, пришлось работать одной и оказывать помощь всем, кто в ней нуждался.

Она была одновременно и хирургом, и педиатром, и гинекологом, и травматологом: приходилось накладывать швы, вправлять вывихи, переливать кровь, лечить гнойные плевриты, делать аборты и даже заниматься судебной медициной — проводить вскрытия (причем, нередко в самых неожиданных и неподходящих местах — на берегу реки, в балках и недостроенных домах)...

В этой ситуации очень выручали книги, которые Наталья привезла с собой, особенно справочник по судебной медицине, и она не раз в душе хвалила себя за предусмотрительность. Работы у единственного поселкового врача было так много, что порой Наталье удавалось поспать не более 2-3 часов в сутки, не хватало времени, чтобы нормально поесть.

Для оказания экстренной помощи геологам и коренному населению на отдаленных месторождениях и хантыйских стойбищах приходилось добираться на гидросамолетах, вертолетах, речных судах — использовать любое средство передвижения, только бы успеть вовремя прийти на помощь. Но случалось и вот так, пешком, среди ночи, топтать невесть в какую даль и спасать людей, иногда рискуя собственной жизнью.

Однажды мужчины принесли к ней истекающую кровью после криминального аборта женщину, и один из них сказал: «Если вы ее не спасете, первую пулю выпущу в вас, вторую — в себя». Спасла не потому, что испугалась — просто чужую жизнь ставила выше своей.

Поножовщина и даже убийства в Мегионе, где жили на поселении условно освобожденные зеки, в 1964-м году не были редкостью: главным развлечением в строящемся северном поселке геологов была выпивка и, как следствие, — пьяные разборки с мордобоем в финале и непредсказуемыми последствиями. И порой оказывать помощь в таких условиях было весьма небезопасно.

...Вот и той ночью она шла по узкому деревянному настилу, тянувшемуся от здравпункта до берега реки, стараясь ступать точно по следам своих спутников, чтобы не провалиться по пояс в тягучую жидкую грязь, и не знала, куда ее ведут, какая помощь может понадобиться пострадавшему...

Незнакомцы привели ее на пароход «Карл Либкнехт», где жили условно освобожденные зеки. В трюме, набитом людьми, раздавались стоны и злые голоса. Свет горящих лучин, казалось, только сгущал темноту, и Наталья почти ничего не видела. При появ-

лении молодой женщины со всех сторон посыпались скабрзные шутки, пересыпанные грязными ругательствами. Наталья с ужасом ощущала, как ее стали хватать чьи-то руки, и в этом кошмаре услышала чей-то спокойный голос: «Иди сюда, дочка, не бойся, я тебя в обиду не дам». Она скорее почувствовала, чем увидела протянутую к ней руку, и доверчиво пошла на зов.

Спаситель Натальи (как потом выяснилось, это был старый зек-рецидивист, отсидевший двадцать лет за убийство) подвел ее к пострадавшему. Доктор сразу поняла: медлить нельзя — парень после ножевого ранения в бедро потерял много крови, и тотчас же взялась за дело. Ушла только после того, как убедилась, что жизнь раненого в безопасности. Те же спутники все так же молча проводили ее домой, и только когда их фигуры растворились в предрассветной дымке, Наталья вдруг ощутила весь ужас среды, в которой пришлось побывать, и того, что могло с ней случиться. Она бросилась к стоящей возле дома бочке и стала ведрами лить на себя ледяную воду, чтобы снять стресс.

Да разве это единичный случай в практике Натальи Яковлевны? Сейчас, вспоминая те годы, она говорит, что было «безумно тяжело», и чтобы вынести все это, не бросить, не сбежать от такой жизни, надо было так же безумно любить свою профессию и любить людей, которым служишь.

«Если боль других твоей не стала — прожита напрасно жизнь врача», — эти слова Вересаева стали своеобразным жизненным кредо Натальи Яковлевны Цыбизовой — первого врача поселка Мегион, а затем и первого главного врача Мегионской городской больницы.

В должности главврача Наталья Яковлевна проработала 14 лет. Во многом благодаря ее стараниям в Мегионе были созданы отделение «скорой помощи», баклаборатория, первая поликлиника, построены здания больничного комплекса и прежней поликлиники для взрослых. Ее усилиями участковая больница на 25 мест (1964 год) переросла в больницу районную на 220 коек (1971 год).

Сегодня Наталья Яковлевна Цыбизова — главный инфекционист нашего города, врач высшей категории, Заслуженный врач Российской Федерации. Орден «Знак Почета», медали «За доблестный труд», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» и звание «Почетный гражданин города Мегиона» — достойная оценка ее заслуг.

Однако, несмотря на столь почетные звания, высокие награды и огромный практический опыт, она по-прежнему продолжает учиться. Профессионализм, ответственность и дисциплиниро-

ванность — вот самые главные качества настоящего врача, считает Наталья Яковлевна.

— Профессионал — это тот, кто постоянно совершенствуется в своей специальности, — говорит она. — Чтобы стать профессионалом, надо затратить очень много знаний и личной энергии: покопаться в учебниках, получить консультацию опытного специалиста — это очень важно. Никогда не позволю себе чего-то не знать в своей профессии, иначе я перестану себя уважать.

По этим критериям она оценивала и молодых докторов: по способности учиться, стремлению узнавать новое, по интеллекту, трудолюбию и, конечно же, по отношению к больным.

И поздравляя всех с 40-летним юбилеем Мегионской больницы, Наталья Яковлевна как истинный врач говорила: «Я желаю всем горожанам здоровья, а медикам — совершенствования своих профессиональных качеств для людей и во имя людей!».*

Елена Усманова

Счастлив тот, кто щедр душою

Двадцать шесть лет проработал в ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз» Александр Петрович Маурер. Последние десять лет — в должности начальника отдела производственного контроля, охраны труда и безопасности движения в УТТ-3. Он ветеран труда, почетный нефтяник, а благодарностей и других поощрений и не сосчитать. За эти годы судьба свела его со многими людьми. Всем он старался помочь, а если требовалось по долгу службы — детально разбирался в ситуациях. Александра Петровича ценили все, особенно водители, чей профессиональный путь во многом зависит от знаний техники безопасности, а порой и просто дельного совета, данного профессионалом. Совсем недавно Александр Маурер вышел на пенсию, но энергии и жизнелюбия у него больше, чем у молодых.

Испытания для сильных — лишь закалка

В истории нашей страны немало мрачных страниц. Александру Мауреру выпало родиться во времена одной из них. 1937 год — массовая ссылка волжских немцев в Казахстан. Всех взрослых и относительно здоровых мужчин, начиная с 18 лет, отправляют в трудовую армию, после которой немногие из них вернутся домой живыми. Сашин отец вернулся уже после войны, в 1948, и это можно считать настоящим чудом. Учиться наш герой начал

* От составителя — Н.Я.Цыбизова умерла 9 ноября 2009 г.

только в 11 лет, раньше просто не в чем было ходить в школу, не было ни обуви, ни одежды. Зато работать стал прежде, чем выучил грамоту. В тяжелое послевоенное время никто не хотел связываться с голодными и худющими подростками, но все же Саша и его старший брат Виктор смогли найти работу пастухов, хоть как-то помогая матери прокормить семью. Недаром говорят, испытания только закаливают сильных духом.

Город его судьбы

Белая полоса всегда сменяет черную. Жизнь налаживалась. 1960—1965 гг. Александр Маурер учится заочно в Кустанайском автомобильном техникуме, а параллельно работает по специальности. Когда Александр Петрович летом 1968 года первый раз приехал в Мегион в отпуск к младшему брату, его сразу поразило то, что он увидел. Природа красоты неопишуемой, люди добрейшие — все привлекало.

И через 7 лет вместе с семьей Александр Маурер переезжает в тогда еще поселок Мегион. Имея к 1975 году 20-летний трудовой стаж, из них 9 лет — в ГАИ, он без труда находит работу в «Мегионнефтегазе», ему предлагают должность инженера по безопасности движения в Ватинской автотракторной конторе. А уже через год Александр Петрович — старший инженер, а с 1991 года — начальник отдела производственного контроля, охраны труда и безопасности движения в УТТ-3. Вот что рассказывает Александр Петрович о своей работе. «Когда я только начинал, было очень тяжело. Транспортная дисциплина оставляла желать лучшего, автомашины ставились возле домов, приходилось проводить частые рейды, прежде чем навели относительный порядок. Много было дорожно-транспортных происшествий. Иногда приходилось выезжать на места аварий до одиннадцати раз на день, а сколько людей погибало! В то время мне казалось, что я не доживу до такого порядка на дорогах как сегодня».

В гармонии с собой

Александр Маурер — один из тех, про кого в народе говорят «самородок». Он необыкновенно разносторонняя личность. Любит и умеет великолепно рисовать. Самостоятельно изучал музыкальные премудрости, играет на баяне, хорошо поет. Это увлечение передалось его детям и внукам: сын окончил мегионскую музыкальную школу по классу баяна, внучка учится игре на фортепьяно. Александр Петрович — национальный кандидат в мастера спорта по шашкам. С 1972 года вел игру по переписке и общался с игроками из самых разных уголков бывшего СССР. У него сохранился целый архив игр, и есть мечта выпустить небольшую книгу-посо-

бие для молодежи. «Потому что, — как считает Александр Петрович, — шашки не просто интересная игра, но и интеллектуальная, требующая сосредоточенности и внимания. Именно шашкам я обязан своим умением действовать максимально безошибочно, просчитывая все ходы наперед, ведь каждый неверный ход грозит суровым поражением». Кроме шашек Маурер увлекался да и увлекается до сих пор и другими видами спорта: штангой, стрельбой...

Вот такой это удивительный человек, опытный и ответственный специалист, требовательный руководитель, творческая личность. Он никогда не мог ответить «нет» на чью-то просьбу о помощи. «Обращаются, значит, им надо, ведь должен же кто-то помогать людям».

Татьяна Широкина

Сдаваться возрасту Карелин не спешит

Михаила Анисимовича Карелина хорошо знают многие мегионцы-нефтяники. Ведь он из числа первопроходцев — тех, кто в далекие шестидесятые годы добывал первую нефть на Багресе, потом осваивал легендарный Саяногорск, Черногорское и другие месторождения нефти. О таких, как Карелин, обычно говорят: всю жизнь отдал работе, и в словах этих нет ни доли преувеличения...

Впрочем, по самой своей первой профессии Михаил Анисимович — охотник-промысловик. Ханты по национальности, он родился и вырос в таежном Нарымском крае Томской области. Оттуда и ушел в начале 1944 года девятнадцатилетним мальчишкой на фронт. Воевал в пехоте, служил в особом отделе адъютантом, был ранен, когда дивизию переводили из Финляндии в Норвегию, но судьба сберегла. И в 1947 году он вернулся на родину: хоть и раненый, но живой.

Стоит ли говорить, как бедно и трудно жили в послевоенной стране люди. Михаил был старшим в многодетной семье, а значит, помогал матери поднимать на ноги братьев и сестер. Охотился много, но в какой-то год есть белка, а в какой-то нет... Тогда и решил он сменить профессию на более надежную. В «Максимкин-Ярскую» буровую партию, которая входила в состав «Нарымнефтегазразведки», его приняли вахтовым рабочим. Несколько лет колесили они по Томскому северу в поисках «черного золота», а в 1961 году поднялись вверх по реке к Нижневартовску, уже навстречу большой нефти. В 1962 году предприятие, где он трудился, вошло в состав Мегионской нефтегазразведочной экспедиции, в которой он и проработал 26 лет до ухода на пенсию.

Вся трудовая книжка Карелина полна благодарностями. Портрет его несколько лет был на Доске почета, а в 1975 году Михаила Анисимовича наградили орденом Трудового Красного Знамени. Награда эта дорога ему не меньше военных.

— Когда я сейчас смотрю, как выросло родное предприятие, вижу, в какой город превратился некогда крохотный поселок Мегион, сердце радуется. Значит, жизнь прошла не зря, — говорит Михаил Анисимович. — Ведь в далекие 60–70-е годы случалось, мы работали и без выходных. Объемы росли, нефть нужно было добывать и добывать. На вахту летали чаще вертолетами, но, несмотря на бездорожье, бытовую неустраивенность, трудились радостно. Видели, что все задуманное получается, — рассказывает ветеран.

Конечно, Мегион давно стал родным для Михаила Анисимовича. Здесь выросли дети, дочь Марина выучилась и пришла работать в УПТОиКО «Мегионнефтегаза». Здесь же живут и его друзья, товарищи по работе. С уходом на пенсию он не замкнулся в семейном мирке, а стал активно работать в городском Совете ветеранов. На встречи со школьниками ходит с особым удовольствием. Ему есть что рассказать молодым.

— Стараемся общаться и между собой, помогать людям, заботиться о тех, кто нуждается в поддержке, — говорит Карелин.

И хотя сам он давно не молод, сдаваться болезням и возрасту Михаил Анисимович не спешит. Несмотря на годы, до сих пор выписывает себе газеты «Аргументы и факты», «Ветеран войны», журнал «Охота», местную периодику и стремится быть в курсе всех событий. С особой радостью принял он одну из последних наград — нагрудный знак «Ветеран труда ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз».

— Предприятие не забывает своих первопроходцев, и это меня особенно радует, — говорил на праздновании своего дня рождения Карелин.

Он привык ценить жизнь во всех ее проявлениях. И считает, что судьба была к нему благосклонна. С войны не вернулся его отец, девятого мая, в День Победы, убило его дядю, а ему судьба даровала хоть и полную испытаний, но интересную жизнь.

Литература

1. Бойко И. Они стояли у истоков : [очерк] // Мегионские новости. — 1998. — 27 июня. — С. 6.
2. Горлатов Н. Версты северной судьбы : [очерк] // Мегионские новости. — 1995. — 20 апр. — С. 2.
3. Купальцева Н. Первый главный врач : [очерк] // Мегионские новости. — 2004. — 29 окт. — С. 2-3.
4. Львова Е. Жили, как все : [очерк] // Мегионские новости. — 1995. — 29 сент. — С. 6.

5. Львова Е. «Это было недавно, это было давно...»: [очерк] // *Мегионские новости*. — 1997. — 25 июля. — С. 2.
6. Львова Е. «Я ни о чем не жалею»: [очерк] // *Мегионские новости*. — 1995. — 1 сент. — С. 3.
7. Усманова Е. Счастлив тот, кто щедр душою: [очерк] // *Мегионнефтегаз-Вести*. — 2002. — № 5. — С. 3.
8. Шайдуллина Д. Жизнь прожить — не поле перейти: [очерк] // *Мегионские новости*. — 2000. — 21 июля. — С. 7.
9. Широкина Т. Сдаваться возрасту Карелин не спешит: [очерк] // *Мегионнефтегаз-Вести*. — 2002. — № 68. — С. 7.
10. Юргенсон Т. Обычная совсем история: [очерк] // *Мегионские новости*. — 1995. — 29 июля. — С. 4.

НАША ЖИЗНЬ ОЧЕНЬ КРАСИВО ПРОШЛА...

Любовь Нагибина

В сорок пятом весна пришла рано...

Начала я работать в колхозе. Уже до войны стала ударником труда. В 1941 году, когда началась война и всех молодых мужчин и парней забрали в армию, нам, девчонкам и мальчишкам, пришлось заменить их. Из подростков, которым едва исполнилось 14–15 лет, создали 2 бригады, и мы стали работать, ловить рыбу для фронта.

Прислали из района уполномоченного, чтобы он контролировал нас. Ведь все мы были репрессированными, высланными в тридцатых годах. Нас считали врагами народа.

Уполномоченный был не просто строг, казалось, он находил удовлетворение в измывательстве над малолетними работниками. Время было голодное, а мы не могли взять даже немного наловленной нами рыбы, чтобы покормить свою семью. У меня была мама, десятилетняя сестренка и маленький братик. Отец еще в 1938 году утонул на Агане. Старшего брата забрали на фронт, сразу на передовую, и вскоре мы получили известие о том, что он пропал без вести.

Но в 1944 году он прислал письмо, и мы узнали, что он жив и находится в госпитале. В сорок пятом был вновь ранен, теперь уже в Германии.

У каждого из наших ребят кто-то из близких был на фронте, и мы работали, не жалея сил. Было трудно, в сутки отдыхали не больше четырех часов. В 1944 году я стала бригадиром, это добавило ответственности. Маленький улов грозил мне тюрьмой как врагу народа, вредителю.

Однако на количество улова не влияло даже то, что уполномоченный стал ездить с нами, чтобы проверить количество

пойманной рыбы. А вот нам приходилось туго. Бывало, за день намерзнешься в воде, а на ужин он выделит по 3 чебака на уху, да еще измывается:

— Хватит и того, ведь каждый чебачок — удар по врагу, понимаете?

Рыбачили босые до самих холодов. Да и в холод обувь было нечего. Обуем дырявые бродни, а на ноги навернем траву, а как промокнет — нарвем свежую, и снова в воду.

Однажды был такой случай. Пошел сильный дождь, разразилась гроза. Решили мы дома переждать ненастье. Но уполномоченный узнал о том, что мы ушли с реки, разгневался, послал председателя, чтобы гнал ребятню рыбачить. Разве докажешь, что в ненастье рыба не ловится?

Председатель, Гаврила Васильевич Стижнин, пришел ко мне и приказал срочно выехать на работу. И пошла я собирать своих рыбаков. Пока доехали, промокли насквозь, дрожим, какая уж тут рыбалка! Вытащили на берег лодку, перевернули да просидели всю ночь под ней, прижавшись друг другу, чтобы согреться.

Утром взшло солнце, и снова мы потянули невод в реку. После дождя наловили всего 2 центнера.

Случались, однако, и у нас маленькие радости. Однажды, порыбачив до вечера и поймав совсем немного рыбы, заехали мы в рыбацью избушку, чтобы поужинать. А после ухи нас разморило, сказалась-таки многодневная усталость. Сжалилась я над своими девчонками и разрешила им прилечь на часок. Да вместо часочка проспали до утренней зари. Очнулась я на рассвете, закричала: «Подъем!», мигом повскакивали и — в лодку.

Дорого мог обойтись нам сон, да Господь помог. Закинули невод, стали вытаскивать, и уже на крыле невода пошли чебаки, сначала немного, а потом все больше и больше. Еле подтащили невод к берегу. Нагрузили две лодки рыбы и повезли сдавать в засольный пункт, что был в деревне Мега. Радости было! Всю дорогу пели мои девчата песни — и старинные, и военные. Удача-то какая по военным временам — и выпались, и 8 центнеров рыбы наловили. Вот тогда, может, и услышала я впервые похвалу от уполномоченного: «Молодцы, девочки».

Рыбачили и зимой, а вечерами пряли шерсть и при лучинах вязали для солдат носки и варежки. Отправляли, вкладывали в них записки с теплыми словами: «Мы любим вас, домой ждем с победой». И приходили с фронта благодарные письма от незнакомых мужчин.

В сорок пятом весна пришла рано. В начале мая уже начали посеивать, и нужно было ехать в Нижневартовск за семенами, 8

мая мы и поехали. Вечером семена получить не удалось, было уже поздно. Заночевать пришлось у знакомых, хозяйка разбудила рано.

— Вставай скорее, война кончилась.

Я побежала к окну, гляжу — люди бегут со всех сторон, обнимаются, плачут. Собрались на митинг у конторы рыбкома. Говорил бухгалтер, дрожал голос, плакал. Два сына у него было, оба погибли.

После митинга получили мы семена и скорее домой, знали, что радостную весть возьмем первые. Ведь не было тогда в поселке ни радио, ни телефонов. Как приехали, побежала Катя Лаврова, девушка из моей бригады, по поселку. Бежит по улицам, кричит: «Кончилась война!» Люди выбегают, кто верит, кто не верит — долго ждали этого часа.

Только 10 мая приехал военный комендант, чтобы провести общее собрание, объявить об окончании войны. Горькая была радость. Из каждой мегионской семьи ушли на войну солдаты. Только четверо вернулись живыми, но все с ранениями. А до сегодняшних дней один только и дожил — Виктор Никифорович Винокуров, коренной мегионец, старожил и ветеран.

Из воспоминаний Г.П.Зырянова

Старожил

Георгий Петрович Зырянов, пожалуй, один из первых поселенцев, появившихся на берегу Меги.

С 1931 года считает он Мегион своей родиной. Но его долго считали чужаком, и только после женитьбы на молодой хантылке Елене пустил Георгий Петрович корни на северной земле. Елена Степановна прожила недолго. Спустя два года она умерла от трудных родов.

Люди прибывшие с Зыряновым, организовали артель. Занимались охотой, рыбалкой, садили картошку. Заключили договор с рыбоопом, который располагался в Нижневартовске.

У ханты был магазин, снабжались из Томской области. Артель позже назвали именем Стаханова, русские и ханты объединились. Председателем был ханты Кыкин. Ловили рыбу неводами — шуку, окунь, муксун, нельму, сырок, осетр, стерлядь. К катеру цепляли сеть (800 м) — стрежевой невод, ловили на стрежевом песке (на берегу и на дне — песок), сдавали государству.

Георгий Петрович вспоминает, «что ханты ни мыться, ни учиться было не заставить, старики настраивали молодежь против. Жилье у них — юрты, в виде землянок, покрывалось землей. Питались рыбой, пекли круглый хлеб. На улице разводили

костер и в образовавшуюся золу бросали тесто в форме лепешек, пекли рыбный хлеб — смешивали рыбную и пшеничную муку».

Г.П.Зырянов работал лесником, бакенщиком.

Вторую жену Георгия Петровича в Мегионе знают и помнят. Она была среди первых, кто принес в этот край русскую грамоту. Ученики Евдокии Григорьевны уже растят внуков и правнуков.

На глазах Георгия Петровича Зырянова из маленькой деревушки родился и вырос город Мегион.

Р.Галин

Счастливая судьба

На протяжении многих веков мудрецами написаны сотни трактатов о человеческой жизни. Родители, основываясь на своем жизненном опыте, учат детей жить, предостерегая их от ошибок. Но все же трудно встретить человека, который, не кривя душой, сказал бы, что доволен прожитой жизнью и лучшей не пожелал бы. Счастье — величина непостоянная. Оно бывает в жизни человека яркими, запоминающимися моментами — свадьба, рождение ребенка. А если человек окинет мысленным взором свою прожитую жизнь и, несмотря на выпавшие невзгоды, не захочет иной судьбы, значит, это счастливый человек. Мне довелось встретиться с таким — одной из старожилов города Мегиона Валентиной Степановной Никитиной.

Она родилась 16 февраля 1937 года в Тобольске. Играя в детстве в воспитательницу, она и не думала, что играет в свою судьбу. После окончания семилетки Валентина заговорила о поступлении на факультет дошкольного воспитания, но мама была против:

— Тебе что, няней хочется быть?!

По совету родителей выбрала Тобольское медицинское училище. Но не в силах сдерживать внутренний зов, забрала однажды документы и пошла учиться на воспитателя детсада. Успешно закончив, в 1958 году была направлена на работу в Мегион, в то время колхоз имени Калинина. Это была небольшая деревня, в которой проживали 400–450 человек. Работал детский сад, рассчитанный на 30 мест. По прошествии стольких лет Валентина Степановна с благодарностью вспоминает свою первую коллегу и наставницу — Анну Владимировну Герасимову. Заботливо, с пониманием приняла она молодого специалиста. Широта и неприрученная дивность тайги навсегда очаровали ее сердце. Таежные просторы поутру задержаны синеватой дымкой тумана,

пьянящий воздух. Они часто водили детей на экскурсии в лес, знакомя их с неведомым необъятным миром, окружающим их.

Пока не устроилась с жильем, Валентина Ивановна снимала избушку на берегу Меги, в то время застроенном домами коренных жителей.

Колхоз держал звероферму, занимавшуюся разведением лисиц, Валентина Степановна была молодой, коммуникабельной девушкой и быстро подружилась с местной молодежью. Ее выбрали секретарем комсомольской ячейки. В те годы, вспоминает она, комсомол не был формальностью. Молодежь жила интересной, насыщенной жизнью. Устраивали концерты, помогали колхозу и звероферме. Вечером — танцы в клубе. Однажды на танцах ее внимание привлек парень. Он был гармонистом — душой мегионской молодежи. Кудрявый, задорный, небольшого роста и очень веселый. Их взгляды встретились. Судьба правила случаем. Стали вместе вечерами прогуливаться, работать и скоро сыграли свадьбу. Через год Валентина обрадовала мужа рождением сына Андрея.

Жизнь стала быстро меняться, когда появились нефтеразведчики. Поселок разрастался, со всей страны стали приезжать люди, зазвенели свадьбы. Началось строительство. Муж пошел работать в СУ—12. Хорошел Мегион, там, где была непролазная грязь по колено, стали строиться дороги. Молодежь организовала самодетельный творческий коллектив. Выступали с концертами в клубе, даже гастролировали по району.

Вспоминая молодость, Валентина Степановна особенно выделяет чувство задора, веселья, человеческого общения. Люди были проще — добрее, терпимее, быстро откликались на чужую беду. Сообща помогали каждому, кто нуждается. А если и были невзгоды в ее жизни, приходила на работу и, увидев чистые, ясные глаза детей, все забывала. Валентина Степановна вышла на пенсию, проработав 20 лет воспитателем детей. Муж тоже на заслуженном отдыхе, проработав всю жизнь в СУ—12. Окружают их внуки и дети.

Валентина Степановна не жалуется на тяжелое время, хотя и ей нелегко. Она обладает даром видеть хорошее даже в этом смутном времени, она любит жизнь, любит город — город знакомых лиц. Потому что горожане — это выросшие дети, прошедшие через ее заботливые руки. Здороваются, интересуются ее жизнью, благодарят. Если судьба разыгрывает лотерею, то, наверное, ей выпал счастливый билет — всю жизнь Валентина Степановна занималась любимым делом.

Первая нефть

Учебный год в школе заканчивался, занятия проходили только в выпускных классах. После консультации по математике Анна Степановна Лосева объявила:

— Завтра всем классом едем на Баграс! Там будет митинг, поэтому все наденьте парадную школьную форму, а сверху пальто, чтобы не замерзнуть.

Ранним холодным утром школьники подошли к конторе экспедиции, там уже собралось много народу. Из разговора празднично одетых людей стало понятно, что все едут на митинг по поводу отправки первой баржи с нефтью.

Началась посадка на самоходку, заработал двигатель, и вскоре судно отчалило от берега.

В каюте одноклассники отогрелись и разговорились. Нас всех в тот момент волновала одна тема: куда пойти учиться? В Мегийоне была только восьмилетняя школа, и чтобы продолжить образование, надо было обязательно куда-то уезжать.

Сашка Рудольф категорично заявил:

— А я никуда не поеду! На промысел пойду — буду работать вместе с отцом. У нас семья большая, помогать надо.

— И я пойду на буровую к дяде Грише, сестра уже договорилась, — добавил Колька Геничев.

— Да, жалко, что нет десятилетки в Мегийоне, придется ехать учиться в Нижневартовск. Отец хочет, чтобы я в Тюмень в нефтяной институт поступил, — поддержал разговор Валерка.

Через несколько лет многие из наших одноклассников станут знаменитыми нефтяниками, и на их счету будет не одно открытое месторождение.

А сейчас мы просто мечтали и строили планы на будущее. В разговор вступали все — никто не хотел остаться в стороне при обсуждении такого вопроса.

А я погрузилась в воспоминания.

Нас с сестрой мать привезла на Баграс в августе 1959 года. Это был маленький поселок, всего несколько домов барачного типа. И рядом — буровая. Мама была опытным фельдшером и нанялась работать в экспедицию. А поселок не мог жить без медика. Отец приехал позже на двух больших лодках-неводниках с мотором. На одной лодке доставил корову Зорьку, а на другой — наши вещи. Путь был неблизким — по трем рекам: Ваху, Оби, Баграсу. Все удивлялись: как один управился? Он устроился в бригаду Григория Ивановича Норкина верховым

рабочим. Скважину начали бурить 19 сентября 1959 года. И если случались какие-то неполадки, то об этом сразу знали все жители. Поселок жил жизнью буровой. А случалось там всякое.

В тот год осень выдалась холодной и ранней. Реку быстро сковал мороз, и баржа, на которой везли буровое оборудование, вмерзла в лед. Катер не смог дотянуть ее до берега, так она и осталась посередине реки. Работы на буровой могли встать из-за отсутствия долот. К нам домой пришел дядя Гриша Норкин, они о чем-то поговорили с отцом. На следующий день он запряг собаку Соболько в легкие маленькие нарты и по хрупкому льду пробрался к барже. Буровики вышли на берег и смотрели, как Алексей Жильцов загрузил одно долото в нарты, и собака, скользя лапами по льду, потянула их. Сам шел на расстоянии. Лед трещал, гнулся, но не ломался. И только у самого берега стал проваливаться. Отец, быстро перебирая ногами, выскочил на берег. Общий вздох облегчения вырвался у наблюдавших. Так он привозил по одному долоту, пока лед не окреп. И все вывезли трактором. И буровая не встала.

Весной, когда бурение уже подходило к концу, случилась авария — прихват бурового инструмента. А Григорий Иванович, как на грех, сломал в это время ногу. На костылях, в гипсе, мастер не покидал буровой, пока она снова не заработала.

За упорный труд рано или поздно всегда придет вознаграждение.

Солнечным мартовским утром в сопровождении нашей учительницы Нины Александровны Богатой мастер Норкин пришел в школу.

— Дети! Сегодня наша буровая дала нефть. Мы долго этого ждали. Я вас всех поздравляю, — просто сказал он, а лицо его светилось радостью.

Занятия по такому случаю отменили. Весь поселок уже собрался на буровой. Школьники тоже прибежали туда и увидели, как отцы Галки Липковской и Валерия Доминова мазали друг друга черной жидкостью.

Нефть вырывалась из трубы, положенной на перевернутую бочку. Все радовались. Это был настоящий праздник. Ликование продолжалось в клубе с баяном и шампанским, которое привез на самолете Ф.К.Салманов.

А в Тюмень полетела радиограмма, извещающая об открытии нефти.

К берегу было пришвартовано много катеров, и среди всех выделялся белый красавец «Мегион», на котором ездило начальство экспедиции.

У временного причала стояла баржа, соединенная с резервуаром длинным шлангом. Славка Гузь со знанием дела закричал:

- Смотрите, «наливнушка» стоит, нефть закачивают!
- Откуда знаешь?
- А у нее на бортах написано «огнеопасно».

Все дружно по трапу сошли на сушу. Мы стояли стайкой. Дул холодный ветер. С высокого берега было хорошо видно, как возле наливнушки разрезали красную ленточку. А Григорий Иванович Норкин в своей неизменной фуражке открывал нефтяную задвижку им же пробуренной скважины.

И вот баржа, буксируемая катером «Ползунов», отчалила от берега.

На трибуну стали подниматься участники митинга. Она была сколочена из досок и украшена красными лозунгами. Один мне особенно понравился своей динамичностью: «Даешь нефть!». А наша классная руководительница сокрушалась:

– Эх, цветы бы вручить!

– Так давайте черемухи наломаем, вон ее сколько здесь, – быстро предложила я.

Увидев одобряющий кивок учительницы, мы наломали букеты распускающейся черемухи и приготовились.

На трибуне стояло много приглашенных и почетных людей, среди них я сразу отличила и узнала Ф.К.Салманова, В.А.Абзарова, Г.И.Норкина, остальных еще тогда не знала.

– А вон папка мой стоит, – сказал Сашка Рудольф.

– Где? Да вон, рядом с ним начальник промысла Арнапольский.

Оратор вышел вперед и произнес: – Товарищи! – Все затихли. Митинг начался.

– Сегодня, 5 июня 1964 года, в 12 часов, закончен налив баржи с нефтью самого восточного месторождения Тюменской области. Судно отправлено на Омский нефтеперерабатывающий завод!

Взрыв аплодисментов.

– Ура, ура! – улыбающиеся и радостные лица.

– Пора, – сказала Анна Степановна, и школьники побежали на трибуну.

Пошел густой снег. Я кинулась к дяде Грише, рядом с ним стоял седовласый мужчина в берете. Улыбаясь, пронзительно смотрел темными глазами, я прошла мимо и вручила цветы Норкину, не забыв при этом сказать: «Поздравляю!». А Славка вручил букет тому незнакомцу.

Митинг продолжался, несмотря на плохую погоду. Было много выступающих. Вдруг народ оживился.

– Смотри: Эрвье, Эрвье! Говорить будет!

К краю трибуны подошел тот самый, в берете, незнакомец, резко выделявшийся своей интеллигентной внешностью, и заго-

ворил без бумажки. Слышно было плохо, дул сильный ветер. Началась настоящая метель.

Из всего сказанного было понятно, что он всех благодарит и желает открытия новых месторождений.

Его пожелания исполнились ровно через год после этого митинга. Норкин открыл новое месторождение. Целый месяц — тридцать долгих дней — на двух тракторах восемь «норкинцев» пробивались к месту новой буровой, а находилась она на берегу озера Самотлор, уж очень топкие болота окружали это озеро.

Ольга Майорова

Боль своего отчества

1978 год. Шестая школа. Знакомлюсь с Надеждой Серафимовной Бнятовой, завучем, учительницей истории. Редкое церковное отчество. Сразу подумалось — из ссыльных. Разговор состоялся много позже... И я удивилась правде. Правда оказалась страшной, объемной.

Любовь — всему начало. В семнадцать лет Меринова Анна Петровна вышла замуж за Седых Серафима Адамовича, сына священника. Жили они тогда в деревне Бочкаревке Новосибирской области. В 1920 году после смерти отца семью (мал мала меньше, всего 9 человек) выселили из поповского дома.

Продав холсты, корову, купили маленькую избушку. Один безродный дед предложил молодым Анне и Серафиму полдома.

Небольшое хозяйство да дом, вернее, его пятая стена (пятистенник — признак богатства), и послужили причиной раскулачивания. Серафима Адамовича отправили в Прокопьевские рудники, а его молодую жену с двумя детьми, не дав попрощаться с родственниками и что-то взять с собой, посадили на телегу и повезли до реки Оби. Восемьсот человек в закрытых трюмах везли на Васюганские болота.

Надежда Серафимовна, родившаяся уже «на высылках», уточняет, что это был последний из лагерей ГУЛАГа, который описал А. Солженицын.

Историческая справка:

В 1930 — 1932 гг. в Остяко-Вогульский округ прибыло около 37400 раскулаченных крестьян*.

Людмила Кондрашова, исследуя вопрос крестьянской ссылки в Остяко-Вогульском округе в 30-е годы, приводит архивные документы, которые раскрывают самые трагические страницы истории края. «В 1931 году председатель окрисполкома Я.М.Ра-

зин четко определил задачи государственных и партийных органов власти по отношению к ссыльным крестьянам: «Эти спецпоселенцы, бывшие кулаки, решением партии и правительства направлены на Север после раскулачивания... Одновременно мы должны использовать их для колонизации громадных неосвоенных просторов Севера, используя их как рабочую силу для экономического возрождения села».

Надежда Серафимовна, волею судьбы ставшая историком, продолжает свой рассказ:

— Когда баржа приближалась к поселку, наглухо закрывали трюм. В дороге умерли старушка и маленький мальчик. Хоронить не разрешали. Из досок от телеги сколотили гроб, туда положили старушку и мальчика. Гроб оставили прямо на берегу...

Путь окончен. Высадили людей на безлюдном берегу. С собой были взяты топоры, пилы. Стали рубить лес, делать землянки. Жили в общей землянке, спали вповалку все вместе на нарах.

Наступили холода. Эпидемия тифа, цинга, воспаление легких. Так прошло 9 месяцев, в течение которых мама не поднималась. Однажды все ушли в лес, она выползла из землянки, потеряла сознание и пролежала ничком трое суток. Когда ее нашли, перевернули, пошел пар. Пролежни от корней остались на теле на всю жизнь. Не было никаких лекарств, ни о какой медицине не было и речи.

Прошел на Васюгане год. Из 800 осталось 300 человек.

Дальше Надежда Серафимовна пишет от своего имени. Рассказы родителей врезались в память на всю жизнь.

— Папа узнал, где находится мама. Ему удалось сбежать. Пятнадцать суток плыл на обласке по таежным речкам, разыскивая маму. Никто уже не думал, что она останется жить. Но молодость и желание жить победили... С маленьким узелочком, обритая наголо, вместе с папой в 1931 году приехала она в Нижневартовск. Завербовались на рыбозавод. Жили на квартирах, в углу за занавеской, сараюшке без крыши (скотной).

Долго об этом можно говорить: как их (ссыльных) боялись, относились с недоверием, как мама с чашкой ходила и просила немного картошки, чтобы посадить на своем огороде.

Умели трудиться, поэтому и здесь не пропали. Обзавелись своим хозяйством. Спасибо рыбозаводу, который безвозмездно дал нетель и лошадь. Это была очень большая подмога для них.

...В 40-м году жили уже в Мегионе, построили на берегу реки избушку. Весной, во время половодья, волны били прямо в окошко. Там родилось еще трое детей.

Народ здесь был немногословный, трудолюбивый. Из русских жили Зыряновы. Одному из братьев Зыряновых пришлось жениться на хантыйке, чтобы им разрешили приехать и жить в Мегйоне. Ханты боялись потерять свои угодья, не хотели переселения русских. А вообще мои родители всегда хорошо говорили о Проломкиных, Кыкине Николае, Пылине Якове. Проломкин Василий был председателем рыболовецкой артели, его сменил Липецкий Василий. Возглавлял колхоз Н.Кыкин. Работа не из легких. Рыбу нужно было правильно распороть, промыть, засолить. За день зарабатывали по 17 коп., хотя обрабатывали по несколько центнеров рыбы. А ночью, когда проходил паром, грузили дрова.

Папу на фронт не взяли, дали «бронь», может быть, потому, что ссыльный или потому, что должен был кто-то «управлять» калмыками, которых ссылали сюда во время войны.

Все, что добывали, сдавали государству. В 40-е годы стало жить легче, у родителей было все: корова, лошадь, огород, куры. Росли прекрасный лук, капуста, огурцы. Не голодовали и во время войны: все свое — рыба, дичь, ягоды, грибы, орехи, не хватало только хлеба, сахара, но это не такая уж беда во время войны. Бедствовали в нашем крае нерадивые и ленивые. Из кожи папа шил обувь, мама была великой труженицей. Любила работать и всех детей этому же научила. С раннего детства умели держать литовку, косить сено, ловить рыбу, охотиться. Никто из нас не позволял себе сломать даже ветку черемухи, кедра: так делали все, кто здесь жил до «цивилизации».

Повествуя о жизни, Надежда Серафимовна касается самого тяжелого:

— Война. Мы, как и весь народ, отдавали «Все для фронта!» Старший брат Леонид прошел всю войну, вернувшись, работал в Совете Вампугольском. На долю матери выпал самый тяжелый удар: похороны сына...

И все это время мы по-прежнему оставались «кулаками». Часто нам напоминали: не забывайте, кто вы есть, кто вы такие. При одном из председателей прямо из нашего подпола колхозники выгребли всю картошку... Все эти годы семья находилась под надзором нижневартовской комендатуры. Паспорта родители получили спустя много лет после войны.

... Маму мы боготворили. Она никогда не сердилась, нас учила делать только добро людям, даже если тебе сделают плохо.

Всегда говорила, что если тебе сделал человек добро, ты сделай ему во сто раз больше. А сколько в ней было ума, природ-

* См.: Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря

ной тактичности, воспитанности! Работала в школе-интернате, где жили 60 ребятешек ханты. Интернат стоял на горке, а внизу протекала река. Надо и воды натаскать, и обед сварить. Старик ее уважали: «Ай, Анна, молодец, шибко детей любишь».

В доме Седых всегда кто-то жил, только никто ни для кого и никогда «лишним ртом» не был. В войну прибилась Надя Тюменцева, сейчас живет в городе. После войны квартировали сейсмологи. А потом дети геологов — Валера Доминов и Галя Алеева. Галя и сейчас живет в Нижневартовске.

Когда жива была Анна Петровна, в доме шел тихий разговор о днях былых... Но чаще звучала песня. Пели подружки ее молодости Ирина Ивановна Кунгурова, Евдокия Григорьевна Зырянова. Дочери — Галина, Зоя, Надежда. Вначале любимую, современную «Дочери-матери», а потом ту, что с отцом на два голоса они пели: «На Муромской дорожке стояли три сосны...».

Всю жизнь Анну Петровну мучил один вопрос: за что? Она, Анна Седых, пострадала за пятую стену в доме. Когда ей исполнилось 80 лет, государство решило возместить ущерб, только необходимо было доказать, и родился еще один документ, последний: «Я, Седых Анна Петровна, 1907 года рождения, в 1930 году была арестована и сослана на Васюганские болота. Как спецпереселенка с 1937 года проживаю в Мегионе. Это могут подтвердить: Жильцова, Нагибин, Зырянов».

Вместе с семьей Седых на спецпоселении жили семьи Западновых, Сорокиных, Ильиных, Колясовых, Винокуровых.

И других арестовывали за «большие» грехи. Помню рассказ Владимира Флорентьевича Ржевского — тюменца, фронтовика, летчика, учителя истории: «Ходил от Тобольска до Салехарда пароход «Интернационал». Бежит бабулька к пристани, боится опоздать, а пароход уже отчалил. В отчаянии вырвалось: «Язви его! Ушел-таки «Интернационал». Больше старушку никто в городе не встречал. Сгинула».

Другой «преступник» рассказал свою историю двадцатилетнего заточения: «Иду по деревне, навстречу бежит сосед. Я ему: «Ты чего как воробей из колхоза бежишь?» Сдал меня сосед...».

Литература

1. *Галин Р. Счастливая судьба : [очерк] // Мегионские новости. — 1995. — 24 июня. — С. 7.*
2. *Кошиль Л. Первая нефть : [очерк] // Мегионнефтегаз-Вести. — 2000. — № 28. — С. 3.*
3. *Майорова О.А. Боль своего Отечества : [очерк] // Город Нижневартовск основали мы / О.А. Майорова. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. — С. 22-25.*

4. *Нагибина Л.А. В сорок пятом весна пришла рано : [очерк] // Мегионские новости. — 1995. — 28 марта. — С. 2.*
5. *Старожил : [из воспоминаний Г.П. Зырянова] // Мегионские новости. — 1995. — 24 июня. — С. 2.*

МЫ ОТКРЫЛИ НЕФТЬ, НЕФТЬ ОТКРЫЛА НАС

Нина Купальцева

«Свой след на земле он оставил навечно...»

В своей книге «Сибирские горизонты» начальник Главтюменьгеологии Герой Социалистического Труда Ю.Г.Эрвье писал: «В Мегионской нефтеразведке достойно потрудились один из старейших в управлении буровых мастеров Григорий Иванович Норкин, ставший мастером-скоростником. Его след на земле в сердцах соратников, коллег и друзей остался навечно».

О буровом мастере Григории Ивановиче Норкине сегодня ходят легенды. И это неудивительно: ему повезло стать открывателем около десятка нефтяных месторождений Среднего Приобья, в том числе самого первого, Мегионского, и самого крупного, Самотлорского. «Некоторые пытались обосновать это «специально созданной для Норкина зелёной улицей», — вспоминал впоследствии первый начальник Мегионской экспедиции Владимир Алексеевич Абазаров. — Это совершенно не соответствует действительности. Может быть, фактор везения в какой-то мере имел место, так как во всех случаях после окончания монтажа на одной из новых структур почему-то именно бригада Норкина оказывалась свободной. И именно ей выпадала честь бурить первую скважину на новой структуре».

Г.И.Норкин родился в 1914 году в селе Турган Осиповского района Томской области. В десять лет остался без отца, начал работать и к 15 годам был уже профессиональным охотником. После службы в армии в течение 2-х лет возглавлял родной колхоз. В 1941 году был призван на фронт танкистом. Участвовал во взятии Берлина, а закончил войну в Праге. После демобилизации в 1948 году приехал в Саратов с однополчанином, рассказы которого о романтической профессии буровика запали в душу. Поступил на работу в контору разведочного бурения и за короткое время прошёл путь от бурового рабочего до бурильщика высшей квалификации. В конце 50 — начале 60-х годов Г.И.Норкин был одним из немногих буровых мастеров, имевших практический опыт бурения скважин.

Когда Норкин стал рабочим на буровой, его жена, Елена Степановна, подумала, что теперь жить будет легче — все-таки неплохой

заработок. Первое время и впрямь было ничего. Но не в характере Григория Ивановича было сидеть в тепле и уюте. Вскоре хорошую, со всеми удобствами квартиру он, не задумываясь, променял на жильё кочевника, отправившись на покорение новых земель. Работал в Абашевской и Нарымской нефтеразведках, затем в 1959 году вместе с бригадой приехал в Нижнеуртовск, где ему было поручено бурение скважины Р-1 на Мегионской площади на берегу Баграса. Елена Степановна сетовала по этому поводу: «Четырнадцать лет всё катаемся, а когда остановка — и не видать. Только устроимся как люди, а он уже за чемодан. Я ему о хозяйстве, а он сморщится, руками машет: «Я не кулак, чтобы курятником обростать». Ладно. Привыкать я стала к палаткам да супу с комарами. Только он, как одержимый, месяцами дома не бывает — по буровым скачет. А то придет, а ночью стук — Григорий Иванович, иди, подсобляй, заминка на буровой. И знать ничего не хочет, кроме нефти».

Когда в 1959 году начинали бурение Мегионской скважины Р-1, не было ни труб, ни дизтоплива, ни каната... Тогда опытный мастер предложил единственно приемлемое решение: вместо обсадных труб использовать отработанный инструмент — пускай последний раз послужит! Но правильное решение — не всегда самое простое: пришлось длительно в полукустарных мастерских обрабатывать муфты, соединяющие трубы. Процесс бурения Мегионской скважины шёл мучительно долго, и так же долго её испытывали, но когда Р-1 дала нефть, было чему радоваться. А у Норкина радость была двойная: Григорий Иванович гордился ещё и тем, что это на его родине, в Сибири, открыта нефть. И когда один рабочий сказал, что у них в Крыму «тоже скважина фонтанировала, а через два-три часа заглохла», Норкин твёрдо заявил: «А у нас не заглохнет»...

Но открытие большой нефти было только началом пути и новых трудностей, которые ещё предстояло преодолеть. Особенно тяжело буровикам приходилось зимой. На Баграсе для того, чтобы добыть необходимую для раствора воду, толкали под лёд озера железную трубу и качали. Чтобы вода не замерзла в пятидесятиградусные морозы, трубу всё время обвязывали соломой и жгли. Когда не хватало глины, каждый из членов бригады по очереди брал кувалду да по клину — так и ковыряли её день и ночь. А соседние бригады только руками разводили: «И чего это у Норкина такие показатели высокие?»

Люди, близко знавшие этого человека, понимали, какой ценой досталась Норкину его слава, к которой, впрочем, он никогда не стремился. Он очень любил своё дело и посвятил ему всю жизнь. «Работу любит, как пьяница водку, — рассказывал о Григории Ивановиче в 60-е годы бурильщик его бригады Евстигней

Липковский. — Месяцами не уходит с вышки. Однажды ногу сломал. Так в гипсе на буровую прикостылял. И только жена со скандалом его утащила».

Супруга Г.И.Норкина, Елена Степановна, рассказывала об этом случае: «Лежит в гипсе и стонет: ой, как там ребята, ведь обгонит Мальгин. Как-то просыпаюсь, а его нет. У меня аж сердце закаменело. Я на буровую. Прибегаю и только вижу — гипс мелькает. Спрятаться в дизельной хотел. Или вот зимой. Как-то скучно стало, я с ночной вахтой — к нему. А он спит себе в железном ящике из-под цемента. Спрашиваю: ты чего тут спишь? Ворчит: где же еще, здесь не гостиница». Начальник Мегионской экспедиции В.А.Абазаров как-то застал Г.И.Норкина «отдыхающим» внутри буровой прямо на роторе. После учинённого им разноса на следующую ночь Григорий Иванович отдыхал уже в более «подходящем» месте — на ящике с песком в дизельном сарае. «А до дома, где тепло, уют, жена, — два километра. Но оставить бригаду в процессе бурения он не мог...», — говорит В.А.Абазаров.

Рассказывая о Г.И.Норкине, Абазаров вспоминает такой случай: «Когда я в августе 1962 года получил назначение на должность начальника Мегионской экспедиции, мне было дано указание «разобраться с коровниками и кулаками, которые неплохо устроились на Багресе: развели коров, баранов, ловят рыбу и не думают о бурении».

Приехав в Мегион, я начал знакомство с буровыми бригадами. Норкин в это время был в отпуске за три года, бригадой руководил один из его бурильщиков Е.Ф.Липковский (помощника мастера тогда не было), бригада работала на скважине Р-4, и работала плохо. С большими трудностями удалось её закончить, после чего бригада перешла на буровую Р-23, где был смонтирован новый станок 5Д. Норкин вернулся глубокой осенью, перед ноябрьскими праздниками. Он блестяще, с большим ускорением пробурил скважину Р-23 Мегионскую».

Люди, хорошо знавшие Григория Ивановича, отмечали не только его преданность делу, но и недюжинную физическую силу, спокойный, но твёрдый характер. Коренной сибиряк, который в молодости не раз медведя промышлял, был крупном мужчиной. По словам Абазарова, «выше среднего роста, богатырского телосложения человек с приятным, истинно русским лицом», изрезанным морщинами, голос у него низкий, окаяющий. «Он большущий был, кулачищи — пудовые, но — добрейшей души человек», — вспоминает В.Н.Коновалова, работавшая в бригаде Григория Ивановича в конце 50-х.

Велики были в этом физически сильном человеке сила духа и сила воли. В 1951 году он работал бурильщиком и одновременно учился на курсах буровых мастеров. Елена Степановна рассказы-

вала: «Придёт с работы весь измочаленный, на ногах не держится от усталости и сразу — за книги. Утром проснусь, а он спит — носом в стол»... Во время войны Норкин был контужен и дважды ранен, а спустя годы старые раны дали о себе знать. В шестидесятые, на Багресе, у него отнялась рука. Но бывший фронтовой разведчик, непримиримый человек, изведавший и огонь танковых атак, и холодную воду осенних переправ, он умело скрывал это от товарищей. «Работает, улыбается, а у самого слёзы на глазах от боли. Жена его разоблачила и к нам: «Чего молчали!» А мы только руками развели», — вспоминал Е.Липковский.

Супруги Норкины были очень похожи друг на друга, хотя внешне Елена Степановна казалась прямой противоположностью мужа: невысокая, с русой косой, уложенной узлом на затылке, с мягкими глазами на тонком красивом лице, и говорит медленно, певуче, с «волжским разливом». Но «голос, интонация, взгляд, движения и даже походка, крупная и твёрдая, как у людей, знающих себе цену, — всё это настолько одинаково, что кажется, будто что-то целое разделилось на две части», — утверждал один из современников.

Авторитет Норкина в своём коллективе был несопоставим ни с чьим другим. Молчун по природе, он и во время работы был немногословен. Да этого и не требовалось. «Мы его с полуслова понимали, — вспоминал дизелист его бригады Н.Н.Иванов. — Он никогда ни на кого голос не повышал. Но любое его слово воспринималось как приказ и не обсуждалось».

Григорий Иванович душой болел за дело, и сильно переживал, когда из-за тяжёлой аварии В.А.Абазаров снял его с работы. «Однако через месяц я вынужден был отменить свой приказ о снятии Норкина, убедившись, что даже Семен Лукич Малыгин, которого я перевел на его место, будущий Герой Социалистического труда, один из лучших буровых мастеров Главтюменьгеологии, не заменит Норкина в его бригаде, — вспоминал Владимир Алексеевич. — Я вынужден был уступить, вернуть Норкина в его бригаду, а Малыгина — на своё место. Дальнейшая работа подтвердила правильность такого решения. Самолтор Норкин открывал после всех этих событий».

Когда Г.И.Норкину доверили бурить первую самотлорскую скважину, его бригада уже открыла в Нижневартовском районе Мегионское, Северо-Покурское и Аганское месторождения.

Во время работ на Самотлоре Григорий Иванович вёл себя спокойно, уверенно, как всегда. Хотя трудностей здесь тоже хватало. Плохое состояние зимника и ограниченное количество ёмкостей не позволили создать достаточный запас дизтоплива на буровой. Пришлось заканчивать её на «вертолётном» горючем. А, кро-

ме того, после таяния снега оказалось, что вокруг станка — сплошное болото. В.А.Абазаров вспоминал, что их встречи с Норкиным проходили на сделанной из брёвен вертолётной площадке, оказавшейся на середине этого болота, в 150 метрах от буровой.

Да и скважина Р-1 Самотлорская очень тревожила бурового мастера. По его словам, она была всё время какая-то «живая». Но постоянная настороженность, бдительность Григория Ивановича и его бурильщиков Ф.Хафизова, Г.Меджевского, М.Симакова позволили успешно выполнить работы. Открытие Самотлора, которое по праву называют «открытием века», принесло Григорию Ивановичу заслуженную славу: за это в 1976 году он был награждён дипломом «Первооткрыватель месторождения», орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции.

24 года отдал заслуженный мастер Тюменскому Северу. Он говорил, что никогда не жалел о том, что стал буровиком, что ему одному из первых пришлось прокладывать дорогу к нефти Сибири.

Григорий Иванович умер в январе 1980 года в Тюмени, где жил последние годы. Его имя занесено в Книгу Трудовой Славы Ханты-Мансийского автономного округа и Главтюменьгеологии.

В 2000-м году имя Г.И.Норкина присвоено школе № 1 города Мегиона.

Елена Храпова

Первая нефть Баграса

Первые фонтаны

Знаменитый Фарман Курбанович Салманов возглавил Сургутскую нефтеразведочную экспедицию, которая искала нефть в западной части Ханты-Мансийского автономного округа, а на востоке работала экспедиция, возглавляемая М.В.Шалавиным, которого Салманов называл своим учителем. Шаимская экспедиция открыла залежи нефти на Мульмынской площади, на испытаниях скважины в апреле-мае 1960 года получен первый в Тюменской области фонтан нефти.

Бригада не менее знаменитого Григория Ивановича Норкина в 1959 году начала обустриваться на Баграсе (острове напротив Мегиона), а также на Пасоле. Одновременно шла подготовка к бурению двух скважин. В результате нефть была найдена на Мегионской Р-1, испытания, проводившиеся 20-21 марта 1961 года, дали приток нефти дебитом примерно 240 тонн в сутки. Это можно считать подвигом и в какой-то мере — везением. Поэтому что при том уровне знаний и той технике огромной удачей было то, что здесь не случилось никакой серьёзной аварии.

Николай Васильевич Геничев, прибывший с бригадой Норкина в наш край еще в 1959 году, вспоминает: — Я уже будучи буровым мастером стал анализировать, с чего же начиналась добыча нефти. Понял, как сложно было бурить на тех растворах, при прежней технике. У нас все на дедушке Норкине держалось, если б не его воля, чутье, могли бы и на Багресе нефть не получить. Потом мы уже и опыт приобрели, и технологии стали лучше, и растворы пошли хорошие, и то у нас случались аварии, а как работали тогда, на самых первых скважинах, сейчас и представить трудно.

Когда открытие новых месторождений уже почти было поставлено на поток, разбуривание каждой новой скважины шло за один — два месяца, а на первом этапе от начала их строительства до испытания уходило по два-три года. Слишком много было трудностей, с которыми нефтеразведчики сталкивались впервые. В буровых бригадах было много простоев по причине наводнений, отсутствия труб, цемента, тросов, кабелей и прочего... Юрий Георгиевич Эрвье, начальник Тюменского геологического управления, писал: «...были ошибки, просчеты, даже аварии. В первые годы катастрофически не хватало буровой техники. Бывали случаи, когда многотонное оборудование тащили по болотам на... лошадях. Север то и дело подбрасывал геологам неожиданные сюрпризы. Так, в Мегиионе предполагали найти нефть в юрских отложениях, а нашли в меловых. «Мел» считался тогда менее перспективным горизонтом, чем «юра», но вышло все наоборот. И в дальнейшем все крупные открытия нефти в Приобье связаны именно с меловыми отложениями».

В Сибирь — не по доброй воле

Знакомясь с биографиями первых геологов, отмечаешь, как много среди них людей со сложными, трагичными судьбами. Бывшие ссыльные и бывшие фронтовики, коммунисты и староверы; идеалистов-романтиков было меньше, больше тех, что пришли в нефтеразведку из необходимости обеспечивать семьи. Но работать самоотверженно умели все. Русские, азербайджанцы, татары, башкиры, украинцы, немцы, австрийцы и француз Эрвье, руководивший всей тюменской геологией.

История семьи болгар Геничевых, втянутых в водоворот событий, на этом фоне кажется типичной. Жили в Бессарабии, а когда туда пришла в 1940 году советская власть, были сосланы в Сибирь. Николай родился в 1948 году, а в 1950-м умер отец Василий Федорович. В 1956 году ссыльным разрешили выехать, но мама Вера Ануфриевна не захотела возвращаться на родину.

Неподалеку от села, где они жили, появились нефтеразведчики, и она устроилась на работу к ним — была и хлебопекарем, и разнорабочим. Вместе с экспедицией переехала в Ларьякский район, обосновалась на Пасоле.

— Мы разгрузились на высоком берегу, красивом, просторном, село было обжитое, — вспоминает Николай Васильевич. — Там до 1956 года тоже ссыльных много жило, колхоз был миллионером, а потом они разъехались, много пустых домов стояло. Зашли в дома, там даже шторы на окнах висели.

Часть бригады жила на Пасоле, часть на Багресе, а когда началось бурение, всех собирали на одной скважине. Дядя Гриша был для нас всем. Женщины на него почти молились: не дай Бог мужа уберет из бригады! Ведь случалось, что выпивали мужики. И для всех мальчишек он был царь и бог, все хотели к нему в бригаду попасть дизелистом или помбуром. Для рабочих Норкин был и за отца, и за мать — строгий, но справедливый. Как забил первый нефтяной фонтан на Багресе, Николай Геничев не видел, он как раз гостил у старшей сестры в Нижневартовске, зато помнит другое. Салманов, побывав на давшей нефть Мегионской Р-1, приехал в Нижневартовск, привез с собой первую нефть. В тот день была свадьба у дизелиста Петрова. Молодожены и их гости высыпали на улицу и наблюдали, как нефть вылили в таз и подожгли. Радость от этого зрелища была неопишуемой — почти все из собравшихся работали в геологии, искали нефть уже давно, а увидели впервые. Салманов выглядел победителем.

По мнению Геничева, большая заслуга в открытии месторождения принадлежит Ивану Яковлевичу Высочинскому*, так как он был во главе участка, разбуривавшего Ермаковское и Мегионское месторождения, он был организатором всех работ. Салманов в это время руководил всей Сургутской экспедицией, он прилетел, когда нефть уже была получена. Но Салманов в это время, кроме Мегионского, руководил и Усть-Балыкским участком, где уже шло бурение, и определял точки для строительства новых скважин в Сургутском районе. Сейчас место, где 16 октября 1961 года Усть-Балыкская нефтеразведка получила свой первый фонтан нефти, уже находится в черте Нефтеюганска.

В 1962 году была создана Мегионская нефтеразведочная экспедиция, которая вышла из состава Сургутской, начальником ее был назначен В.А.Абазаров, а Салманов руководил Усть-Балыкской, затем — Правдинской экспедициями. А когда возглавил «Главтюменьгеологию», снова стал часто приезжать в Мегион.

* Очерк о Высочинском был напечатан в журнале «Югра» № 8 за 2010 год.

От лаборанта до лучшего бурового мастера

Николай Васильевич Геничев тоже является первооткрывателем, именно его бригада бурила первую скважину на Нивагальском месторождении. И он причастен к открытию и разведке всех месторождений, где работали мегионские геологи после 1965 года, а на Самотлорском ему даже пришлось парафинировать самый первый керн. В 1965 году он устроился работать к Норкину, поначалу не дизелистом, как мечтал, а лаборантом-коллектором: ему не было 18 лет, и на другие работы допуск получить не мог.

— Моей обязанностью была подготовка растворов, а работу выполнял всякую: то насосом перекачать нефть с трактора, то перенести что-то, — говорит он. — И я даже первые образцы нефтяного керна на Самотлорской скважине отбирал! Вообще это входило в обязанность техника-геолога, к бригаде была прикреплена Тамара Симонова, а погода была нелетная, она не смогла из Мегиона выехать, вот я ее и заменял. Мне по рации главный инженер Синюткин объяснял, как, в какой последовательности все делать, да я и сам наблюдал, как работал техник-геолог на Покуре. Я очень старался, и получилось. Керн нужно обмотать марлей, табличку прикрепить с надписью, когда и с какого интервала он получен, и в горячий парафин опустить, чтобы нефтяные пары и газы не улетучились. Отбирал потом керны на многих месторождениях, а такой насыщенности нефтью больше не встречал.

По совершеннолетию Николай Васильевич стал все-таки дизелистом. Работал у разных мастеров, а с 1981 года и сам стал буровым мастером. Бригада досталась такая, что никто не завидовал. Это были так называемые «лётные» — вахтовики из Львова и Киева. Считалось, что дисциплину среди них поддерживать невозможно, к тому же и опыта работы в бурении ни у кого не было — у многих корочки помбуров или бурильщиков были купленные. Но Николай Васильевич повел дело так, что уже через год бригада стала лидером в соцсоревновании, а в 1984 году вошла в тройку лучших бригад по всей «Главтюменьгеологии». Как говорит Геничев, он старался подражать Норкину — быть требовательным к рабочим, но перед руководством экспедиции отстаивать их интересы, потому и смог добиться уважения в бригаде. Николай Васильевич проработал в Мегионской нефтегазоразведочной экспедиции до 1994 года. А потом вахтовики с Украины стали считаться иностранными рабочими, бригада была ликвидирована. Геничев ушел работать к нефтяникам, а сейчас уже на пенсии.

Ученик «таёжного профессора»

В небольшом (дворов пятьдесят) сибирском селе Мохово в 1933 году у коренной сибирячки Фёклы Карловны Колесниковой и потомка ссыльного поляка Владимира Дмитриевича Меджевского родился сын, которого назвали Геннадием.

В годы сталинских репрессий Владимир Дмитриевич Меджевский был арестован и расстрелян. И неизвестно, как сложилась бы судьба сына «врага народа» Геннадия Меджевского, если бы рядом с Максимкиным Яром, где он жил после окончания школы, не оказались геологи-нефтеразведчики...

Геологическая романтика ворвалась в судьбу восемнадцатилетнего паренька в 1951 году. С приходом геологической партии коренным образом изменился спокойный, размеренный уклад жизни посёлка, чьи мужики слыли знатными охотниками и рыбаками. Первыми, кто пришёл проситься в партию, был Геннадий Меджевский. Посмотрели на паренька — крепкий, спокойный, горит желанием работать — и взяли верховым (была раньше такая специальность у геологов). Он быстро сумел стать своим среди тех, кто не боится трудностей, кто гордо величает себя рудознатцем. Вскоре, по достоинству оценив его способности и трудолюбие, перевели Геннадия помощником бурильщика.

В 1953 году он женился на молодой сельской учительнице Марии. И кто знает, может, и остался бы в родном селе после расформирования геологической партии, если бы не встретился в его жизни буровой мастер Григорий Иванович Норкин. К тому времени за плечами Норкина был уже богатый опыт работы в разных регионах России. Геннадий стал работать в его бригаде, а спустя шесть лет в её составе приехал в Мегион открывать нефтегазовые месторождения Западной Сибири.

В те годы не хватало транспорта, оборудования, но люди сумели добиться главного — добыли первую нефть Приобья, доказав, что чёрное золото в Сибири есть! Когда в 1972-м году легендарный бригадир ушёл на пенсию, Геннадий Владимирович возглавил бригаду «норкинцев», и уже под его руководством было открыто Орехово-Ермаковское месторождение нефти.

— Конечно, везло не всегда, — говорил Геннадий Владимирович, — но очень хотелось, чтобы ожидания оправдывались. Работали, старались. С Норкиным было интересно, он целиком отдавался делу, был спокойный, но очень требовательный человек. Для него главное, чтобы в работе не было простоев, а буро-

вая ни на минуту не останавливалась. Мы работали на БУ-75, называли их «балалайками». Только начнем работу, а Григорий Иванович уже начеку, слушает «музыку» этой «балалайки». Вечером разведёт костер из корневищ и всю ночь сидит возле него — дремлет, а прислушивается. И не дай Бог, заилился или запесочился насос, сразу к буровой — чинить. Исправим — подойдет, послушает, успокоится и опять к костру — сторожить. За эту особенность, да ещё за внешний вид — кряжистый был, ручкищи огромные, — звали его между собой «медведем».

Настоящий хозяин тайги был, «таёжный профессор».

А тайга была непролазная, поэтому на работу добирались на гусеничном транспорте, тракторах, а иногда приходилось и на лошадаках. Это уже позже нас стали вертолётками забрасывать.

Впрочем, было у нас ещё одно средство передвижения, своё, «фирменное». Мы называли его «поезд Москва-Пекин» (на вагоне кто-то написал, так и прижилось): приваривали балок на сани, цепляли за трактор, в нём и на работу ездили, и жили, и еду готовили... Всегда подтянутый, общительный, энергичный Геннадий Владимирович до последних дней выглядел значительно моложе своих лет. Районный инженер Мегионского военизированного отряда, он являлся руководителем штаба ветеранов-геологов, работавших в разные годы как под руководством Норкина, так и в других бригадах. Звонил, переписывался, словом, поддерживал отношения не только с мегионцами, но и с теми, кого судьба разбросала по стране. От лица ветеранов Геннадий Владимирович первым начал хлопотать о сооружении в Мегионе памятника геологам-первопроходцам, о формировании фонда музея геологии, который впоследствии был создан на предприятии (теперь этот фонд — сокровищница одного из лучших отделов Мегионского городского краеведческого музея).

— Нам нельзя оставаться в стороне от этого, ведь это наша жизнь, — был уверен он. — В Нижневартовске воздвигнут памятник покорителям Самотлора, но — не геологам, об их заслугах почему-то забыли. А в моем родном городе место для памятника первопроходцам мы уже выбрали — на берегу Меги, там, где начинали работать первые мегионские геологи. Для нас, ветеранов, это было бы большим подарком, ярким доказательством того, что жизнь мы прожили не зря.

Мечта Г.В.Меджевского претворилась в жизнь: памятник геологам-первопроходцам на берегу Меги воздвигнут и сегодня является одной из достопримечательностей Мегиона.

«Скважина начала фонтанировать...»

Ивану Яковлевичу Высочинскому — первооткрывателю Мегионского месторождения — выпала нелёгкая судьба. Его родители, Яков Ермолаевич и Марфа Фёдоровна, вместе с другими родственниками дружно жили на хуторе Прыдки Царицынской области. Хозяйство имели общее, крепкое: несколько голов скота (держали волов, свиней, лошадей, на три семьи было шесть или восемь коров), двадцать десятин земли. За это хозяйство и заплатились: в начале тридцатых годов семья была раскулачена местной сельской «тройкой». Официального подтверждения «приговора» вышестоящими органами ждать не стали: взрослых членов семьи отправили в «места не столь отдаленные», а ребятишек раскидали по приютам.

Как оказалось впоследствии, решение о раскулачивании не утвердили. «Постановили: за отсутствием кулацких признаков отменить», — было записано 7 мая 1931 года в протоколе заседания райсособой комиссии по ликвидации кулачества как класса при Даниловском райисполкоме. Но документы, свидетельствующие об этом, затерялись. Семья была реабилитирована только в конце девяностых годов.

Оставшись без родителей в девятилетнем возрасте, Иван Высочинский вырос в детском доме. Лишь много лет спустя, уже после войны, Иван Яковлевич нашел своего брата Василия и сестру Александру. Поиски второго брата, Михаила, оказались безуспешными. О дальнейшей судьбе отца и матери он так ничего и не узнал.

Клеймо «кулацкого сына», к счастью, к Ивану не пристало: он был комсомольцем, а впоследствии вступил в ряды коммунистической партии и окончил курсы политруков, что по тем временам было довольно весомо для успешной карьеры. Специальность Высочинский получил в 1941 году, по окончании Ухто-Печёрского горно-нефтяного техникума. Но приступить к мирному труду помешала война.

Иван Высочинский сражался в артиллерийских войсках рядовым, старшим сержантом, младшим лейтенантом — политруком. Был дважды ранен. Второе ранение оказалось особенно тяжёлым: автоматная очередь прошла ему грудь и ноги. Из раздробленной коленной чашечки хирурги Новосибирского госпиталя, куда он попал в 1943 году, извлекли три пули. Больше года ему спасали ногу. В течение этого времени рядом с ним всегда находилась молоденькая медсестричка Тоня. Вскоре Ан-

тонина Владимировна Данилова стала его женой. Они поженились в 1944 году, и до 1946 года жили в Новосибирске, где Иван Яковлевич, которого комиссовали после ранения, работал заместителем председателя артели промышленной кооперации...

Ещё не имея собственных детей, молодая пара удочерила двухлетнюю Светочку, оставшуюся сиротой. Сейчас, наверное, этот поступок можно объяснить тем, что двадцатидвухлетний Иван по своему опыту слишком хорошо знал, каково это — расти сиротой.

— О том, что Света — приёмная дочь, я узнал, будучи уже взрослым, — рассказывает его младший сын Владимир Иванович Высочинский. — Об этом дома никогда не говорили. А поступок родителей меня не удивляет. Раньше люди другие были, более человечные, что ли. Да и сирот тогда меньше было, чем сейчас. Сестра прожила недолго: она умерла во время родов, когда ей было двадцать два года.

Сыновья — Борис и Владимир — родились у Высочинских позже, уже на Сахалине, куда в 1946 году Ивана Яковлевича направил Новосибирский обком КПСС. Но там прожили недолго: годовалый Владимир тяжело заболел пневмонией. Жизнь ему спас отец: при остром дефиците лекарств Иван Яковлевич каким-то чудом смог достать пенициллин. Но чтобы сохранить малышу здоровье, необходимо было сменить климат, — это настоятельно рекомендовали и врачи. Поэтому в 1948 году Высочинские уехали с Сахалина.

С тех пор семья «кочевала»: Высочинскому как начальнику партий структурно-поискового бурения и различных нефтеразведок приходилось часто переезжать с места на место. Порой за год по три деревушки меняли. Работали в Омске, Таре, Большеречье, Новосибирске...

— Жили мы очень дружно, — рассказывает Владимир Иванович Высочинский. — Мы никогда не делили между собой домашние обязанности: всё делали вместе. Отец был человеком весьма строгим с нами, наказывал за шалости — это действовало. Но способы наказания были порой забавными. Помню, как однажды во время какого-то праздника у нас собрались гости. А я — мне тогда лет семь было — сильно расшалился. И отец взял и засунул меня в свои глубокие зимние брюки (у него были такие меховые штаны с подтяжками). И за подтяжки (вместе со мной — у меня оттуда только нос выглядывал) повесил эти штаны на гвоздик. Все очень смеялись, так что даже мне весело стало...

...В 1960 году Ивана Яковлевича назначили начальником Нижневартовской партии глубокого бурения, и семья перебралась в Нижневартовск.

— Это было на январских каникулах (я тогда учился в шестом классе), — вспоминает Владимир Иванович Высочинский. — Зима стояла настоящая, морозная, температура под сорок градусов. Мы всей семьей (вещей у нас почти не было) вылетели из Новосибирска на грузовом самолёте АН-2. Мы всю дорогу кутались в одеяла и перины, но даже это не спасало от пронизывающего холода. Прилетели в Каргосок Томской области, переночевали, а утром продолжили путь до Нижневартовска. Попали сразу «в новоселье»: там для нас уже построили дом, правда, он был еще нештукатуренный, но жить можно...

Частые поездки не способствовали установлению крепких дружеских связей, хотя были в жизни Высочинского люди, которых можно назвать друзьями. В их числе — Юрий Иванович Жемчуг, старший инженер Нижневартовской ПГБ. «Очень хороший человек. Он был прекрасный специалист-технар — умный, грамотный. Внешне очень на отца похож, только полнее немного. Он потом в Сургут перевёлся», — вспоминает В.И.Высочинский.

Год, прожитый в Нижневартовске, оказался напряжённым и радостным. На Баграсе шли испытания скважины Мегионской Р-1. И.Я.Высочинский и старший геолог Сургутской НГРЭ Е.А.Тепляков на месте руководили действиями буровой бригады. Её в тот период временно возглавлял Е.Ф.Липковский, заменивший Г.И.Норкина, которого отправили решать проблемы в Ермаках: там возникли сложности с бурением скважины №11.

— Отцу по работе часто приходилось на Баграс ездить. Меня тоже с собой брал, — рассказывает В.И.Высочинский. — Помню, у Евстигнея Липковского, мастера, который скважину испытывал, во дворе колодец был, он сам его выкопал. Вода в нем была удивительно чистая, холодная и прозрачная, но очень горькая из-за того, что сруб колодца был из осины: сделали из того, что поблизости росло. На Баграсе леса не было, в основном, заливные луга. Росла черемуха, рябина, березняк кое-где... А для строительства домов лес завозили...

...Здесь, на Баграсе, весной 1961 года и произошло то событие, которого так долго ждали: был получен нефтяной фонтан, свидетельствующий об открытии первого нефтяного месторождения в Среднем Приобье — Мегионского. 21 марта Высочинский и Тепляков отправили начальнику экспедиции Салманову радиограмму: «Скважина начала фонтанировать чистой нефтью визуалью 200 тонн». За этой короткой сдержанной фразой — бессонные ночи, месяцы нервного ожидания и сомнений, тяжелейший труд в условиях жестоких сибирских морозов и нехватки оборудования... Вспоминая те дни, Ф.К.Салманов позже писал в своей книге, что по

приезде на Баграс обратил внимание на осунувшееся и побледневшее лицо Евграфа Теплякова: «Было заметно, что старший геолог много времени провёл без сна. Такое же состояние было и у Ивана Яковлевича Высочинского. У него и седины на висках вроде прибавилось». Но, тем не менее, всех переполняла радость. «Многие вообще впервые видели фонтан. Не выдержав, некоторые геологи плакали от счастья. Обнимая Высочинского, чувствовал, что и у меня рябило в глазах. Долгожданная победа!» — писал Салманов в книге «Сибирь — судьба моя».

Уже через месяц-полтора после открытия Мегионского месторождения Высочинские семьей уехали теплоходом в Сургут (остался только Борис, который в Нижневартовске заканчивал девятый класс). Спустя два года, в 1964 году, в Сургуте умерла от сердечного приступа Антонина Владимировна: спасти её не удалось, поскольку из-за распутицы (это было в августе) «скорая» приехала слишком поздно. Несмотря на то, что в 1965 году в жизнь Ивана Яковлевича вошла другая женщина, на долгие годы ставшая ему верной спутницей, память о первой жене он сохранил в своем сердце навсегда. Уезжая в восьмидесятые годы на жительство в Тюмень, Иван Яковлевич добился, чтобы туда перенесли и могилу Антонины Владимировны.

Из Сургута Ивана Яковлевича сразу же направили в длительную командировку в Усть-Балык, где он год проработал заместителем начальника Усть-Балыкской ПГБ. Виктор Николаевич Козлов, геолог и писатель, посвятивший Высочинскому одну из глав своей книги «Первопроходцы», таким увидел Ивана Яковлевича в конце 1961 года: «Был он выше среднего, начальственного грузен, голос широкого диапазона: от руководящего баритона до доверительного, мягкого, отечески-журчащего — голосом он владел артистично. Мимика его была под стать голосу. От крыльев крупного, чуть вислого носа, огибая твёрдый мужской рот, шли глубокие складки, высокий лоб изрезан тремя-четырьмя морщинами, складка на переносье. Привычное выражение лица его и светлых прозрачных глаз в прищуре было сочувственно-снисходительное, хотя, по случаю, оно выражало всю разнообразную гамму чувств: сочувствие, даже как бы виноватость всегда присутствовали при этом». Иван Яковлевич, по словам В.Н.Козлова, «был прямым и принципиальным человеком. Оппонентом он бывал очень тяжёлым, «вязким»: переубедить его очень трудно, а уж навязать своё мнение — тем более».

Когда в 1962 году на базе партий глубокого бурения были созданы самостоятельные нефтеразведочные экспедиции — Мегионская и Усть-Балыкская — Высочинский вернулся в Сургут и возглавил плановый отдел Сургутской экспедиции. Он давно

намеревался перейти на более спокойную, «бумажную», работу: в бурении физические нагрузки таковы, что и здоровому-то человеку нелегко, а бывшему фронтовику постоянно давало знать о себе ранение. Хромота осталась на всю жизнь, и колено его правой ноги навсегда было затянута в кожаный корсет.

Когда пришло время выбирать профессию сыновьям, Иван Яковлевич предоставил им полную самостоятельность. Но своего мнения не скрывал: в бурении работать тяжело, но интересно. Да мальчишки об этом и сами знали.

— Я ещё до школы имел представление о том, что такое бурение, так как бывал с отцом на буровых, — говорит Владимир Иванович. — Там грязно, шумно, всё вокруг трещит, колотится, люди чумазые... Но интересно!

Впрочем, Владимир собирался заниматься электроникой, но к тому времени такого факультета в тюменском индустриальном университете ещё не было, поэтому его зачислили на самый престижный факультет — нефтегазопромысловый, тем более что экзаменационные оценки у парня были весьма высокими. Окончив в 1970 году институт, Владимир Иванович Высочинский получил специальность «горный инженер», а сегодня возглавляет производственно-технологический отдел ОАО «Мегионнефтегазгеология».

Борис Иванович Высочинский окончил Ленинградский институт, получил специальность геофизика. Работал в Правдинской геофизической экспедиции, потом перевёлся в Мегионскую ГФЭ, где и трудился до пенсии.

Сам Иван Яковлевич в конце шестидесятых работал в тресте «Обьнефтеразведка», в семидесятые вернулся в Мегион, где восемь лет был начальником планового отдела Мегионской экспедиции, а на пенсию вышел в 1985 году, будучи на тот момент главным экономистом «Мегионнефтегазгеологии». Как инвалид войны и ветеран нефтеразведки, он один из первых получил квартиру в Тюмени, куда уехал сразу после выхода на заслуженный отдых. Там и провел последние годы жизни.

В апреле 2000 года он в последний раз по приглашению руководства «Мегионнефтегазгеологии» приехал в Мегион на празднование Дня геолога, где встретился со старыми друзьями и коллегами по работе. Летом того же года И.Я.Высочинского не стало. Его фотографии, документы и награды переданы его супругой Л.М.Высочинской в музей г. Тюмени.

«Как два лебедя, не живущих поодиночке...»

В Приобье за двадцать четыре года Валентин Андреевич Гавриков прошёл путь от рядового геолога до генерального директора «Новосибирскгеология». Однако его имя почти не упоминается в документах, хотя геологи, близко знавшие его как человека и руководителя, по сей день хранят о нём добрую память.

Лучшие годы В.А.Гаврикова прошли в Мегионе, куда он приехал в 1965 году по распределению Главтюменьгеологии.

«В один из майских дней, — вспоминал В.А.Абазаров, бывший в ту пору начальником Мегионской нефтеразведочной экспедиции, — после утренней сутолоки заходит ко мне главный геолог экспедиции Модест Фёдорович Синюткин и говорит, что к нам прибыл молодой специалист, горный инженер-геолог с красным дипломом. Через несколько минут заходит молодой человек высокого роста, весьма симпатичной наружности, с короткой стрижкой. «Гавриков Валентин Андреевич, прибыл в ваше распоряжение по направлению Главтюменьгеологии». Так состоялась моя первая встреча с ним. Интеллигентность, сдержанность, открытость, мгновенная продуманность ответов и острота реакции произвели самое благоприятное впечатление».

Молодого специалиста поселили в общежитии. «Комната четыре на пять метров с двухъярусными железными кроватями на восемь человек, стол, четыре стула, четыре тумбочки, вешалки на стене для рабочей и повседневной одежды. В углу умывальник с ведром. Холодный туалет на улице в пятидесяти метрах, — так описывает обстановку казённого жилья Виктор Федотов. — От первых впечатлений меня охватило унылое настроение, которое развеял молодой специалист-геолог Валентин Гавриков. Он приехал неделей раньше после окончания Львовского политехнического института. Образованный, музыкальный, знающий английский, он создавал в нашей комнате такую простую и душевную атмосферу, что забывались все трудности».

Валентин Андреевич жил в общежитии не один год, до тех пор, пока не женился на выпускнице Тюменского промышленного института красавице Джемме, с которой познакомился во время её практики в Мегионе: только тогда он, наконец, получил нормальную квартиру.

В первый же год его жизни в Мегионе, в 1965 году, с Гавриковым познакомилась Антонида и Леонтий Белоглазовы.

— Я работала в геологическом отделе Мегионской экспедиции, и Гаврикова, естественно, направили к нам в отдел, — вспо-

минает ветеран труда Антонида Михайловна Белоглазова, первая женщина-геолог, получившая орден Трудового Красного Знамени за открытие Самотлора. — Начальник геологического отдела Генрих Павлович Худорожков нам его представил. А Гавриков застенчивый был очень. Потом признался, что в тот момент места себе не находил — так стеснялся. Но как специалист разу себя зарекомендовал — очень толковый геолог был. С Джеммой познакомился, когда она здесь практику проходила. Они оба институты окончили с красным дипломом. Когда поженились, две свадьбы играли — в Тюмени, откуда родом Джемма, и в Киеве, куда в то время из Владивостока переехали родители Валентина Андреевича. Ну, а когда молодые в Мегион вернулись, мы тоже свадьбу потребовали: у них тогда уже своя квартира была.

Джемма Михайловна Гаврикова и Антонида Михайловна Белоглазова не просто работали в одном отделе (у них рядом столы стояли), но и были очень дружны. «Каждый год День геолога мы отмечали вместе», — говорит Антонида Михайловна.

У них и сыновья в один год родились: Юра у Белоглазовых в сентябре, а Андрей у Гавриковых — в апреле 1970 года. Мальчики тоже подружились, вместе учились в школе, вместе уходили в армию... Но тогда, в 1965 году, все это — друзья, жена, сын — было впереди у молодого специалиста Гаврикова, приехавшего в Мегион. Его назначили геологом участка бурения. С первых дней двадцатидвухлетний выпускник выделялся добросовестностью, большой ответственностью и принципиальностью: когда надо было постоять за интересы геологической службы, Гавриков был непреклонен. Как специалист он формировался быстро. Незаурядность Гаврикова была очевидной, а очень скоро он стал проявлять и недюжинные организаторские способности. Это не осталось незамеченным его непосредственными руководителями и, прежде всего, главным геологом экспедиции Модестом Фёдоровичем Синюткиным, который во многом способствовал карьерному росту молодого специалиста. Не прошло и трёх лет, как Гавриков стал начальником геологического отдела экспедиции, а в 1971 году — назначен главным геологом МНРЭ.

«Для главного геолога такого солидного предприятия Валентин Андреевич непозволительно молод (он только недавно вышел из комсомольского возраста), — писала о нём в 1972 году газета «Тюменский комсомолец». — Почти на всех разведочных скважинах Самотлора побывал этот всегда выдержанный, говорящий мало и только по делу, по-взрослому неторопливый в суждениях и по-юношески заносчивый, когда дело касается обожаемой им геологии, молодой главный».

Едва заняв столь ответственный пост, Гавриков стал исповедовать давно пропагандируемую им на всех научных конференциях идею. Очень упрощённо она сводится к переориентации на поисковое бурение.

Дело в том, что самая крупная в Союзе экспедиция, наращивая мощности, на время забыла о дне завтрашнем. Занимаясь доразведкой уже найденных месторождений, в том числе и Самотлора, она почти прекратила охоту за новыми скоплениями нефти. Конечно, такие гиганты, как Самотлор, похоже, вообще не имеют границ, но восторг дилетанта несколько умеряют трезвые расчёты. В десятой пятилетке на долю Мегионской экспедиции отводится треть плана Главка по приросту запасов. Одним Самотлором, каким бы он ни был, не обойдёшься!

Новая методика поиска перспективных структур, значительно упрощённая, но не ставшая от этого менее действенной, сейчас с успехом применяется в Мегионе.

В последние годы открыт ряд подземных кладовых, некоторые из них расположены довольно удачно, с точки зрения промысловиков. Главному геологу еще не раз предстоит вылетать на раскиданные в тайге, болотах и лесотундре точки и слышать голос нефтяного фонтана, ни с чем не сравнимый громкий крик «новорождённого»!

Осенью того же 1972 года в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию приехал секретарь Нижневартовского горкома партии Владимир Салмин, которого интересовали перспективы развития геологоразведки на территории района. Вот как он вспоминает о своём знакомстве с Гавриковым: «Он показался мне тогда весьма серьезным и деловым. Решал вопросы конкретно, без всяких признаков колебания и суеты. Чувствовалось, что он владеет полной информацией о ходе поисково-разведочных работ на нефть и газ в Среднем Приобье. Он знал месторождения и чувствовал их пульс. В разговоре подметил, что недаром иногда геолога сравнивают с хирургом, которому во время операции не следовало бы мешать».

С большим уважением отзывается о Валентине Андреевиче Гаврикове и Борис Сергеевич Хохряков, глава администрации г. Нижневартовска, а в прошлом геолог: «Он сыграл в моей жизни огромную роль, первый в меня поверил и потом, что называется, двигал. Он был большой умницей во всех отношениях. Его пример, его советы со мной всю жизнь. Будучи сам молодым руководителем, Гавриков давал простор для высказываний своего мнения молодым специалистам. Если Гавриков видел, что решение ошибочное, он не приказывал, а всегда доказывал неправильность на фактах. Таким образом, он заставлял думать всех, хотя

мог сам, не советуясь, принять решение — опыт и знания ему позволяли».

Однако с главком у молодого руководителя были сложные отношения. Как профессиональный геолог, Гавриков понимал, что необходимый прирост запасов нефти и газа можно было осуществить меньшими объёмами бурения. Но у руководства главка было другое мнение. Гаврикова торопили с защитой Варьёганского, Аганского, Северо-Варьёганского, Покачёвского месторождений. Он приехал в Тюмень, чтобы обосновать неральность плана проходки. У него были и конкретные, хорошо продуманные предложения по расстановке бригад на самых благоприятных с геологических позиций точках. Он предлагал взять те же запасы меньшим числом скважин. Однако поддержки от Салманова, бывшего в ту пору главным геологом Главтюменьгеологии, он не получил. «Категорически не согласен», — таков был ответ Фармана Курбановича.

«Может быть, из-за подобных ситуаций со временем возникла неприязнь друг к другу двух выдающихся геологов, впоследствии стоившая Гаврикову потери работы в Тюменской области», — высказывает предположение в своей книге «Звёзды Приобья» Владимир Салмин.

В середине восьмидесятых годов В.А.Гавриков вынужден был дать согласие на переезд в Новосибирск в геологическое объединение, которое возглавил с присущей ему энергией, хотя тяжело пережил такое перемещение.

— Когда Гавриковы в Новосибирск уехали, там и случилась беда, — рассказывает А.М.Белоглазова. — У Гаврикова была астма, он лечился, постоянно ездил на курорты куда-то на Алтай, но ничего не помогало. Он умер в поликлинике, в процедурном кабинете, куда поехал после того, как провёл на работе разрядку с начальниками отделов. Джемма рассказывала, что он ей позвонил часов в одиннадцать, предупредил, что едет на процедуры и хочет выкупить лекарство — всё как обычно. Уехал в поликлинику и не вернулся.

...Гавриков скоропостижно скончался на сорок седьмом году жизни. А вскоре, через два с половиной года, от тяжёлой болезни умерла и Джемма Михайловна, любимая жена, друг и единомышленник Валентина Андреевича.

— Джемма Михайловна тоже прекрасным специалистом была, работала сначала геологом, потом старшим геологом, — говорит Антонида Белоглазова. — И могла бы подняться выше по служебной лестнице и сделать себе карьеру, но она следовала в фарватере мужа. Однажды я ей сказала: «Джемма Михайловна, пора тебе начальником отдела становиться», но она ответила: «Мне

не положено, у меня муж — начальник объединения». Валентин Андреевич никогда не выделял свою жену, как бы хорошо она не работала. Так что больших наград у неё не было... Она ни разу не получила даже простенькой грамоты к какому-либо празднику. Мы возмущались: «Джемма Михайловна, но почему? Ты что, плохо работаешь?» Она только смеялась. Приходилось начальнику отдела за неё хлопотать... Мы с ней переписывались до её болезни, а потом младшая сестра Джеммы (она в Омске живет) увезла её в Москву показать специалистам. Там стало ясно, что лечить Джемму уже поздно, болезнь (рак печени и желудка) в запущенном состоянии. После того, как заболела, она перестала писать письма, наверное, тяжело было.

По словам В.Федотова, супруги Гавриковы «прожили недолгую, но яркую жизнь и ушли из неё почти одновременно, как два лебедя, не живущих поодиночке...»

Валентин Андреевич Гавриков был награждён орденами «Знак Почёта», Трудового Красного Знамени, тремя медалями. Отмечен дипломом «Первооткрыватель месторождения» (1989, Тагринское). Его именем названо одно из месторождений Тюменской области (Гавриковское).

Нина Купальцева

«Я счастлив, что так сложилась моя судьба»

Имя Модеста Фёдоровича Синюткина — среди самых громких и звучных имён, которые вписаны золотыми буквами в летопись «Мегионнефтегазгеологии»: в начале шестидесятых он был главным геологом Мегионской нефтеразведочной экспедиции, а позже — главным геологом производственного объединения «Мегионнефтегазгеология».

— В начале восьмидесятых годов Модест Фёдорович Синюткин был главным геологом, а я — главным инженером объединения «Мегионнефтегазгеология». Я отвечал за технику и технологию, а на нём лежала ответственность за геологические результаты, — вспоминает бывший инженер-буровик, а ныне глава администрации Нижнеуртовска Борис Сергеевич Хохряков. — Геологическая информация — на конце долота. Чтобы проверить расчёты геологов относительно наличия нефти, Синюткин со своей командой, куда входили аналитики, специалисты геологического отдела, геофизики, определял место, точку на карте. А моя задача заключалась в том, чтобы вместе с буровой бригадой, монтажниками, дорожниками и испытателями, пробурить там скважину и провести её испытание. Вот примерно такое распределение труда.

Модест Фёдорович мне imponировал и как человек, и как специалист. Прекрасный рассказчик, прекрасный семьянин... Очень приятный внешне, с мужественным лицом, спокойный и выдержанный. В моём понимании — технический интеллигент.

Но уж если он срывался, то те, кто знали Модеста Фёдоровича, понимали, что он доведён до крайней точки кипения. А поводы для этого, конечно, были. В те времена существовал план по проходке, по погонным метрам. И этот план был во главе угла. В связи с этим геологическая и техническая службы часто вступали в противоречие. Для выполнения плана технари всегда предлагали сократить объёмы отбора керна из скважины, поскольку эта операция очень медленная и трудоёмкая, и на неё всегда уходило много времени. То есть, когда отбирали керн, терялись темпы в бурении, в итоге с трудом выполнялся план. Но, тем не менее, мы — я и Синюткин, опытный бурильщик и опытный геолог, — всегда находили разумный компромисс. Модест Фёдорович по темпам проходки чувствовал, идёт ли по твёрдому пласту — алевролиты, аргиллиты — или, когда скорость проходки улучшается, входит в песчаник, который может быть потенциально нефтенасыщенным. Как главный геолог, он определял стратегию развития, то есть принимал решение, в каком направлении двигаться: на север, на юг или на восток, где вообще бурить... Но, кроме того, он курировал испытания скважин. Мы часто общались с ним на буровых радиосеансах, которые велись круглосуточно через 2-3 часа с каждой буровой. Когда много скважин в бурении, всегда возникали проблемы: случались аварии, другие сложные ситуации... Поскольку в такие моменты нужно было принять решение и дать команду, что-то посоветовать, то и Модест Фёдорович, которому приходилось решать вопросы с интервалом отбора керна, давать команду прекратить испытание пласта и перейти к вышележащему, и я, — как главный инженер, всегда были на связи друг с другом.

Синюткин был не просто опытным геологом, уже тогда он был знаменитым. Настоящий первооткрыватель: будучи старшим геологом Березовской нефтеразведочной экспедиции, в 1961 году он отправил радиограмму начальнику Тюменского геологического управления Ю.Г.Эрвье об открытии Пунгинского газового месторождения. А в 1964 году в качестве главного геолога Мегионской нефтеразведочной экспедиции он подписал радиограмму главному геологу Тюменского геологического управления Л.И.Ровнину — об открытии нефтяного месторождения на Ватинской площади. Сегодня эти радиограммы — исторические документы. Уже тогда он был удостоен высочайшей по тем временам награды Советского Союза — ордена Ленина.

— Он был очень хорошим специалистом, — рассказывает ветеран труда, геолог Антонида Михайловна Белоглазова. — Именно поэтому его назначили главным геологом в трест «Норильскнефтеразведка». Его жена, Ада, рассказывала, в каких условиях они там жили — это ужас. На улицах вдоль дорог были натянуты специальные поручни, потому что ветры зимой такие, что если не будешь держаться, — унесёт. Потом по состоянию здоровья жены он перевёлся в Сургут, был главным геологом треста «Обьнефтеразведка», а затем, в 1975 году, снова вернулся сюда, в Мегион, главным геологом Мегионской нефтеразведочной экспедиции.

...Сибириада Модеста Синюткина началась ещё в середине пятидесятых годов.

— В пятьдесят шестом году меня, выпускника Саратовского института, распределили в Берёзово, — рассказывал Модест Фёдорович корреспонденту газеты «Ленинское знамя» в 1985 году, будучи в то время старшим геологом Восточно-Мегионской экспедиции. — Там предполагали тогда большие залежи нефти и газа, отсюда начинался фронт поиска этого ценнейшего сырья в Западной Сибири. За десятки и сотни километров уходили геологи в тайгу, отыскивали, как мы говорим, точки для бурения первых разведочных скважин. Вертолеты в ту пору были еще редкость, машины не всегда могли преодолеть сугробы или осеннюю распутицу, и часто нам приходилось пешком шагать по семьдесят-восемьдесят и сто километров по таёжной глухомани. Помогали нам коренные жители — ханты и манси: отогревали в своих чумах, кормили, давали лошадей или оленей. Берёзово стало началом моей сибириады, временем становления и мужания.

А в феврале 1962 года Ю.Г.Эрвье предложил мне стать главным геологом недавно организованной Мегионской нефтеразведочной экспедиции. Собрали мы с женой и дочкой нехитрые свои пожитки и прибыли в Мегион. Помню глухую деревушку, палатки и вагончики на берегу Меги и Баграса. Кругом, куда ни глянь, тайга, рядом небольшая вертолётная площадка, связывающая нас с внешним миром.

Вскоре стали строить рубленные дома, понемногу обустроить свой быт.

Геологи по структурной карте с подземным рельефом отыскивали места под буровые, вышкомонтажники перетаскивали туда станки, Г.И.Норкин, С.Л.Малыгин «прокалывали» землю, изучая нефтяные пласты.

Помню, как выдавали первую точку на самотлорской структуре... Казалось тогда: почти безнадёжное задание. А всё равно выполнили его, преодолели трудности, ожидающие буквально на

каждом шагу. Первая скважина сразу же дала нефть. Вскоре пробурили вторую скважину на Белозёрном, третью — в седловине между Белозёрным и Тагринским месторождениями. И снова забил нефтяной фонтан. Недалеко друг от друга пробурили ещё скважины — все оказались сплошным нефтяным полем, все малые структуры как бы создали под землёй единый нефтяной контур. Убедились геологоразведчики и в том, что Мегионское и Самотлорское месторождения по верхним пластам составляют одно целое.

Как радовались мы, что обнаружили в кладовой земли такие огромные запасы «чёрного золота». Но к этому чувству тогда подмешивалась и тревога: найти-то нашли, а как взять эту нефть в условиях такой заболоченности и отдалённости от промышленных центров страны, как заставить её служить людям?

В шестьдесят четвёртом году, помню, приехали к нам И.И.Рынковой и Г.С.Арнопольский. Они стали заниматься пробной эксплуатацией месторождения, появились первые нефтепромыслы. Никогда не забуду митинга в честь первого танкера, везущего нашу нефть на Омский перерабатывающий завод. В глазах людей, так много повидавших на своем веку трудностей и, казалось, привычных ко всему, светились слёзы радости и гордости за свой труд...

Следующий год тоже был памятным на события: меня приняли в партию, в нашей семье родился сын.

С каждым годом рос и наш Мегион. Появились в нем уже и двухэтажные благоустроенные дома, школа, больница, детский сад.

Из крошечного посёлочка, затерявшегося среди тайги, Мегион стал городом с высокими домами, асфальтированными улицами. Жаль только, что при его строительстве мало пощадили мы природу. Помню, раньше вокруг вагончиков да палаток стояли двадцати-тридцатиметровые кедры, зеленела тайга, тихонько несла свои воды чистая речушка Сайма. Сейчас это всё осталось только в памяти старожиллов.

Здесь, в Мегионе, я прожил большую и лучшую часть своей жизни...

Я счастлив оттого, что так сложилась моя судьба, что на долгие годы связал её с поиском нефти в Сибири, с родным моим городом Мегионом...

Дмитрий Шлябин

Запах нефти

Минуло более полувека, как на землю Приобья ступили геологи, разведчики недр. Нужно было найти нефть — и её нашли.

Геология собрала людей разной судьбы, но их объединяло общее: большое новое дело. Они были первопроходцами. Это поздняя жизнь их многому научила, а тогда, в начале 50–60-х, всё было впервые. Впервые в марте 1961 года было открыто и первое месторождение нефти — Мегионское. Этот небольшой рассказ — всего лишь штрих из жизни нашего земляка, ветерана труда, инвалида войны, сейчас пенсионера, а раньше бурового мастера Васечко Григория Романовича. Он начинал свою работу на Севере с 1949 года, что называется, с первого колышка, а с 1956 года работал под началом человека-легенды Ф.К.Салманова в геофизической партии.

В годы Отечественной войны родина Васечко была временно оккупирована. Фашистские полчища рвались на Северный Кавказ любой ценой. Задача — перерезать нефтяные артерии Баку, обескровить экономику и армию России. Гитлер уже раздаривал своим министрам Крым и Кавказ. Нефть была ценой жизни всего государства. Недолго взирал на Кавказ стальной орел с гаммированным крестом в лапах с вершины Эльбруса, куда его установили солдаты-альпинисты группы «Эдельвейс». Вскоре этот ненавистный чужой символ был низвергнут.

Фронт уходил на запад... Почти не раздавались орудийные залпы, но гремели взрывы мин. «Минен-фельд» (минное поле) для жителей станицы Ардон навсегда стало символом смерти. Немцы оставили тысячи мин. Не хватало солдат-саперов. Переносить снаряды помогали деревенские подростки. В тот роковой день один из них не удержал снаряд — прогремел еще один взрыв. На том месте, где было пять хлопцев, осталась глубокая воронка. Единственному уцелевшему осколками изранило и перебило ногу. В госпитале долго складывали, латали, гипсовали; ногу удалось сохранить, но коленный сустав перестал работать. Хлопца, сына казака Романа Васечко, звали Гришей. От инвалидности отказался, с фронта возвращались изувеченные хуже. Вскоре Григорий — студент Грозненского нефтяного института. Учился во Владикавказском филиале. Далее — практика под Грозным и большая дорога в жизнь. Стране нужны были «новые Баку». Так судьба навек связала с нефтеразведкой и работой на Севере.

«Дорогие мегионцы, дорогие земляки!

Я обращаюсь к вам из Северной Осетии — родины отцов, терских казаков, из-под Владикавказа. Живу я здесь давненько, а Север, Мегион, где прошли молодые, трудовые годы — все это как вчера... Увижу по Центральному телевидению Приобье, и защемит... Конечно, Север уже не тот: обжитый, устроенный, то ЖД пустили, то мост через Обь перекинули, города, дороги,

вузы... Младший сын из Мегиона ко мне в гости на иномарке своим ходом едет, внучек деду показать.

Теперь у нефтяников свое телевидение, газета. Весною сын гостил, привез газету, а там, на фото вышка рядом с мельницей и подпись: пятидесятые годы, Покур. Я ее сразу узнал – нашу вышку. С Покуром моя судьба связана особо. Здесь в 1952 году родилась моя первеница – дочь Саша. Живет она в Сургуте, работает в нефтяной промышленности.

Шел 50-ый год. Покурская вышка – одна из трех первых скважин Северного пояса исследований. Западно-Сибирская низменность была разбита на пояса, квадраты. Расстояние по квадратам между буровыми – 500 км, 250 км. Одна скважина бурилась в Ларьяке, другая – в Покуре (бурил ее сначала геолог, старичок Яковлев, а потом буровой мастер В.Лагутин, и испытывал Е.Липковский), третья – в Ханты-Мансийске (тогда еще Самарово). Бурил Н.Григорьев.

Это были так называемые опорные скважины, где керн на анализ брали с нуля. Нефть искали и по первой полосе исследований, по-над «железкою», то есть южнее, по линии Новосибирск – Омск – Тюмень. Бурили до 3000 метров – там было сухо. На Покуре мы не дошли до нефти. По правде, никто толком и не знал, где лучше искать. Ведь мы были первыми... Но была теория, уверенность. Позднее Салман (мы его по-дружески так звали) на все неудачи первых лет лишь повторял: «Здесь будет второе Баку!»

Не везло и на третьей полосе, на Приполярной. А вот ближе к Приуралью Урусов добрался до нее, открыл небольшое месторождение, там фундамент ближе, и нефть пошла где-то с 1700–1800 м. Урусов прогремел тогда: Эрвье и два буровых мастера сразу Героев получили за почин.

А газетный снимок сделал местный фотограф Вотюков Федор, мы у него бывали за столом и строганину, и стерлядь сырую малосолом ели. Бывал у него по соседству и Ф.Салманов. С ним я начал работать под Сургутом, в Пимской геофизической партии, позднее он перешел на Юганскую Обь, преобразовал партии в экспедицию.

Есть еще удача, случай. Но мы тогда многому только учились. Помню, устанавливали первую буровую в Пимской экспедиции, меня туда уговорил Терещенко (из треста). Я там был инженером, по восьмому разряду бурильщика – и за мастера, и за прораба. В Пиме еще ничего не было, только вагончики приши с Ангарского завода.

Подпоры из бетона (бабки) делали сами, с основанием 3х3 метра. 2,5 метра в землю загоняли, да еще над землей три метра.

Брус необхватный сами тесали, в него пятиметровые анкерные болты монтировали, площадку готовили. А у буровой 5-Д площадь 10 x 10 метров.

Нас в бригаде человек пять или шесть было: Белогирин Валентин, он с Майкопа, помбур Терентьев, дизелист — юморной мужик, ханты из Колпашево Костя Лялин. У нас еще как-то местный ханты работал, потом ушел: «Разжиженную грязь месить больше не хочу, охотничать интересней, однако...» Братя Васякины тоже с Пимской перебрались в Мегион.

Почти всю зиму мы провозились с земляными работами, железобетоном заливали. Когда локосовская бригада монтажников приехала, за две недели вышку смонтировали. Забуриться мне не пришлось, отец при смерти был — я уехал в мае, с первой самоходкой.

Салманов потом отозвал меня, послал на повышение квалификации на инженера по глиняным растворам в Москву. Вернулся я месяца через полтора, разведку вели на Ваховской площади. Глину на раствор везли, чуть ли не из-под Локосова. Я посмотрел: здесь рядом, прямо под буровой, пласты глины не хуже. Начали применять, упростили дело.

Это позднее научились многому, все стало проще и легче. Приспособились и буровые вышки передвигать по замороженным зимникам тракторами на растяжках, и даже на спаренных баржах-площадках чуть ли не вышку в сборе перевозить на новую площадь.

На Баграсе умудрились передвинуть со второго номера на третий всего тремя тракторами-сотками (вместо пяти по схеме): два — спереди и один — на оттяжке.

В 1959 или 1960 году Салманов направил меня в Мегионскую партию от Сургутской экспедиции. Организовал ее Л.И.Кужютин. Тогда ведь почти никто не знал, как нефть выглядит, разве ребята, которые бурили в Татарии. На Баграсе первый номер бурил Норкин Григорий Иванович, у меня был второй номер. Монтаж делали в декабре. Прошли мы уже за две тысячи с лишним. Шел я как-то мимо их номера, они ее уже испытывали и желонили, попросту доставали, черпали пробу 15-метровым куском трубы с клапаном. Это позднее начали давить пласт компрессорами. А я чувю запах. «Прет, — говорю. — Ребята, это же не соляркой, не мазутом пахнет! Я-то ведь бурил в Грозном, на Талкале, бывал на месторождениях. Это же запах нефти!» И хотя с водой — вот она, настоящая нефть! Ребята на радостях лица перемазали нефтью. Пошла она, разработала ход. Укрепили головку колонны болтами, цементом, сделали отвод трубами мимо пилорамы к озерку. Быстро она его заполнила. Первая нефть,

газ, факелы... Сколько их потом было! При В.А.Абазарове почти все площади в районе разрабатывала Мегионская экспедиция.

Потом были соревнования бригад. Кому-то везло больше, кому-то меньше. Бывали обрывы, аварии. Ремонтировали сами. Попала старая труба — обрыв колонны, дни и метры, наработанные сверх плана, ушли на ремонт. На втором номере у меня обрыв был, оборудование — собранное старье. Александровские ребята по рации услышали о беде, мечик привезли, колокол. Захват и зацепы порой сами изобретали. (Это уже позднее стали поощрять рацпредложения материально, значки давать. Петька у меня ими баловался). Второй номер мы восстановили, уложились в срок, и аварийная скважина стала давать нефть.

На Баграсовской протоке нефть дали и номер один, и второй номер, и третий. Скважина первого номера дала бы нефть раньше, но ее испытывали не совсем правильно, пласт взорвали не на месте, похоже, там переток был. Верхний горизонт пустым оказался. С Б-6 нефть пошла, вроде, Баженовская или Ачимовская свита дала (сейчас уже не помню точно, 40 лет прошло). При глубине 2500 м ошибешься на несколько метров при взрыве и при норме цементажа притока не получишь.

Номер восемь или номер девять бурились как оценочные, там испытывались все горизонты на воду, четыре или пять горизонтов дали термальную, +80° С, бромисто-йодистую. Прямо курортная вода. Не знаю, организовали там сейчас что-нибудь или нет? А его величество Случай в первые годы иногда играл заглавную роль.

На открытие месторождения из Москвы комиссия приехала, из треста «папа» Эрвье прибыл. Его, старого геолога, мы по Крыму знали. Посмотрел, где люди живут (на Баграсе несколько домов было привезено из Нарыма) и как живут: «Почему экспедиция Мегионская, а живете здесь? Давайте — в Мегион». А ведь могли поселить и на Мысовой или еще где-нибудь...

Следом в Мегион пошли баржи с брусом и пиломатериалами. В экспедиции укомплектовали три бригады плотников (бригадиры Г.Панов, С.Уткин, мастер Д.В.Шлябин), прорабом назначили А.Королева. В четвертой бригаде работали вятские мужики. Ребята все были хваткие, толковые. В Мегион тогда приток народа был: В.Щепеткин, Н.Дронов, В.Минаев, Колтынаев — нормировщик, Сарманов — ханты, бухгалтером работал Николаенко. Все соседями стали. Жили дружно. Это был 61-й год.

За зиму две улицы построили по-над яром Меги и контору двухэтажную. На месте улиц Береговой и Горького сейчас улица Ленина с кирпичными многоэтажками. Наконец-то у нас появи-

лась своя крыша над головой. А тогда даже кирпича не было, из сырца печи клали. Нам это не в диво, у меня отцов дом из самана. Где не успели застеклить окна, временно вместо стекол одеяла шли.

Все 11 лет в переездах прошли... За это время трое детей родилось: средний Колька — в Александрове, младший Петька — в Пиме. При экспедиции была баржа с каютами (брамвахта), вот с ней и путешествовали на новые площади. Детей на ночь за руку к кровати привязывали, чтобы в воду не упали спресонок. А тут не то что балок, а двухквартирный дом на две семьи с огородом в 6 соток, где парники поставил и огород держал.

Мегион был тихим уютным поселком, колхоз занимался земледелием, скотоводством. Природа была богатая, все рядом. Осенью в заморозки выйду на реку, повезет — и глухаря домой несу. Манефа Васильевна у меня — коренная сургутянка, так дичь, бывало, сготовит. Э-эх!

Зимой на лыжах любил — удобнее ходить, для лета моторную лодку держал, с ФЭДом (фотоаппарат) не расставался. В 1981 году журналисту из Нижневартовска дал чемодан с фотоархивом — и навсегда.

Летом в отпуск семьей ездили. Денег скопить не получалось: детей поднимали, учились потом кто где. Себе ни в чем не отказывали, вернулся в отцов дом с тремя тысячами. Нули потом исчезли. Жаль северян, у кого сбережения были — пропали, когда пошли процессы «прихватизации»...

Вспоминается былое. Выйду во двор по сидеть под виноградником (лозу еще мой дед посадил), а в памяти прошлое, друзья... Я ведь многие годы на Севере в бурении с Салмановым. Первый раз он у нас студентом практику проходил в Колпашево в 1954 году. Во второй раз — в Березове. Приехал я в экспедицию, показали мне гостиницу, где буду жить. Вхожу, а на моей кровати кавказец лежит. «Эй, парень, это мое место!» — «Извини, друг, мне здесь предложили отдохнуть маленько». Сел знакомиться, а я гляжу — Салман. «Ты ли? Какими судьбами?» Обнялись. Молодой, а уже начальник партии.

Теперь судьба свела надолго, в Пимскую партию он позвал. В геологии я проработал на Севере 30 лет, 15 лет, что называется, бок о бок с этим замечательным человеком. И до 1981 года не раз встречались, и когда он стал «генералом», доктором наук. Такие люди, как он, звездной болезнью не болеют. Человек он обязательный, а как организатор уже тогда болел душой о быте людей. Памяти позавидовать можно, тысячу людей (рабочих и других) по имени-отчеству помнил. Вот голова! А какие цифры бухгалтерии в голове держал! Даст на планерке разнарядку на

задание, а придет срок – все спросит, ничего не упустит: «Я тебе две недели давал. Ты выполнил? Почему нет? Даю еще два дня, не выполнишь – пеняй на себя!» Больших записей в журнале не делал. Бывал строг, но справедлив.

Мегионская геофизическая партия уже стала экспедицией, но подчинялась, как Локосовская и другие, Сургуту. Леонид Иванович Кузютин ушел в проектно-сметный отдел, а новый начальник Высочинский (его потом сменил В.А.Абазаров) решил поставить кое-кого на место, под увольнение попали многие, в том числе и я временно стал техником. Приехал Салманов, не на ковер вызвал Высочинского, а при всех отчитал на собрании: «Почему кадры рушишь? Почему этого уволил, этого уволил, почему Васечко уволил? С кем работать будешь? Что делать будешь? Трубу на шею – и в Обь!?» Эта фраза на долгие годы стала крылатой.

А как ценил юмор и шутку! Раз был случай. Как звать-величать его – не сразу запомнишь. Стоят как-то буровики, а парень один говорит: «Да это просто Салманов Фургон Комбайнович». Мужики хохочут, а он, откуда не возьмись, потихоньку подошел сзади к парню, похлопал его по плечу и говорит: «Вы, что, ребята, я – сельскохозяйственный машина что ли?» Смеялись еще больше. А так попросту звали – Салман.

По телевизору иногда вижу его – то в Москве, то на Севере, он ведь давно почетный гражданин Мегиона. Также друзей вижу на встречах ветеранов. О ком-то узнаю из газет, передач: Л.И.Кузютин – в Сургуте, В.А.Абазаров, Курбатов – в Тюмени, где-то Федя Хафизов, Малыгин. Наш испытатель Липковский хуторянином стал. Пенсионеры все. Молодежь бурит теперь вместо нас...

Хотелось бы увидеться. Вроде здоровье еще маленько есть, но нога не пускает. Здоровья всем, всем!!! Все остальное в нашей жизни было».

Вот так закончил рассказ Григорий Романович.

У города нефтяников стоит памятник первопроходцам. Этот величественный монумент покоряет взор и с земли, и с воздуха. В народе его ласково и просто зовут Алеша. Он гордо держит в руке факел с зажженным огнем, добытым из недр Сибири. Таким красавцем-богатырем выделялся скульптору облик первопроходцев. Это символ нашего времени, времени романтиков, людей цельной природы, способных творить и жертвовать многим ради прекрасно-го и большого дела. Это памятник человеческому подвигу.

В этом символе собран образ сотен, тысяч первопроходцев, отнюдь не богатырей, но сотворивших богатырское дело. И среди них Васечко Григорий Романович, человек среднего роста,

крепкого телосложения, тяжело ступающий на израненную ногу, но прямой и бравый, как-то по-особенному в заломленной шапке, с фотоаппаратом через плечо. Таким его помнят мегионцы.

А в газетах тех лет часто бывали снимки буровых бригад на фоне ферм, вышек, факелов. Счастливые, уверенные лица. Теперь они все знают запах нефти!

Джамиля Шайдуллина

Территория притяжения

В Север влюбились с тобою мы с первого взгляда
И до сих пор притяженья его не смогли превозмочь...
Виктор КОЗЛОВ

Он с удовольствием вспоминает прошлое, говорит, что ни о чём не жалеет. И если бы была возможность начать жизнь сначала, не стал бы ничего в ней менять. Слушая, нисколько не сомневаешься в искренности этих слов. Его биография похожа на тысячи судеб таких же людей, приехавших в 60–70-ые годы покорять нефтяные просторы Сибири, но в ней есть особенные, дорогие сердцу моменты, которые и делают жизнь каждого человека неповторимой.

Она всегда была рядом, помогала, поддерживала, создавала уют в доме и в то же время успевала строить свою карьеру, много времени уделяя и общественной работе. Вместе они — замечательная семейная пара. Прожили большую и интересную жизнь. Владимир Васильевич и Галина Ивановна Тумаевы — вместе уже 48 лет. Из них почти четыре десятка посвятили Мегиону, который стал для них второй родиной.

Когда в конце 60-х годов Владимир Тумаев отправлялся на целину, напевая известную всем песню « Едут новосёлы по земле целинной... », он и не представлял, что вскоре ему предстоит стать новосёлом ещё раз. Но уже далеко от бескрайних степей, на Севере, где началось активное освоение нефтяных месторождений Среднего Приобья. Приехал в Мегион в 1972 году за компанию с другом, и суровая, пока не обустроенная земля покорила молодого человека. Получив приглашение на работу, устроился мастером в Мегионское НГДУ. Предприятие как никогда нуждалось в инженерах, и Владимир, окончивший Томский политехнический институт по специальности «Автоматика и телематика», конечно же, был востребован. Вскоре он вызвал из Восточного Казахстана (жили они в Зырянске) и свою молодую жену Галину. Местом жительства выбрали Мегион. Он

понравился супругам больше, чем Нижневартовск. Посёлок не большой, но аккуратный. Обеспечение хорошее, хотя всё необходимое доставлялось только по воде.

Масштабы происходящих событий, их значимость произвели огромное впечатление на Владимира, он чувствовал себя причастным к чему-то очень важному. Хотя так оно и было на самом деле, не случайно часто приезжало вышестоящее начальство из Тюмени, а то и из Москвы. Сам министр нефтяной и газовой промышленности Шашин бывал в Мегионе, общался с нефтяниками, благодарил за работу.

— И действительно, интересное мы пережили время, — вспоминает Владимир Васильевич, — молодые были, энергичные, трудностей не боялись, казалось, что любые задачи по плечу. Работали практически круглосуточно. Масштабы поражали: Повх, Покачи, Аган, Радужный, Северный Покур, Кетовское месторождение, левый берег Оби — всё это территория деятельности нашего НГДУ, и всюду по долгу службы мне приходилось бывать. Особенно сложно было весной, в паводок, кругом болота, добраться до большинства месторождений можно было только на воздушном транспорте.

Правда, случалось, что и вертолёт мог увязнуть на импровизированной площадке. Теперь уже с улыбкой вспоминает Владимир Васильевич такой случай: надо было возвращаться, а вертолёт никак не мог преодолеть земное притяжение болотистой почвы. Пришлось подлезть под брюхо машины и буквально на собственных плечах приподнять её — сам теперь удивляется, откуда силы только брались.

Всю свою жизнь Владимир Тумаев, можно сказать, проработал в одном подразделении. Сначала — в Центральной инженерно-технической службе, потом — в цехе автоматизации производства, начинал мастером, потом назначили старшим инженером, завершил трудовую деятельность начальником Центральной базы производственного обслуживания средств автоматизации. Оттуда и на пенсию ушёл ... в 67 лет! А ещё говорят, что у нас незаменимых нет!

Он был в числе первых, кто занимался автоматизацией месторождений.

— Сначала специалисты из Москвы приезжали, помогали нам, — рассказывает ветеран, — а потом и сами стали справляться, свои кадры появились. Когда установили оборудование на самом первом месторождении, начальство собралось на центральном пункте, и не верилось, что сейчас на мониторе компьютера появятся показатели с каждой скважины, и можно будет отслеживать их работу, не вставая с места. Тогда это казалось каким-

то чудом, все радовались, как дети. Это сегодня, когда при нефтедобыче применяются самые передовые технологии, автоматизированные системы — привычное дело...

И всюду, где приложил свои руки инженер Тумаев, он старался творчески подойти к делу, часто и смекалку проявлять приходилось, чтобы решить возникающие проблемы. Сколько рационализаторских предложений он внёс при сдаче в эксплуатацию месторождений, никто и не подсчитывал. Владимир Васильевич уверен, что более пятидесяти. Среди его многочисленных ведомственных наград есть и Диплом лауреата конкурса «За лучшую творческую работу». И цех, в котором работал, а потом был руководителем, неоднократно занимал призовые места. Десятки грамот и благодарностей, в том числе и отраслевых, за многолетний добросовестный труд, нагрудные знаки «За заслуги в развитии ОАО «СН-МНГ», медали составляют большой домашний архив Тумаевых и свидетельствуют о яркой и насыщенной трудовой биографии.

Понятное дело, такого специалиста ценили. Неоднократно приглашали на работу в Тюмень, но он остался верен своему предприятию. «Раз затеяли такое большое дело, — говорит Владимир Васильевич, — надо было его завершить достойно». Так и случилось. Сегодня ветеран «нефтянки» удовлетворен результатами своего труда...

Она, хоть и находилась в тени своего мужа и обеспечивала надёжный тыл, тоже не оставалась в стороне от больших событий. Когда Галина Тумаева приехала на Север, устроилась на работу по специальности в СУ-12, первое строительное управление в Мегione. Самый первый объект, который построен с её участием, — перекачивающая насосная станция на одном из месторождений. Добыча «чёрного золота» тогда была самой главной задачей для всех. Хорошо помнит, как сдавали нефтепровод «Дружба», который соединил Самотлор — Тюмень — Альметьевск. Это была молодёжная стройка всесоюзного масштаба. Тогда, работая уже в тресте «Самотлортру-бопроводстрой», Галина Ивановна, как и её муж, налетала тысячи километров на вертолётах и самолётах. Потом много лет посвятила работе в тресте «МНС». Она — тоже ветеран труда, на рабочем месте, в УТТ-3, встретила своё 65-летие, отсюда и ушла на заслуженный отдых.

Они вместе прожили в Мегione самые яркие годы своей жизни. Здесь вырастили дочь, у них — две замечательные внучки, сейчас они живут в Тюмени. А вот старшие Тумаевы, видимо, душой прикипели к Северу, «влюбились с первого взгляда», как сказал мегionский поэт. «Даже погода здесь никогда меня не раздражает», — говорит Владимир Васильевич. Благоустроенная квартира, удобный микрорайон, магазины, аптеки — рядом,

в городе хорошее медицинское обслуживание. Как говорится, что ещё нужно, чтобы встретить старость.

Хотя супруги Тумаевы стареть пока не собираются, ведут активный образ жизни. Да и в доме по хозяйству всё делают сами: глава семейства может не только гвоздь прибить или кран поменять, но и бытовую технику отремонтировать. Своими руками оно надёжнее получается. Всегда стараются быть в курсе событий. Не пропускают выпусков новостей по ТВ, в доме всегда есть свежие газеты, заглядывают и в Интернет. Это не удивительно, ведь с компьютером Тумаев старшей уже давно — на ты. А ещё с молодости супруги любят путешествовать, отдыхать на море. Так что старость может попросту не застать их дома.

Лина Кашина

Черкашин Иван Иосифович

Иван Иосифович — коренной сибиряк. Родители жили в Тобольске. Как очутились в Покуре, тогда ещё Сургутского района, где он и родился, теперь уже никто не помнит. Старики ушли, а молодые прошлым не особо интересовались. Возможно, виной тому коллективизация, ставшая причиной смены жительства не одной семьи.

Семья Черкашиных какое-то время жила в деревне Пасол Сургутского (позже Нижневартовского) района, где её и застала Великая Отечественная война. Учился Ваня хорошо, сразу пошёл во второй класс, да и дальше учился, перескакивая через класс, сначала в соседней деревне Погорельск, затем в Ларьяке. Но окончил только 6 классов, дальше учиться помешала война, трудовому фронту требовались рабочие руки. В 14 лет Ваня был назначен бригадиром над такими же, как он, мальчишками и девчонками. Рано повзрослевшие подростки трудились, как взрослые, выполняя задание военного времени. Ловили рыбу под лозунгом «Каждый чебак — удар по врагу!» Приёмщика рыбы в Пасоле не было, добытый улов сами сдавали на рыбоконсервный завод в Сургуте. Зимой замороженные рыбу и мясо возили на лошадях, летом доставляли на лодках к плашкоуту, трюмы которого были набиты льдом. Уже в 14 лет Ваня временно замещал заболевшего председателя колхоза. Возил в Сургут отчёты, требования к нему предъявлялись без всяких скидок на возраст.

После войны Ивана мобилизовали в армию. Служил на Дальнем Востоке с 1949 по 1953 годы воздушным стрелком военной авиации. С детства приученный к труду и привыкший всё делать на совесть, в армии получил звание «Отличный стрелок».

Отслужив положенный срок, в 1953 г. Иван, отказавшийся возглавить в Пасоле колхоз, приехал в Покур. Здесь и встретил свою Марию. Пришёл устраиваться в контору нефтеразведки на работу, где Мария работала счетоводом-кассиром. Когда заполнял анкету, к кадровику зашла голубоглазая девушка с приветливым лицом. Встретились взглядом и сразу же влюбились друг в друга. Начали встречаться.

Ивана взяли в экспедицию буровым рабочим. В Покуре уже с 1951 года велись буровые работы по разведке нефти. В соседней деревне Вахлово набирали глину для приготовления раствора, который использовали для бурения.

Мария, как и Иван, родилась и выросла в Сибири. Она — уроженка деревни Нижняя Мысовая, что была основана возле села Локосово Сургутского района. В 1932 году в годовалом возрасте девочка лишилась матери. Первое время за ней приглядывала девятилетняя сестра Шура, да соседи не оставляли без внимания. Через три года отец женился. Через шесть лет в семье прибавилось ещё трое детей.

В родной деревушке школы не было. 1-ый класс девочка окончила в Покуре, где с сестрой мачехи жила на квартире. Дальше учиться предстояло в Локосово, однако мачеха не пускала — младшим детям требовалась нянька. В 1941 году Маша сбежала из дома, попросилась к локосовским рыбакам в неводник, очень хотела учиться. Питалась один раз в сутки. Сестра помогала деньгами, поменялась с Машей продуктовой карточкой, чтобы Маше доставалось больше хлеба, так как работающим выдавали 500 г хлеба на день, а иждивенцам только 250. Хлеб Маша запивала водой.

С 1942 года, как и все дети войны, в летнее время трудилась в родной деревне. На лето из Локосово в Нижнюю Мысовую привезли голов двадцать породистых телят, ухаживала за ними, пасла. Когда болели, как умела лечила, даже анатомировала погибшего телёнка, чтобы сделать заключение на списание.

В 1943—1944 годах во время учёбы в Локосово по воскресеньям подменяла на ферме заболевших доярок. Ей, девчонке, приходилось выдаивать вручную целую группу холмогорских коров.

Сами с младшей сестрой ходили полураздетые, одежду и обувь носили по очереди. После семилетки Маша больше не училась. В 8-й класс надо было ехать в Сургут, а на это не было денег. Отец погиб на фронте, помочь было некому. Её как комсомолку вызвали в сельсовет и направили на месяц в Локосовский леспромхоз, на валку леса. Поставили делать лежнёвку, на лошадях возить брёвна. На лесоповале платили наличными.

В 1951 году девушка услышала про Покурскую буровую партию. Собирать было нечего, а терять — тем более, с июля Мария уже работала в Покуре. Здесь же окончила курсы коллегторов. Работа коллегтора была интересная, нравилась. Керноарывателем брали породу, которую затем коллекторы обрабатывали. «Порода была красивая, земля слоями, как торт. Обработанные керны находились в кернохранилище. Полученные результаты мы переносили на кальку, затем отправляли почтой в Новосибирск или Тюмень, где учёные давали своё заключение. Нефть почти всегда залегаёт в песчанике. Понюхаешь пласт, а он нефтью пахнет. Приезжали в Покур и учёные из Ленинграда», — рассказывает Мария Гавриловна. Ныне в селе на месте вышки и растворного амбара стоит задвижка.

Через три месяца после знакомства Мария и Иван поженились. Жили у Марии, в маленькой комнатке размером 1,5 x 3 м. Столик, топчанчик — вот и всё имущество, что умещалось в комнатке. Через стенку — сосед, Саша Разин. Жили хоть и не богато, но дружно, в любви и согласии. Ценили друг друга, берегли. «Да и как его было не любить, — вспоминает Мария Гавриловна о муже, — ведь он не пил, не курил. Иванушка у меня никогда и матом не ругался. Я этого терпеть не могла». Иванушка... Иначе она его и не называет.

В Покуре, как и по всей Сибири в те годы, люди жили на подъёме, счастливые своей молодостью, не задумываясь о здоровье, радуясь жизни, с большой верой в будущее. Ставили пьесы под руководством юной библиотекарки, артистов было — хоть отбавляй! Устраивали танцы, организовали хор. И сил, и времени на всё хватало.

В 1954 году из Покура семью направили в Ларьяк, там в то время тоже велись поиски нефти. Не успели приехать, как родился сын Валера. Из Ларьяка в 1955 году были направлены в деревню Назино, где работала Александровская нефтеразведка. Здесь Иван Иосифович трудился уже помбуром. В Назино появилась дочка Галя, опять же сразу по приезду. Десять лет Мария Гавриловна сидела дома, воспитывала детей.

В 1958 году Ивана Иосифовича как перспективного работника командировали на курсы бурильщиков в г. Черногорск Кемеровской области. В 1961 году направили на приток Кирьяса реку Пасол в деревню его детства Пасол (уже давно исчезнувшую с лица земли). Пасол приезжие поисковики переименовали в Ермаки. Иван Иосифович, как всякий коренной сибиряк, возмущался по поводу нового названия.

Работал в бригаде Г.И.Норкина, затем у С.Л.Малыгина. Сначала бурили скважину на Ермаковском Ёгане, затем на Баграсе.

Разведчики искали нефть и недалеко от Мегиона: за протокой Мегой чуть наискосок от посёлка стояла вышка, здесь тоже буррили скважину.

В бригаде с Черкашиным работали Чернышов, Костырев, Павлюченко, Сухушин и ещё совсем юный Коля Геничев. Работали вахтовым методом, в бригаде было несколько вахт.

Товарищи уважали Черкашина за трудолюбие, за знания и опыт работы. Многих молодых рабочих направляли к нему, специалисту высокого класса, набираться опыта. Был он первым наставником и у нынешнего главы администрации Нижневартовского района Б.С.Хохрякова Вот как вспоминает об этом Хохряков: «Свою профессию он знал досконально. Не терпел неточности и какой-либо небрежности в работе... На похвалу был скуп. Услышать из его уст слова благодарности, которые он буркнет («ладно, мол, хорошо ты это сделал, иди, делай дальше») — это всё равно, что орден получить. Но если ты что-то не так сделал или, не дай бог, натворил, то тут он в выражениях не стеснялся, получи от него по полной программе! Но главное, что в отношениях с людьми был чистой души человек. Честный, прямой, всегда готовый прийти на помощь... Он, к сожалению, уже умер, но такие люди всегда остаются в памяти...»

Был Иван Иосифович, как истинный сибиряк, широкоплечий, коренастый, с открытым крестьянским лицом. Имя Иван ему как нельзя лучше подходило. Отличался спокойным, уравновешенным характером. И в то же время был разговорчивый. Любил пошутить.

Очень любил Иван Иосифович сибирскую природу, на юг ездить не хотел, за всю жизнь был там дважды. Отдыхать выбирался с семьёй на Сухую протоку, где ставили палатку, ловили рыбу. Рыбалка была его страстью: как зимняя, так и летняя.

В 1964 году вся бригада из Пасола, и в том числе Черкашины, получила квартиры в Мегионе на улице Ленина. Тогда же Мария Гавриловна окончила курсы секретарей-машинисток, устроилась в Мегионскую среднюю школу делопроизводителем и секретарём-машинисткой. Сначала работала в том здании, что было построено возле старого кладбища, затем в деревянном одноэтажном в центре посёлка. В школе проработала 15 лет, вдали от кернов, нефтяных вышек, но не от забот и радостей своего Ивана.

«В 1966 году вахте Черкашина первой в Мегионской экспедиции присвоили звание «Ударник Коммунистического труда», портрет его самого долгие годы не сходил с Доски почёта.

В 1977 году Иван Иосифович окончил курсы машинистов технологических насосов. В 1978 году перевёлся оператором по

добыче нефти и газа в НГДУ. Однако долго работать ему не пришлось. Вскоре заболел. В 1981 году уволился по состоянию здоровья. В 1983 году, незадолго до смерти, получил вторую группу инвалидности. Мария Гавриловна за два года до ухода на пенсию устроилась стрелком военизированной охраны в НГДУ «Мегионнефть».

Ныне нефтяную династию Черкашиных продолжает сын Валерий, уже более 30 лет работающий оператором в НГДУ «Мегионнефть». Его труд отмечен медалями «Герой труда» и «За освоение недр Западной Сибири». Оба его сына также операторы по добыче нефти в НГДУ.

Елена Львова

Не делал я ничего героического...

— Да зачем про меня писать?! — звучит удивленный голос в телефонной трубке. — Я и рассказать-то ничего не могу. Литературного дара у меня нет. Всего и делал в своей жизни, что честно и добросовестно работал.

С трудом удалось мне уговорить Владимира Константиновича Суркова поделиться своими воспоминаниями о поре, когда он, молодой паренек, приехал на Север, и тех нелегких годах, когда проходило становление его как настоящего мастера своего дела.

...5 марта 1959 года приземлился, вернее, сел на лед Оби самолет Ан-2. На нем прилетел работать в Нижневартовскую партию глубокого бурения молодой паренек Владимир Сурков. Что позвало его на Север? Никаких романтических мотивов в его поступке не было. Просто в небольшом селе Томской области не было работы. Вот юноша и поддался на уговоры геолога Семенова, прилетевшего однажды в Кыргызок.

Впрочем, предоставим слово самому Владимиру Константиновичу:

— Приходилось, конечно, непросто. Но тогда никому не было легко. Нижневартовск был небольшим селом, в окрестностях которого активно велась геологоразведка, которая долго была безрезультатной. Самым ярким и памятным днем для меня навсегда остался тот, когда Баграс дал первый фонтан. Вот как я узнал об этом событии: мы в Нижневартовске вечером в местный клуб ходили, вернее, в барак, под клуб приспособленный. С нами, молодыми парнями, в бильярд играл главный механик Василий Сергеевич Васятин. Где-то часов в одиннадцать вечера приехала с Баграса «вахтовка», парни в клуб заскочили и давай кричать: «Мужики! Нефть пошла!» Мы целовались, обнимались, праздновали

так, как когда-то отцы наши — День Победы. А этот день стал для нас победой. Только не над врагом, а над природой, упорно не желавшей открывать нам свои тайны и сокровища. А Васятин сказал тогда фразу, оказавшуюся впоследствии пророческой: «Ну, теперь не дадут заглохнуть Северу! Всего сюда навезут». Ну вот, — смеется Владимир Константинович, показывая на окно, за которым открывается вид на современный Мегион. — И правда, навезли техники, люди приехали, и два таких города выстроили — и наш, и Нижневартовск, что любо-дорого посмотреть!

Почти 42 года отдал Владимир Константинович геологии. Почти все эти годы числился слесарем в механическом цехе. Вот только работать приходилось там и тем, кто больше всего был нужен родному предприятию: и токарем, и фрезеровщиком, и кузнецом, и стропальщиком, и даже помощником капитана на катере «Ярославец». Из «Мегионнефтегазгеологии» и на пенсию уходил.

Вместе с родным предприятием пережил все периоды: и расцвет геологии, и ее упадок, и начало возрождения. Хотя неоднократно приглашали мастера, о золотых руках которого шла молва по всему городу, на самые разные предприятия. Но не ушел, не смог оставить в трудную минуту.

— Когда первая скважина дала нефть, — продолжает Сурков, — решено было перевести Нижневартовскую партию в Мегион. Наши механические мастерские базировались на Баграсе, поближе к месторождению. Только в начале зимы перевезли людей в Мегион. Начальник партии Высочинский дал распоряжение: наши бараки в Нижневартовске разобрать, на барже перевезти, а здесь уже по новой собрать. Все приходилось делать самим, а пока, суть да дело — жили в палатках. И вот что странно — не пугали нас ни бытовые трудности, ни первые морозы, а между тобой и улицей — лишь тонкое полотнище.

С видимой неохотой рассказывает о себе Владимир Константинович, все старается перевести разговор на людей, с которыми довелось работать. Но лучше любых слов говорят о мастере золотые руки государственные награды, по праву украшающие его грудь: медали «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», «Ветеран труда», «300 лет геологии», а также орден «Знак Почета».

Елена Усанова

Наша жизнь очень красиво прошла...

В год 35-летнего юбилея Мегионской нефти на страницах городских газет и в эфире местных телестудий большое внима-

ние уделяется тем, кто сделал все возможное и невозможное для того, чтобы мы сейчас отмечаем этот праздник, ветеранам, положившим начало освоению Западной Сибири.

К числу таких людей относится и Александр Иванович Антушев, для которого 1999 год значимый не только в связи с 35-летним юбилеем Мегионской нефти, но и потому, что в 1964 году, то есть ровно 35 лет назад, он приехал в Мегион. С этого времени и вплоть до ухода в 1990 году на пенсию Александр Иванович работал бульдозеристом, управлял машиной, незаменимой при освоении любой территории.

— Со своим бульдозером, — рассказывает Александр Иванович, — я прошел Ватинское, Покурское, Аганское и Мыхпайское месторождения. Помогал оптимизм нам и нефтяникам работать в самых труднодоступных местах. Делал причал для первых нефтеналивных барж, принимал участие в отсыпке полотна железной дороги Сургут—Нижневартовск.

И вообще, как в городе, так и на месторождениях немало объектов, о которых Александр Иванович может сказать: «площадки для них делали мы с моим бульдозером». Кстати, бульдозеристы (в числе которых был и мой собеседник) готовили аэродром для самолетов АН-2, когда в 1965—1966 гг. руководством нашего государства было принято решение задействовать военных летчиков в завозе на Север различного оборудования.

— Небо над Мегионом «гудело» день и ночь, — вспоминает А.И.Антушев. — Везли трубы, экскаваторы, продукты — все, что здесь было крайне необходимо. Нам тогда говорили: «нефть — это политика, нефть — это благополучие государства и его граждан», и мы в это верили. А потому работали, не думая о наградах и материальных благах, за славой не гнались. Знали, что приносим реальную пользу своей стране.

С особой теплотой вспоминает Александр Иванович (как впрочем и все, кто на Севере больше двадцати лет) о единстве, сплоченности, с которыми здесь жили и работали в первые годы освоения нашего края.

— Если была нужна срочная помощь нефтяникам (хотя наша автотранспортная контора тогда еще не была в их подчинении), шел работать в любое время суток. И не думайте, что я один был такой — подавляющее большинство всех, кто жил здесь в те годы, знали, что без взаимовыручки выполнить поставленную перед нами задачу в таких тяжелых климатических условиях было бы невозможно. Так же помогали друг другу и в быту. К сожалению, сейчас у северян появились своекорыстные какое-то, недоверие. И хотя причины этого всем известны, думаю, от качеств, которыми обладали первопроходцы, нынешним нефтяникам отказываться не стоит.

«Техника без людей мертва, но люди, овладевшие техникой, способны творить чудеса». Эти слова И. Сталина, которые процитировал А. И. Антушев практически в самом начале нашего разговора, как нельзя лучше отражают суть работы всех, кто осваивал северный край. Климатические условия у нас таковы, что от работоспособности техники зависят не только экономические показатели предприятия, но и жизнь людей. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что Александр Иванович говорит о своем бульдозере не как о железной машине, а как о верном напарнике.

— Бульдозер свой я «ласточкой» звал, — вспоминает Александр Иванович. — Помните стихи «с ним и солнце краше, и весна милее»? — Так и для меня мой бульдозер был и другом, и помощником. Не раз возникали ситуации, когда я находился на грани гибели. А в живых остался только благодаря надежности своей «ласточки». Правда и заботиться о технике надо так, чтобы в дороге не подвела и на морозе не заглохла. Потому и готовить к зиме ее надо тщательно, иначе и работу не выполнишь, и сам сгинешь. Технику любить надо, только в этом случае она помощник, а не обуза.

Нефть все спишет

О чем с горечью вспоминает ветеран? О бесхозяйственности, нерадивом, потребительском отношении некоторых руководителей и рабочих к оборудованию и природным богатствам нашего края.

— Я считаю, — говорит с болью ветеран, — что многое в этом отношении зависело тогда от руководителей, некоторые из которых в погоне за прибылью, за притоком нефти не жалели ничего. «Нефть все спишет» — тогда для них это было оправданием за загубленную из-за халатности и равнодушия технику и, что особенно горько, гибель людей. Ведь, чего греха таить, в погоне за лишней тонной нефти тогда ни с чем не считались. Мне как представителю народного контроля приходилось частенько выступать по этому поводу на партийных собраниях, доказывать, что можно работать так, чтобы и утку не спугнуть, и озеро не замутить. Конечно, проложить дороги, построить город, обустроить месторождения, не вырубив лес и не осушив болот, было невозможно. Но честно признаюсь, губить тайгу было очень тяжело. Особенно жалел я сосны. Стоят они — ровные, стройные, как красивые девушки. Так я каждый раз, перед тем как рубить, подходил к ним, гладил, разговаривал и просил прощения.

Скажете, излишний романтизм и сентиментальность? Не могу с этим согласиться. Это нормальное отношение человека к тому, что существует с ним рядом на одной земле. Кстати, у коренных

народов Севера до сих сохранилось подобное отношение ко всему живому.

А то, что Александр Иванович романтик, вполне объяснимо. Он был и остается в душе художником: в детстве рисовал (к сожалению, условий для получения специального образования не было), потом всерьез увлекся фотографией, причем его любимый жанр — пейзажи. Кроме того, Антушев, благодаря своему увлечению, смог собрать интереснейший фотоархив о различных этапах развития предприятий и подразделений «Мегионнефтегаза». Несколько фотографий Александра Ивановича послужили иллюстрациями и для этой публикации.

— Я в партии с 1971 года, — говорит А.И. Антушев. — И коммунист до сих пор. Вопреки бытующему сейчас мнению о том, что в КПСС вступали только для того, чтобы получать какие-то льготы, скажу — единственной привилегией, которой я пользовался, была обязанность работать с большей отдачей, поскольку с нас, как на фронте, был спрос особый, и это не просто громкие слова. Несмотря на трудности, которые у нас были, я считаю, что наша жизнь очень красиво прошла, в таком накале, рвении сделать ее лучше, уверенности в том, что каждый вносит пусть маленький, но свой вклад в успехи нашей родины, нашего коллектива — мы действительно этим гордимся. Может быть, это и звучит излишне красиво, но тогдашней действительности соответствовало.

Если бы мне помолодеть, я бы прежде всего вернулся опять за свой бульдозер — очень хочется поработать. В своем коллективе легче дышится, живется, забываешь обо всех трудностях, невзгодах, болезнях и не так стареешь...

Разговор наш продолжался еще очень долго. Антушев вспоминал молодость, друзей, показывал фотографии. А я, слушая его, с сожалением думала, что мало кто из моих ровесников, вспоминая свои прожитые годы, также сможет сказать: «моя жизнь прошла красиво».

Нина Купальцева

Бондарь из рода Вълчевых

Мегионские геологи-«шестидесятники» хорошо помнят одного из старейших работников, внесшего большой вклад в дело открытия нефтяных богатств Тюменского края, — геодезиста Афанасия Дмитриевича Бондаря.

Почти сорок лет он принимал самое активное участие в открытии газовых и нефтяных месторождений Западной Сибири. Работал геодезистом в сейсмических, гравиметрических и элект-

роразведочных партиях. Весёлый, жизнелюбивый человек, честный и надёжный друг, ответственный и исполнительный работник — таким его запомнили коллеги-геологи.

...Афанасию Дмитриевичу Бондарю не раз говорили, что внешне он похож на цыгана: такой же смуглый, с копной тёмных кудрей... Но не цыганская кровь текла в его жилах, а болгарская и, возможно, турецкая: история рода Бондарей уходит своими корнями в глубокую старину, и Афанасий Дмитриевич хорошо её знал.

Дед его по отцу, Иван Ильич Вълчев, был долгожителем: родился он за два года до смерти Пушкина и прожил сто шесть лет! Жил он в селе Табаки Дунайской губернии и был прекрасным виноградарем и известным в округе бондарем.

Вино собственного приготовления разливал в бочки, которые тоже мастерил своими руками. Вино получалось отменное. На выставке-дегустации в Санкт-Петербурге его вкус оценили и удостоили медали, которая, однако, была выписана не Вълчеву, а ... Бондарю. С тех пор стал Иван Ильич и потомки его Бондарями.

Другой дед, по матери, — Александр Петрович Турчен — был мусульманином, но позже перешёл в христианство и, более того, выучился в Санкт-Петербурге на священника. В Табаки семья Александра Петровича переехала во время февральской революции 1917 года. А вскоре 28-летний болгарин Дмитрий Иванович Бондарь женился на Екатерине Александровне Турчен, выкрав её из отчего дома.

Семья у молодых Бондарей получилась большая: мать с отцом да восемь деток — пять сестёр и три брата. Один из братьев, Афанасий, после школы окончил Киевское топографическое училище, работал в Молдавской геофизической экспедиции нивелировщиком, а в 1952 году судьба забросила его на север Западной Сибири, в Берёзово. В Тюменской геофизике Афанасий Дмитриевич начинал топографом (или, как он шутил, — «топиком»). В первые же годы работы на Севере Афанасий Дмитриевич испытал на себе все «прелести» и «романтику» сурового необжитого края, когда жильём для первопроходцев служила палатка, а единственным «средством передвижения» были ноги. Но молодой энергичный топограф не испугался трудностей, и вскоре прочно вошёл в коллектив Тюменских нефтеразведчиков, заслужив искреннее уважение тех, с кем трудился бок о бок.

«Если с Бондарем выезжаешь на выдачу проектных скважин на местности, трассировку дорог для перетаскивания буровых станков, то можешь быть спокойным и уверенным, что работа будет выполнена в кратчайший срок и качественно», — говорили о нём, добавляя, что с таким, как Афанасий Дмитриевич, «мож-

но и в разведку идти — не страшно». В тайге и среди болот он ориентировался так же свободно, как в собственном доме.

— Безошибочно находил дорогу среди ночи. Бывало, глаза к небу поднимет, поглядит на звёзды, пошепчет что-то себе под нос — и вперёд, — вспоминает бывший водитель МНРЭ и ныне ветеран геологии Николай Яковлевич Гусачий. — Дорожники, которые по его вехам шли, в шутку его Сусаниным называли...

А некоторые шутили, что с Бондарем работать не только приятно, но и полезно для здоровья, потому что, когда приходилось ночевать в лесу, он обязательно занимался приготовлением ужина. Готовил он великолепно, особенно национальные молдавские блюда из мяса... Но помимо всего этот жизнерадостный, неутомимый, приятный в общении человек обладал феноменальной памятью: он знал шестнадцать языков и, по словам его сына Радимира Афанасьевича, никогда не вёл рабочих записей, поскольку координаты всех точек на карте держал в памяти.

— Он прекрасно разбирался в геологических и сейсмических съёмках. Задача топографа заключалась в отбивке точки для буровой. Так он всегда очень скрупулезно сопоставлял геологическую карту с топографическими данными. В такие моменты мы шутили, что Афанасий Дмитриевич «колдует», — вспоминает Антонида Михайловна Белоглазова, первая женщина-геолог, получившая в 1983 году Орден Трудового Красного Знамени за открытие Самотлора.

На уникальном Самотлоре так же, как и на большинстве месторождений, открытых Мегионской экспедицией после середины 60-х годов, скважины на местности выдавались А.Д.Бондарем.

Афанасий Дмитриевич приехал в Мегион в 1964 году: перешёл в МНРЭ из Нарыкарской нефтеразведочной экспедиции, где он работал старшим топографом. Именно тогда в Мегионской экспедиции началась подготовка к геологоразведочным работам на Самотлорской площади. Афанасий Дмитриевич, будучи старшим инженером-топографом МНРЭ, принимал в этом непосредственное участие. По отработанной методике поисково-разведочных работ первую скважину Р-1 предстояло закладывать и бурить в самом центре Самотлорской структуры.

Однако геологам, побывавшим на месте предполагаемого бурения во второй половине ноября 1964 года, стало ясно, что буровую там строить нельзя. После долгих поисков выбрали точку между озёрами — огромным Самотлором и небольшим безымянным озерком.

О том, как «отбивали точку» на Самотлорском месторождении, писал в своих воспоминаниях начальник Мегионской экспедиции В.А.Абазаров.

«Выбрав точку на местности, я вылетел во второй половине ноября на вертолете МИ-4, — вспоминал Владимир Алексеевич. — Вместе со мной были Модест Федорович Синюткин, главный геолог экспедиции, Василий Сергеевич Васякин, начальник ВМЦ, Афанасий Дмитриевич Бондарь, старший топограф экспедиции, Генрих Павлович Худорожков, начальник геологического отдела, Александр Кузяков, бригадир вышкомонтажной бригады, которой предстояло строить новую буровую.

Высадившись на озере в глубокий, до пояса снег, мы с трудом добрались до намеченного места. Убедившись, что там буровую ставить нельзя, перешли на берег небольшого безымянного озера, что рядом с озером Самотлор, и выдали точку возле красивого небольшого бора из кедров и сосен».

А после Самотлора были другие выданные А.Д.Бондарем точки на карте, которые в реальности оказывались теми самыми «золотыми ключиками» к потайным дверцам кладовых, хранящих богатство Среднего Приобья. И о том, чтобы уехать отсюда куда-нибудь, где климат «помягче», не могло быть и речи: прикипела душа к Северу, где столько дорог пройдено... На юг Афанасий Дмитриевич был согласен только в отпуск ездить. За хорошую работу премировали А.Д.Бондаря в 70-х годах заграничной путевкой в Болгарию, дали соответствующую рекомендацию (сам по себе факт забавный: болгарина рекомендуют отправить в Болгарию в качестве туриста). Характеристика подписана, как полагалась в то время, партгором (А.Д.Бондарь был коммунистом), председателями профкома, месткома, райкома...

Впрочем, за многолетний (около сорока лет) добросовестный труд в условиях Севера поощрений и наград у Афанасия Дмитриевича набралось немало: и почётные грамоты, и денежные премии... В 1982 году его имя было занесено в Книгу Почёта Мегионской НРЭ, в которой он проработал в общей сложности восемнадцать лет. А в 1996 году А.Д.Бондарю присвоено звание «Ветеран труда».

За активное участие в открытии газовых и нефтяных месторождений Тюменской области Афанасий Дмитриевич Бондарь был награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Первооткрывателю Самотлора»... (Его награды переданы сыном Радимиром Афанасьевичем Бондарем в дар Мегионскому краеведческому музею).

Своё личное счастье Афанасий Дмитриевич тоже на Севере нашёл. Ещё в Берёзово он познакомился со своей будущей супругой Лидией Николаевной (в девичестве Смирновой): она, ко-

ренная ленинградка, попала в Тюменскую область по распределению по окончании педучилища и в то время работала в селе учителем начальных классов.

Сегодня Афанасия Дмитриевича и Лидии Николаевны уже нет в живых, но род Бондарей продолжают дети и внуки.

Нина Купальцева

В геологической «копилке» — более трёхсот месторождений

В семье Натальи Васильевны и Михаила Ивановича Глумовых, у которых было четверо детей, Антонида была «последышем» — поздним ребёнком. К моменту её появления на свет старшие братья были уже женаты.

Когда Антонида окончила среднюю школу, отец сказал, что учить её в институте накладно, ему такую «ношу» не потянуть, и предложил подыскать учебное заведение «попроще», где можно выучиться побыстрее. Антонида выбрала нефтяной техникум, куда принимали на базе десяти классов и где учиться нужно не пять лет, как в институте, а два с половиной года. Техникум находился в Перми. В летнее время добраться туда можно было только по Каме, на «Ракете» (на дорогу уходило четыре часа), а зимой вообще никакого транспорта не было. В Перми сначала жила у родственников, а потом перебралась в общежитие.

По окончании техникума в 1955 году Антонида получила специальность геолога-разведчика нефтяных и газовых месторождений. Ей дали направление в Новосибирский геофизический трест, где она проработала восемь месяцев, обрабатывая геофизические материалы, а потом напросилась в экспедицию: ей хотелось настоящей, не «бумажной» работы. Молодого специалиста направили в распоряжение Колпашевской геофизической экспедиции. Так Антонида оказалась сначала в Нарыме, затем в Пудино, где бурилась первая опорная скважина.

Начальником геофизического отряда в Пудино в 1956 году был Константин Терсков, тогда ещё совсем молодой человек, как, впрочем, и его подчиненные. В отряде, кроме начальника, работали три оператора.

— Помню комсомольские субботники в пудинской разведке, — рассказывает Антонида Михайловна. — Отправили нас на три дня в Тавангу лес рубить для фермы. Мы были девчонки молоденькие, на энтузиазме всё это перенесли. А спустя три дня вызывают нас в райком комсомола и начинают проводить беседу: вы, дескать, побывали в заброшенном колхозе, который надо поднимать. Вы комсомолки, поэтому должны это делать: уволь-

няйтесь из геологоразведки и идите в колхоз доярками, иначе вас исключат из комсомола. Вот так всё строго было...

Но идти в доярки молодые специалисты-геологи не собирались, поэтому в ответ на указание они предложили первому секретарю райкома комсомола поехать в заброшенный колхоз вместе с ними. Тот, конечно, отказался, и на этом «колхозный вопрос» был исчерпан...

В «пудинский» период своей жизни Антонида познакомилась с помбуром Леонтием Белоглазовым, который через некоторое время стал её мужем.

А вскоре геофизические работы и съёмки в Пудино были свёрнуты, поскольку для дальнейшего бурения геологических данных было маловато, а экспедицию в 1958 году перебросили на Пимскую площадь в Сургутский район.

На новое место Антонида Белоглазова приехала с младенцем на руках: сыну Володе исполнилось всего три месяца. С мужем не расставались: Антонида с ребёнком всегда были рядом с ним на буровой. В вахтовом бараке муж отгородил местечко в четыре квадратных метра, установил там электроплитку... Питались вместе с вахтовиками в столовой, а если приходилось «передислоцироваться», то среди вещей не было ничего громоздкого — один чемодан да детская ванночка. Правда, когда Антонида вышла на работу, пришлось обращаться за помощью к свекрови и оставлять маленького сына под её присмотром.

В годы работы на Пимской площади Антонида работала вместе с геологом Валентиной Ветровой, женой начальника Пимского участка Михаила Ветрова. Вот что напишет о ней подруга в своих воспоминаниях:

«Полюбили разведчики и Антонину Белоглазову — оператора. Беспокойная молодая женщина шла туда, где не всегда было под силу и мужчине.

Помню, меня и Антонину послали на одну буровую. Довелось лететь на самолете, ехать на машине зимой, пробираться пешком. Наконец, добрались до буровой, но там оборудование было неисправно, пришлось ленивых помощников прогнать и самой ремонтировать технику и приборы. А время идет. Буровики ворчат:

— Опять из-за вас простой!

А мы уже устали — целый день на ногах.

— Давай, Валя, — говорит Антонина, — отдежурим ещё смелу.

Другого выхода не было. Ну и пришлось работать ещё. Наконец, исследования закончены. Видим — смягчились буровики: заботливо накормили нас, дали возможность выспаться и отпра-

вили домой. Теперь женщин в разведке уважают — завоевали авторитет. Полноправные разведчицы».

После Сургута в биографии Антонида Михайловны были Нижневартовск, Локосово, Баграс...

— Мы жили на Баграсе, а бурили Ермаковскую скважину. В то время Мегионское месторождение ещё не было открыто, была только найдена геологическая структура. Чтобы проверить, насколько она перспективна, бурилась одна скважина, — рассказывает Антонида Михайловна. — Когда мы узнали о первой нефти, для меня это не было новостью, потому что все геологические данные были известны, и мы знали, что нефть будет обязательно. А вот как её будут эксплуатировать, куда отправлять, каковы будут в дальнейшем объёмы работ — не представляли. А в том, что будет фонтан, не сомневались. Самое главное, что признаки нефти появились, а это гарантия, что должен быть хороший нефтяной пласт.

За период работы в геологии на счету Антонида Михайловны Белоглазовой участие в открытии более трёхсот месторождений. Как первая женщина-геолог, участвовавшая в открытии легендарного Самоглора, за успешное выполнение заданий десятой пятилетки Антонида Михайловна была награждена в 1981 году орденом Трудового Красного Знамени. А за десять лет до этого, в 1976 году, она была отмечена знаком «Отличник разведки недр» (сейчас эта её награда хранится в Государственном музее Великой Октябрьской социалистической революции в Санкт-Петербурге).

— Каждое открытое месторождение было для меня знаменательным событием, — говорит Антонида Михайловна. — Я десять лет работала на буровых, и только после того, как образовалось объединение «Мегионнефтегазгеология», Генрих Павлович Худорожков взял меня в геологический отдел. Тогда я перестала ездить на месторождения, а работала с бумагами: обрабатывала геологические материалы, которые присылали нам геофизики. В то время в состав производственного объединения «Мегионнефтегазгеология» входили четыре экспедиции: Мегионская, Восточно-Мегионская, Аганская и Вахская. У каждой экспедиции был свой геолог-куратор. Я курировала Вахскую экспедицию, Джемма Михайловна Гаврикова — Мегионскую, Надежда Викторовна Бочкарёва — Восточно-Мегионскую, Аганскую — Валерий Николаевич Доманюк. Начальником отдела был Виктор Иванович Бутусов.

Антонида Михайловна очень хорошо отзывается о людях, с которыми вместе работала. Вспоминая Владимира Алексеевича Абазарова, Антонида Михайловна рассказывает об одном из бытовых эпизодов мегионской жизни, который ее очень впечатлил.

— Когда мы приехали сюда в 1962 году, жить было негде, — рассказывает она. — На берегу стояли балки. А нам выделили половину вагончика, где мы жили вчетвером: я с мужем и ребёнком и свекровь, которая приехала к нам в гости и привезла нашего сына. В тесном вагончике не было удобств, и к тому же зимой он промерзал насквозь. Мы там ютились уже года три, когда на улице Космонавтов (сейчас её нет, а тогда на этой улице был магазин «Солнышко») начали строить щитовые двухквартирные домики. Один из этих домов, мы знали, предназначался для заместителей начальника экспедиции Абазарова. Жить в таком доме было пределом мечтаний. Мы ходили туда, как на экскурсию, смотрели: две комнаты — большой зал, прихожая и маленькая комната, — полы и рамы покрашенные, подпол для продуктов вырыт... В то время, в 1965 году, это были квартиры «люкс». И вдруг вызывает нас Владимир Алексеевич Абазаров, у него в кабинете находится председатель профкома Николай Дмитриевич Гузь, и они сообщают, что квартиру, приготовленную для зама по строительству (я уже не помню его фамилию) отдают нам. Мне показалось в первый момент, что я чего-то не понимаю: мы насчёт жилья ни к кому не ходили, не просили, и вдруг такое счастье свалилось... Уже в этой благоустроенной квартире в 1970 году у нас родился сын Юра. Ему повезло: он не испытал всех бытовых неудобств и мытарств, что выпали на долю старшего сына. Потом нам дали квартиру на улице 50 лет Октября, тоже благоустроенную, а в 1981 году, когда руководителем ПО «Мегионнефтегазгеология» был Валентин Андреевич Гавриков, — получили квартиру в новой пятиэтажке по улице Сугормина.

С Джеммой Михайловной и Валентином Андреевичем Гавриковыми Белоглазовы были дружны. У Антонида Михайловны особое отношение к этой супружеской паре. Рассказывая о них, говорит, что оба были не просто хорошими специалистами, но и добрыми, отзывчивыми людьми. Она до сих пор хранит письма Джеммы Михайловны, с которой, после переезда Гавриковых в Новосибирск, долго переписывалась.

Тёплые воспоминания остались у неё о главном геологе Модесте Фёдоровиче Синюткине, топографе Афанасии Дмитриевиче Бондаре, инженере Борисе Сергеевиче Хохрякове.

— Афанасий Дмитриевич прекрасно разбирался в геологических и сейсмических съёмках. Задача топографа заключалась в отбивке точки для буровой. Так он всегда очень скрупулезно сопоставлял геологическую карту с топографическими данными. В такие моменты мы шутили, что Афанасий Дмитриевич «колдует», — вспоминает Антонида Михайловна.— Классным специалистом был Бо-

рис Сергеевич Хохряков. Стоящий инженер. Очень сдержанный в разговоре с начальством и с рабочими: никогда не повысит голос, не скажет грубого слова. Эта черта мне в нем очень нравилась. И сейчас, когда вижу его по телевидению, замечаю, что эта сдержанность до сих пор у него сохранилась, даже интонации те же...

...Сегодня Антонида Михайловна Белоглазова живет в посёлке Мазалово Томской области, куда они с мужем переехали после ухода на пенсию, и занимается уже не геологическими расчётами, а выращиванием цветов на даче. И это занятие ей тоже очень нравится.

Нина Купальцева

«Нас называли «танкистами»...»

Вспоминая о своем послевоенном детстве, Николай Яковлевич Гусячий говорит: «Спасибо матери с отцом за то, что к труду меня приучили». Его родители — Евдокия Тихоновна и Яков Кузьмич Гусячие — сами всю жизнь трудились, не покладая рук. Отец плотничал в колхозе, мать выполняла разную работу, которой в сельском хозяйстве предостаточно. Помимо Николая, в семье было ещё двое детей — старшая дочь и младший сын.

— На то, что получали в колхозе родители — по пятьдесят граммов отходов на трудодни — прожить было нельзя. Такого хлеба, какой мы ели, наверное, и в блокадном Ленинграде не было. Мама, когда его пекла, добавляла туда и картошки, и тыквы — всё, что можно, лишь бы побольше да посытнее... Она понимала, что надо выжить. Поэтому жили, в основном, тем, что получали со своего огорода, — рассказывает Николай Яковлевич. — У матери все руки работой разбиты были. Я чуть подрос, стал помогать...

Школа, в которой он учился, находилась в районном центре, ходить надо было пешком за три километра каждый день. По окончании десятилетки устроился на сахарный завод, но работать там было неинтересно, к тому же ночные смены, летом пыль, жара... Разгружать вагоны оказалось веселее: заработок больше, работа — до вечера, остается время и на кино, и на прогулки с друзьями.

В армию Николая не взяли по состоянию здоровья: в детстве перенёс он операцию на правой голени.

Однако это не помешало ему окончить курсы водителей в Киеве. А в 1959-м, во время хлебоуборочной страды, отправили его в Казахстан, на целину.

— Там я впервые увидел настоящий хлеб, земля была усыпана метровым слоем отборного зерна, горы пшеницы... Урожай

был богатый, но зерно «горело», портилось: складов и зернохранилищ не было, половина собранного урожая пропала, — рассказывает Н.Гусячий. — Потом я устроился в Кустанае рабочим в геофизическую партию от Тургайской экспедиции, которая искала в казахских степях воду. Работать очень нравилось. Весь Казахстан на машинах объездили, жили в палатках...

А за месяц до нового набора Николая в числе других сократили. В поисках работы Гусячий и ещё двое его приятелей доехали до Тюмени: «В Челябинске нам не понравилось: заводы, дым, копоть. В Свердловске то же самое. А в Тюмени у нас уже и деньги кончились. Вдруг видим, висит объявление о том, что требуются люди для работы в нефтеразведочной экспедиции на Севере. Билеты оплачиваются. Мы обрадовались: едем!»

Так Николай Гусячий оказался в Октябрьском районе Тюменской области. Начал работать механиком-водителем в Шеркалинской партии глубокого бурения Нарыкарской экспедиции.

После казахских степей, где за триста верст воды не напьёшься (кругом только песок), — Сибирь показалась Николаю райскими кущами: её величественная красота, таёжные кедры-великаны, многоводные реки, в которых полно рыбы — всё это приводило в восторг украинского паренька. А главное, работы — море, техники столько, что глаза разбегаются...

...Так случилось, что в самом начале его работы в экспедиции в Оби утонул трактор: из трёх человек, находившихся в нём, спастись удалось лишь одному. Когда получили новую машину, садиться на неё никто не хотел — боялись. А людей не хватало. Механик вызвал к себе Гусячего и сказал: «Принимай машину, Коля. Больше никому». В то время Николаю было чуть больше двадцати лет, и среди водителей он был самый молодой.

— Сейчас вспоминаю — и страшно становится: как мы рисковали! — качает головой Николай Яковлевич. — Когда в Нарыкарской экспедиции работал, приходилось на вездеходе через реку переезжать по льду, толщина которого 20—30 сантиметров, а под ним глубина в 2—3 метра... Я всегда крышку люка открывал, чтобы, в случае чего, можно было выскочить. Вездеход — он сразу не тонет, сначала на бок заваливается, поэтому всегда есть запас времени, чтобы выбраться. На колёсной технике страшнее, там, если дверцу заклинит, можно и не успеть. И нож большой всегда с собой возил, чтобы брезентовый кузов вспороть при необходимости — мало ли что... Но как-то без приключений обошлось.

В Нарыкарской экспедиции Гусячий проработал два года, а когда её расформировали, подался в Мегион, где в то время шёл набор в только что созданную Мегионскую экспедицию.

В Мегион он приехал 25 мая 1962 года после семисуточного путешествия пароходом от Тюмени. Его жизнь здесь началась с палатки на берегу Меги.

При оформлении на работу исполняющий обязанности начальника экспедиции Селиванов ему сказал, что сейчас начнут приходить баржи с техникой, надо помочь разгружать, зато потом машину получит в первую очередь. Не обманул Борис Михайлович. Всё лето Николай вместе с другими такелажниками разгружал баржи, а осенью получил новый вездеход.

— Заработки здесь были неплохие, но работали мы, как черти. Дома почти не жил, квартирой была мне кабина. Не поверите, если скажу, что с первого сентября и до первого мая работали без выходных. А возить людей надо было в шесть утра, в четыре, в двенадцать ночи... — рассказывает Николай Яковлевич. — Бывает, вздремнул в кабине и дальше. Новый год встретил — и на работу. Дома полчаса проспал — и уже в окошко стучат: вставай, поехали. Зато нам давали платные отгулы. Я каждое лето уезжал в отпуск на Украину на 4–5 месяцев, а однажды полгода гулял. Друзья мои там удивлялись, что это за организация такая, где отпуска по полгода. У них-то 12–18 дней на отдых давали...

Среди тех, с кем Гусячий работал бок о бок, — водители Николай Христенко (он один из первых получил машину в Мегионской экспедиции), Владимир Дождёв, Алексей Дроздов, Василий Пузиков, Юрий Катаев... «Мы все работали на гусеничной технике, были в одной колонне. Нас «танкистами» называют», — говорит Николай Яковлевич.

Н.Я.Гусячий был в числе тех, кто прокладывал дорогу к первой точке на Самотлоре в 1964 году, через Мых-Пай доставлял туда грузы и вахту, в том числе возил и людей из бригады Г.Норкина, которые бурили Самотлорскую скважину Р-1... О Григории Ивановиче Норкине он отзывался с большим уважением.

— С Норкиным мне и чай пить у него дома доводилось. Тогда всё просто было: к любому хоть в три часа ночи можно было заехать, тебя и напоят, и накормят... Неправда, что Норкин был замкнутым человеком. Не болтун, конечно, чтобы анекдоты рассказывать. Он человек военный был, справедливый. Мужики его уважали и слушались. Сейчас таких людей, как Норкин, уже нет, — уверен Николай Яковлевич.

Наряду с Норкиным одним из самых замечательных людей он считает Валентина Андреевича Гаврикова и жалеет, что тот ушел из жизни слишком рано. Именно Гавриков, будучи начальником Мегионской экспедиции, обеспечил их семью хорошей квартирой, в которой Гусячие живут уже три десятка лет.

...Со своей супругой, Галиной Ивановной, познакомился тоже здесь, в Мегионе, на танцах («А где еще познакомиться можно было?» — удивляется он вопросу). Сегодня у них четверо детей — три дочери и сын, который, по примеру отца, выбрал себе профессию водителя вездехода и тоже работает в геологии.

— Одно время, лет пять, мы с ним вместе работали, — когда Николай Яковлевич рассказывает о сыне, в его голосе проскальзывают нотки гордости и удовлетворения. — С ним мне легко было работать. А потом нам сказали: вы оба опытные водители, так что обучайте молодых... Что тут поделаешь?

В доме Гусячих никогда не бывает скучно: дети и шестеро внуков частые гости в их уютной трехкомнатной квартире.

Сегодня Николай Яковлевич вполне доволен своей жизнью. Говорит, что даже на Украину не тянет: «Туда ездить — только тоску нагонять!». В Краснодарском крае, где живет старшая дочь, ему климат не нравится: «Жару такую терпеть — чего хорошего? Уж лучше здесь, в Мегионе». Долгие и суровые сибирские зимы ему привычны. — У нас всего-то двенадцать месяцев в году зима, а всё остальное время — лето, — шутит он и удивляется, — да разве сейчас зимы холодные? Вот раньше действительно морозы были под пятьдесят-шестьдесят градусов. Без ватных штанов из дому не выходили. Если минус сорок — это считалось, что тепло. Удивительно, но за всю жизнь я ни гриппом, ни простудами при таких морозах не болел.

Он считает, что прожил очень яркую жизнь, где каждый день был по-своему интересен и неповторим именно потому, что работать приходилось в экстремальных условиях.

За значительный вклад в развитие топливно-энергетического комплекса Ханты-Мансийского автономного округа, за многолетний плодотворный труд Николай Яковлевич Гусячий был удостоен трудовых наград, среди которых он особенно дорожит медалями «Ветеран труда» и «Ветеран труда НГК «Славнефть». А в 2003 году, в связи с празднованием 50-летия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, губернатор ХМАО Александр Филлипенко лично вручил ветерану благодарственное письмо.

— Если бы была у меня ещё одна жизнь, — говорит Николай Яковлевич Гусячий, — я бы прожил её так же.

Нина Купальцева

Думал, на Самотлоре на тысячу лет нефти хватит...

У Валерия Иннокентьевича Мартемьянова, который участвовал в разведке и открытии Ермаковского, Ватинского, Мых-Пай-

ского, Самотлорского, Аганского, Варьёганского, Тагринского и других месторождений, награды такие же, как у многих геологов, которые в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов приехали в Среднее Приобье на поиски нефти: медали «За заслуги в разведке недр. В ознаменование 100-летия образования геологической службы», «Ветеран труда», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири»...

Да и жизнь его ничем не отличалась от жизни сверстников — детей военного поколения. Отец, Иннокентий Васильевич Мартемьянов, ушёл на фронт, мать, Антонида Степановна, осталась одна с пятерыми ребятишками, которые трудились в колхозе наравне со взрослыми. До войны Мартемьяновы всей семьей пасли овец. Впрочем, до армии Валерий где только ни работал: и в дорожном строительстве, и на лесозаготовках... В сибирском селе Алатаево, где он родился, подростки подрабатывали, сдавая государству шкурки убитых лис, горностаев, колонков, которых ловили капканами. Это была плановая работа, которая оплачивалась и поощрялась. В 1943 году, когда ему было всего тринадцать лет, он выполнил на четыреста процентов план по сдаче пушнины.

Когда он уходил в армию, за его плечами было всего три класса образования. С таким куцым «багажом знаний» в ШМАС — школу младших авиаспециалистов, где готовили бортмехаников, стрелков, радистов, — Валерия принимать не хотели. И только его упорство и заступничество замполита помогли Мартемьянову получить специальность механика зарядно-передвижной установки.

После службы в армии домой он не вернулся, поскольку добраться до родного села не позволила распутица. Доехал только до Томска, там же пришлось искать работу. По направлению военкомата стал фельдъегерем спецсвязи. Устроиться на такую должность, как и уволиться с неё, можно было только по решению из Москвы. Служба почти как у дикпурьера — повышенной секретности: документы доставлял лично в руки под роспись. Пока мотался по командировкам, карту местности выучил наизуток, знал каждую точку.

Впоследствии наличие военного билета и опыт работы в спецсвязи очень пригодились ему при устройстве в геологическую партию.

Когда погиб младший брат Дмитрий, который работал в Нарымской нефтеразведке, Валерий решил вернуться домой в Алатаево и занять его место, чтобы стать опорой для старых родителей. Желающих устроиться на работу к геологам было больше, чем надо — два человека на место. Но Валерия взяли: впечатлил его послужной список.

Нарымская нефтеразведка базировалась тогда в деревне Луговской. Там же, километрах в трёх от Алатаево, в Пайдоге, на берегу Кеги, стояла буровая— скважина № 3, на которую Валерий поначалу стал возить вахту, а через полгода устроился помощником дизелиста. Было это в 1957 году. Той же зимой приехал на буровую после института Василий Тихонович Подшибякин, который вскоре возглавил вновь образованную Нижневартовскую партию глубокого бурения. А в июле 1959 года бригаду Норкина, где работал Валерий Мартемьянов, в полном составе отправили на поиски нефти в Среднее Приобье. Среди первопроходцев тогда были Михаил Павлюченко, Александр Шерер, Николай Иванов, Геннадий Меджевский, Александр Власов, старший дизелист Пётр Кравчевский, бурильщик Василий Храмов, дизелист Фёдор Попов, помбур Иван Луговской, бурильщик Иван Сарапин — больше тридцати семей с домашним скарбом.

— Причалили к Нижневартовску, вышли, стоим на палубе самоходки «Парабель», — делится своими первыми впечатлениями Валерий Иннокентьевич. — На берегу нас встретил Подшибякин в надвинутой на глаза кепке. «Что, — кричит — переселенцы, догнали меня? Ну, здесь переночуете и поедете дальше, в Мегион. Я вас отвезу». Нижневартовск нам не понравился, необустроенный какой-то, ряд балков на берегу... А Подшибякин смеётся: «А что вам не нравится? Вон там в балке магазин, там — столовая, тут рядом — сейсмопартия... Всё отсюда начинаться будет». На следующее утро Подшибякин отвёз нас в Мегион, пообещал навещать, а мы принялись обустраиваться.

Но обжиться на новом месте не довелось: в августе приехал А.Г.Быстрицкий из главка и велел грузиться. На сей раз их отправили в Орехово.

Только обжились там, как в августе вновь приезжает Александр Григорьевич Быстрицкий. Дело было вечером, мы кино смотрели, как вдруг загудела сирена, все сразу повыскакивали: значит, приехал кто-то. А Быстрицкий командует: «Так, товарищи, давайте собирайтесь, грузитесь, поедем на Кульёган...» А кто знает, где этот Кульёган? Но делать нечего, стали собираться. Баржи с оборудованием, насосом, тракторами... В одиннадцать вечера мы начали погрузку, а в пять утра уже выехали из Орехово.

...По большой воде, словно по океану, движутся эскадрой гружёные баржи. По берегам стражами стоят необъятные кедры-великаны, тучи комаров вокруг... И сердце сжимается: куда, в какую глушь занесло? Река Кульёган оказалась довольно узкой для их каравана. По крайней мере, так показалось Мартемьянову. Сейчас Валерий Иннокентьевич уже не может найти то

место, где высадили геологический десант. Помнит, что высадились у горы, разгрузились... Но и здесь обжиться не успели. Только барак для жилья построили, как снова среди ночи приехал Быстрицкий, опять всех собрал, объявил: сейсмопартия дала неправильные карты, надо ехать назад... Тут у людей терпение лопнуло.

— Тогда помбур Иван Луговской начал ругаться: «А мы-то чем виноваты?! Зима на носу, а мы без жилья, мотаемся туда-сюда! А у нас семьи, дети!». Их, Луговских, много ехало: Геннадий, Пётр, Максим, Лиля... — рассказывает Валерий Иннокентьевич.

У Мартемьянова тоже к тому времени была своя семья. С будущей женой Капитолиной он познакомился в Алатаево, где она, выпускница ветеринарного техникума, зоотехник, проходила практику. Когда мужа перевели в Нарым, Капитолина отправилась вслед за ним, и сейчас они ехали вместе с полугодовалым сынишкой в неизвестность и необустроенность. «Но Быстрицкий сказал: «Там дома есть, я вас всех устрою», — вспоминает Валерий Иннокентьевич. — Вот так и оказались мы в Ермаках».

Быстрицкий не обманул: в Ермаках, а точнее, в бывшем посёлке Пасоле в то время стояли пустые дома. Их-то и принялись заселять прибывшие. Но на всех домов не хватало, поэтому в первую очередь заселяли семьи с маленькими детьми, в том числе и семью Мартемьяновых. За распределением Быстрицкий следил лично, указывал, кому куда заселяться. Тем, кому квартир не досталось, было приказано разгружать баржи с брусом и строиться.

Наладив быт, принялись за основное — строительство буровой скважины № 11, на которую возлагали очень большие надежды.

— Ну, а при бурении начались проблемы, так что пришлось отзывать с Баграса Норкина. Салманов был уверен: одиннадцатая должна дать нефть, — рассказывает Валерий Иннокентьевич. — Однако из скважины шла только солёная вода. Прилетев в очередной раз, Салманов пришёл к выводу: каротажники неправильно сделали прострел. После этого вновь начались испытания, но что-то не получилось, поставили заглушку и забросили скважину. После этого мы пробурили 16-ю, 17-ю, и ещё две скважины на берегу... И вот как-то раз по весне поехали мы с начальником транспортного цеха Евгением Васильевичем Халецким на охоту в те места. А возле одиннадцатого номера всё водой затопило и на воде коричневые пятна... Что такое? Нефть? Мы на буровую. А там заглушка открыта... Пришлось туда срочно вертолёт отправлять, «ёлку» ставить, всё перекрывать. Ну и опять вскоре рядом бурить начали — Меджевский со своей бригадой...

...В Ермаках Мартемьяновы, как и многие другие, жили до 1964 года. Здесь в 1962 году у них родилась дочь Наталья. В это же время Валерий познакомился с Владимиром Алексеевичем Абазаровым. Встреча была случайной.

...Однажды Мартемьянов добирался на своей моторке на буровую. Его нагнал служебный катер. На борту «ярославца» среди начальства — механик Капиш Абраев и незнакомый человек, который спросил, как добраться до скважины номер семнадцать, и сразу представился: «Я — Абазаров, буду у вас начальником экспедиции». Это была их первая встреча.

— Возглавив экспедицию, Абазаров поставил на берегу контору, сам поселился в доме рядом, но на месте не сидел — по всем буровым мотался. В 1964-м году он дал команду всем из Ермаков и Баграса перебраться в Мегион. А мы как раз в то время буровую тащили. Хотели её целиком, не разбирая, на баржу погрузить, да не дотащили: до Оби километра два оставалось, когда мы её уронили, — вспоминает Валерий Иннокентьевич. — Механиком тогда Николай Васякин был, скомандовал остановиться на перекур. А потом решили грязь под санями подчистить: уж больно много нагребли. Ну, бульдозерист Саша Бровка, видать, сани легонько и зацепил, когда чистил. И как только тронулись, трактора рванули, слышим — хрясь! И одна нога вышки как под воду ушла. Мы все кто куда, а наверху, на самой-то вышке, человек оказался — Николай Новосельцев. Никто и не видел, когда он успел туда залезть. Он бегом вниз по лестнице, а вышка падает.

К счастью, всё обошлось, но Новосельцеву потом здорово влетело от Васякина, тот даже уволить его грозил за нарушение техники безопасности. Вышку пришлось разобрать... А тут скот пригнали — в Мегион переезжать надо. У нас же там коровы были, другая живность. Яков Чернышёв и говорит: «Давай, Мартемьянов, езжай к Абазарову, договаривайся, чтоб транспорт дал: не до утра же нам сидеть тут». Дело было осенью, темнело рано. Ну, поехал я в Мегион на своей лодке. Захожу в контору, а там партсобрание. Думаю, как же Абазарова оттуда выудить? Заглянул в приоткрытую дверь и пальцем его поманил. Абазаров взглянул на меня, голову в бумажки уткнул, пишет. Только когда я раза три свою «процедуру» повторил, он вышел: «Ну, чего тебе, Мартемьянов?» Так и так, говорю, Владимир Алексеевич, выручайте, скот не на чем перевезти. Абазаров говорит: «Так бери «ярославец» и перевозки». А у нас скота голов пятнадцать было: тут баржа нужна, а не служебный катер. В общем, в конечном итоге с разрешения Абазарова вывезли мы скот на колхозном пароме.

Одно время В.Мартемьянов работал на «ярославце» механиком, но когда Абазаров перешёл в Нижневартовское НГДУ и

предложил ему там работу, посулив новый катер и квартиру в Нижневартовске, Валерий Иннокентьевич отказался: в Мегионе уже была квартира в доме по улице Ленина (этот деревянный дом до сих пор стоит на прежнем месте). Квартиру в кирпичном доме со всеми удобствами Мартемьянов получил значительно позже, в середине семидесятых, когда по улице Ленина были построены первые пятиэтажки — о таком жилье тогда все мечтали. Начальником Мегионской нефтеразведочной экспедиции в то время был Валентин Андреевич Гавриков, с которым, как и с Абазаровым, Мартемьянова судьба свела ещё в шестидесятые годы — так же случайно и неожиданно

— Гавриков приехал к нам на буровую зимой 1965 года. Тогда мы бурили на Ватинской площади — номер то ли 607, то ли 614, уже забыл. Помню, мороз сильный был. Меня попросили временно «пригреть» новенького геолога, поскольку я жил один, и у меня в балке было место свободное. Валентин Андреевич пришёл со своим спальником. А я с вечера натопил хорошо, но Гаврикову показалось слишком жарко, он отопление отключил. Я думаю: «Посмотрим, что ты утром скажешь». А у меня под койкой электрообогреватель стоял, мне-то как на печке спалось. В общем, стал утром его на завтрак будить, а он как заёйкал, руками за голову схватился: волосы-то (а у него шевелюра хорошая) к стене примёрзли. «И как вы, — говорит — тут живёте, это же кошмар!» Ну да ничего. Наутро Тамара Симонова, коллектор, приехала, Валентин Андреевич её сразу работой загрузил: подавай ему образцы кернов, раствора... Всё со склянками возился да керны рассматривал: «Ну, что, Валерий Иннокентьевич, как думаешь, будет тут нефть?». «Конечно, будет, куда ж она денется», — отвечаю. «Да, — согласился Гавриков, разглядывая керн. — Нефть тут есть». Сразу по песчанику определил... Да мы в то время уже не сомневались, что нефть есть — почти все пробуренные скважины давали приток ...

Но не всегда всё проходило гладко у геологоразведчиков. Многие, кто работал в те годы, помнят страшные аварии, открытые выбросы. Мартемьянов вспоминает, как на Варьёганском месторождении взметнулся огненный фонтан высотой в сотню метров — произошёл выброс. Попутный газ взорвался с такой силой, что буровая ушла под землю за пятнадцать минут. При этом земля дрожала и гудела так, что казалось, взорвётся.

— Дело было осенью, — рассказывает Валерий Иннокентьевич. — Перелётные утиные стаи, попадая в огненный вихрь, теряли ориентир, и обгорелые, как подбитые самолёты с горящими крыльями, падали в огонь сразу по нескольку штук, — это повторялось каждый вечер...

...Пожалуй, только сегодня, сравнивая девственную природу этих мест, так поразившую геологоразведчиков в начале шестидесятых годов, с окружающей средой дня нынешнего, люди по-настоящему начинают понимать, какую цену заплатили за «чёрное золото». Сейчас Валерий Иннокентьевич, выезжая на охоту в знакомые места, не узнаёт их и сокрушается:

— Ехал я как-то через Самотлор, смотрю: а где ж озеро-то? Вода какими-то квадратиками стоит, едешь от одного куста к другому. Рыбы нет, а ведь здесь её столько было! Все избурили, одни «качалки» кругом... Ужас! Уничтожили всё. Тогда мы, конечно, о последствиях не задумывались: обстановка была, как на фронте, — всё подряд ломали, крушили, уродовали. Выходим, к примеру, к болоту: как по нему буровую тащить? И давай лес валить, дорогу делать. И везде так... Да и к оборудованию варварски относились: на Ермаках, наверное, до сих пор брошенный станок стоит... А трубы, дизеля, кабель алюминиевый... сколько всего побросали. Тогда в погоне за орденами и медалями начальство закрывало глаза на эту бесхозяйственность. Сейчас-то весь металлолом по тайге собирали...

...Да, об экологии тогда никто не думал. Никто не знал, что через несколько десятков лет за найденное богатство придется расплачиваться утраченным здоровьем, что за нарушенное экологическое равновесие природа отомстит потомкам первопроходцев отравленным воздухом, пересохшими реками, вымершими видами птиц и рыб... Да и добывать дичь и рыбу стало намного сложнее из-за того, что земля теперь передана в частные руки.

— Сейчас без пропуска никуда не проедешь: нефтяники свою охрану выставили, перекрыли дорогу на месторождения... На Ермаковском месторождении, где я охотился с самого начала, сейчас охота запрещена: ждут, пока эту землю продадут, и тогда нужно будет просить разрешение у хозяина, — сокрушается Мартемьянов.

Валерий Иннокентьевич всю жизнь охотился на соболей, сдавал шкурки на приёмные пункты в Нижневартовске. Говорит, теперь и контора по приему пушнины обанкротилась... Так вот жизнь складывается.

У Валерия Иннокентьевича двое детей, и их работа тоже в какой-то степени связана с геологоразведкой и нефтедобычей. Сын Виктор, энергетик, сейчас работает в тампонажном цехе у нефтяников, дочь Наталья — бухгалтер на геологическом предприятии. Кем станут внуки (а их у Мартемьянова трое) — покажет время. Один из них, Костя, уже работает в геологии: был помбуром в Мегионской экспедиции, потом перешёл в Аганскую НРЭ.

— Он на Самотлоре работает: сейчас там устанавливают буровую, которая будет по рельсам продвигаться, — качает головой

Валерий Иннокентьевич, удивляясь техническим новинкам. — Весь Самотлор избуруют, а он и так уже в дырах. Там толщина пласта с прослойками сто сорок метров, я думал, на тысячу лет нефти хватит, а нефтяники моментально всё выкачали...

И чувствуется в его словах и сожаление, и осуждение, а может и некоторая растерянность: а что дальше-то?..

Нина Купальцева

Путь, с которого он не сворачивал...

Не часто встретишь нынче людей, кто в свои без малого девяносто лет выглядит на семьдесят и обладает не только отменной памятью, но и военной выправкой. Иван Александрович Медведев — из их числа.

Фронтовик, первопроходец. И в этих двух словах — вся его трудная жизнь, не считая детства, которое, впрочем, тоже не было лёгким и безоблачным.

...Иван рано осиротел. Беда пришла неожиданно. Его отец, деревенский кузнец Александр Михайлович Медведев, благодаря своей специальности, был незаменимым человеком в деревне (семья жила в Евгеньевке Большеуковского района Омской области) и основным кормильцем в семье. Но однажды в процессе работы он повредил руку и стал недееспособен. Чтобы прокормить детей, ему пришлось отправиться на поиски хлеба насущного в соседний Чуколинский район. По дороге он простудился, получил воспаление легких и вскоре умер, оставив на руках супруги Аграфены Яковлевны четверых ребятишек, младшему из которых, Ивану, тогда было семь лет.

Вторичное замужество матери облегчения семье не принесло: отчим оказался человеком пьющим, и фактически дети росли без отца. Работать Иван, как и многие его деревенские сверстники, начал с малолетства. «Мы были опорой для колхоза: в шестнадцать-семнадцать лет все — ударники труда», — вспоминает об этом периоде своей жизни Медведев.

Учиться ему почти не пришлось: он окончил только три класса. Потом школа в деревне сгорела, а ходить за двадцать пять километров в районный центр Большеуковск было далековато. Омск же по тем временам был недосыгаем: добраться до него не представлялось возможности.

В деревенской глуши Иван прожил до 1938 года, до призыва в ряды Красной Армии: так и пошёл на службу в лаптях. Два года служил на Дальнем Востоке, в Амурской области, в ста двадцати километрах от Благовещенска.

В то время неизбежность близкой войны чувствовали все, особенно это ощущалось в армии. «С Германией нам воевать придётся», — так говорил Ивану Медведеву и его товарищам-красноармейцам их политрук и муштровал новобранцев из всех сил, не уставая повторять: «Запомните: больше пота — меньше крови». Возможно, именно хорошая воинская подготовка впоследствии и спасла жизнь Ивану Александровичу, хорошо усвоившему уроки своего политрука.

Медведев демобилизовался накануне войны, в 1940 году. Демобилизовавшись не стал, решил остаться на Дальнем Востоке. Устроился кладовщиком в военном порту Советской Гавани, где в то время жил его старший брат Михаил. А в 1941-м, в начале войны, вновь был призван в действующую армию и отправлен на фронт. Воевал под Москвой, освобождал от немецко-фашистских захватчиков Смоленск, Белоруссию, Польшу, Восточную Пруссию... И сейчас Иван Александрович может сказать, какова на ощупь земля в этих местах — столько грунта перекопал за годы войны... «С чем солдат не расстанется никогда, так это с лопатой, — говорит он. — Не успеешь вовремя окопаться, считай всё — погиб». Сам Иван Александрович дважды был ранен. Первый раз это случилось, когда он служил в артиллерийской разведке, в составе 89-го артиллерийского полка, второй — когда воевал в противотанковых войсках. Второе ранение — в живот — было тяжёлым, но он выжил. До сих пор удивляется, вспоминая аналогичный случай, когда в окопе одному из бойцов его товарищи грязными, выпачканными землёй руками, запиливали в развороченный живот вывалившиеся оттуда мушкетёрские пули: «Ведь и он выжил!»

... До Берлина Медведев не дошёл: война для него закончилась на Эльбе, где состоялась историческая встреча с союзниками. Иван Александрович хорошо помнит этот момент, как наши солдаты общались с американцами, дарили друг другу подарки — зажигалки, кисеты... Медведеву один из американских приятелей подарил красивый бумажник, который затем у него кто-то выпросил.

После войны вернулся в родную Евгеньку, но она словно вымерла. Были заброшены все двадцать деревень, расположенных по берегам Малого Айова. Родственники Ивана перебрались в другое место, но жить в чужой деревне, а тем более вступить в колхоз, он не захотел. Подался на заработки в один из леспромхозов, которых на территории Омской области было множество.

— Война кончилась, а у меня никакой специальности. Всё, что умею — поднять да бросить. Устроился в Аксёновский лес-

промхоз (это в Усть-Ишимском районе) рабочим. Сначала плотничал, а потом меня послали учиться на курсы трактористов в Марининск Кемеровской области, — рассказывает Иван Александрович.

После войны Иван Медведев познакомился и со своей будущей женой, Любовью Сергеевной Башковой, которая впоследствии разделила с ним все тяготы кочевой жизни.

Новый, «геологический», этап жизни у Медведева начался в Берёзове, куда его забросила судьба. Что привело его туда, теперь Иван Александрович и сам не помнит: «Поехал и всё», — говорит он. Это было начало пятидесятых, когда в Берёзове появились первые геофизические партии. В 1953 году было открыто Берёзовское месторождение газа, с которого, по сути, и начинается история великих открытий в Западной Сибири. Иван Александрович устроился трактористом в сейсморпартию. Возил балки, в которых находилась станция, протягивал сейсмические «косы»... Это было началом его трудового пути в геологии, с которого он не сворачивал на протяжении шестидесяти лет. После Березовской КГРЭ была работа в Нарыкарской экспедиции, Больше-Каменской партии глубокого бурения, и, наконец, — в Мегионской нефтеразведочной экспедиции.

...В Мегион Медведев приехал в 1962 году, когда уже была образована Мегионская нефтеразведочная экспедиция. «Сюда, как только нефть нашли, многие ринулись: людям хотелось оседлости. Я трижды себе в разных экспедициях жильё строил, и отовсюду уезжать приходилось», — объясняет очередную смену местожительства Медведев.

Его мечты об оседлой жизни сбылись. В Мегионе он за три месяца построил себе квартиру, причем трудился на строительстве после работы. А то, что приходилось порой работать вдалеке от семьи (к тому времени у Медведева уже родился сын, названный в честь деда Александром), это было не страшно — главное, что был свой дом, да и работы на ближайшие годы — хоть отбавляй. Самая главная трудность, по мнению Медведева, заключалась в отсутствии опыта.

— Опыта не было, поэтому, бывало, скважину по два-три года бурили: то один ствол, то другой... А кроме того, скважины требовали много воды — для раствора. Возили воду в десятикубовых ёмкостях тракторами. Или, если был рядом водоём, трубы протягивали, а при больших морозах вода в них замерзала сразу же: вот и жгли солярку, разогревали трубы... — вспоминает Иван Александрович. — А вышки буровые как целиком перевозили? Да еще и по реке, зимой... А кто толщину льда мерил, кто знал, лёд выдержит — не выдержит? Однажды, это уже в

начале семидесятых было, наверное, мы перевозили установку 5Д (была такая — тяжелая, четырехногая), и у саней полозья лопнули. Вышку надо было стащить на лёд, а спуск крутой. На берегу куча народу её держит, а нам с Василием Щепёткиным вдвоём её предстоит тащить вниз. А как? У неё ведь и нога подломиться может... Но нашли метрах в пятистах пологий склон и оттуда уже потихоньку спустили... А ведь были случаи, когда вышки падали! Конечно, это нарушение техники безопасности, но — сэкономили время. Разобрать вышку, у которой все болты проржавели, а потом собрать — это не так-то просто и быстро...

Среди людей, о которых Иван Александрович отзывается с большим уважением, — Владимир Колотовкин (с ним его связывает многолетняя дружба: в 1962 году вместе приехали в Мегион, и, несмотря на разницу в возрасте в двадцать лет, они дружат и до сих пор). О бригадире вышкокомонтажников Анатолии Громова, с которым вместе работал, с восхищением говорит, что он «мужик, каких мало». Добрым словом вспоминает начальника Мегионской экспедиции Владимира Алексеевича Абазарова...

Несмотря на то, что полвека отработал в геологии (даже уйдя на пенсию, он ещё трудился на буровых), Иван Александрович упорно называет себя механизатором. Тем не менее, в Среднем Приобье он участвовал в разработке почти всех нефтяных месторождений, открытых в период с 1962 по 1983 год (в том числе Самотлорского, Варьёганского, Аганского и других), и поэтому его по праву можно отнести к славной когорте первооткрывателей и первооткрывателей.

И.А.Медведев награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, медалями «За отвагу», «За победу над фашистской Германией», медалью Жукова. Среди трудовых наград — медали «Ветеран труда», «За заслуги в разведке недр», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». В 1989 году И.А.Медведеву присвоено звание «Ветеран труда производственного объединения «Мегионнефтегазгеология». Его имя занесено в Книгу Почёта Мегионской нефтеразведочной экспедиции.

Нина Купальцева

Мастер на все руки

Геннадий Васильевич Степанов — один из первооткрывателей нефтяных месторождений Среднего Приобья. Он приехал в Мегион в составе бригады бурового мастера Г.И.Норкина в 1959 году, строил вместе с другими на Баграсе первую буровую вышку.

...Но могло случиться и так, что свой первый нефтяной фонтан Степанов не увидел бы. Весной 1961 года, почти накануне открытия Мегийонского месторождения, машина (АТЛ), перебираясь через Баграс по тонкому мартовскому льду, ушла под воду. Среди людей в кузове был и Геннадий Степанов. Техника, проломив лёд, погружалась в воду медленно, тяжело, но для жизни людей было опасно всякое промедление, поэтому ждать и выстраиваться в очередь на спасение никто не хотел. С криками «без паники!» вахтовики, сидевшие в кузове, вспарывали ножами брезентовый тент и выпрыгивали из прорезей прямо в воду. Степанов сидел рядом с кабиной водителя и ждал, пока выпрыгнут остальные.

— Домой он пришёл весь мокрый с ног до головы, — вспоминает его жена Александра Ивановна Степанова. — Все пятнадцать человек из бригады остались живы. А порезанный тент мне принесли — латать...

...В геологию Степанов пришёл уже после войны и приехал в Баграс, будучи опытным дизелистом: с 1948 года он успел поработать в нескольких нефтеразведочных экспедициях. Но к тому времени, когда в его трудовой книжке была сделана первая запись, Геннадий Васильевич имел за плечами и десятилетний трудовой стаж, и боевой опыт.

...На войну Степанов не пошёл, а, можно сказать, побежал в 1943 году — записался добровольцем. Ему было шестнадцать, и призывного возраста он не достиг.

— Когда он окончил ремесленное железнодорожное училище в Барабинске, его направили в Магадан, где такие же, как и он, четырнадцатилетние пацаны работали на военном заводе, вытачивали на станках детали для снарядов, — рассказывает Александра Ивановна. — Работа была тяжёлая, жили, питаясь мёрзлой картошкой, условия в общежитии были невыносимые. Ребята просто умирали там с голоду. Вот Геннадий с двумя друзьями и сбежал оттуда. Домой добирались по железной дороге, «зайцами» — в вагонах с углём, подбирая на станциях объедки. Его мать рассказывала, что сын заявился домой среди ночи, весь в угольной пыли и ужасно худой, кожа да кости, ну просто живой скелет. Она ребят отмыла, накормила. А на следующий день отец посадил его друзей на поезд и отправил по домам. Спустя неделю сын сказал: «Мама, я боюсь, что меня за побег в тюрьму посадят». Но их никто и не искал: война была. Вот тогда он и решил: чем в тюрьму, так лучше на фронт, добровольцем. Написал заявление в военкомат. Геннадия взяли связистом. Среди бойцов он оказался самым молодым: на его щуплую подростковую фигуру даже обмундирование не сразу подошло.

...Во время войны Геннадий Степанов неоднократно бывал в окружении, с боями пробивался к своим, был награждён боевыми медалями. Но сбересть награды не смог: когда в конце войны он лежал в госпитале, все его медали украли вместе с подтверждающими документами. Впрочем, восстановить их он не пытался: считал, что воевал не за награды. А о том, что кто-то может ими воспользоваться, просто старался не думать. «Документы-то на мою фамилию», успокаивал он жену спустя годы.

Когда война кончилась, Степанов ещё находился в госпитале: в сырых окопах получил он тяжёлое заболевание лёгких. Из армии его комиссовали. По возвращении домой он долго и усиленно лечился: за его лечением и питанием следил отец. А бумаги, свидетельствующие о болезни, Геннадий припрятал подальше: «Ни к чему мне они, с такими документами на работу не возьмут». Инвалидность он получил уже позже, на старости лет, когда за плечами были долгие годы тяжёлого труда в геологии, скитания по буровым партиям, холод и грязь дорог...

— Он вообще такой человек был, — как бы это сказать, — не гордый, что ли... Как-то пришёл с работы, говорит: «Там всех фотографировали, а я не стал сниматься, зачем это?» — вспоминает Александра Ивановна. — Только вот из-за работы сильно переживал: очень ответственный и очень беспокойный человек был. Если вдруг какие-то неполадки, он сутками с буровой не выезжал. Когда мы работали в Викуловском районе, буровая находилась от нашего жилья на расстоянии 8—10 километров. И у Степанова с мастером Владимиром Гавриловым договорённость была: если на буровой свет погасили, значит, случилась неисправность. Телефона-то не было. Так муж посреди ночи вставал, в окошко поглядывал. Как увидит, что света нет — тут же на велосипед и в любую погоду — дождь ли, холод ли — он едет на буровую... За работу душой болел. Начальство всегда его ценило как хорошего специалиста. На Баграсе он был старшим дизелистом, отвечал за дизель-электростанцию. Если какая-то поломка, тоже в любое время суток мчался выяснять, что за причина. Иной раз придёт с работы, молчит, но я вижу, что его что-то беспокоит. Начинаю расспрашивать. «Да вот, — говорит, — ротор забарахлил» или ещё что-нибудь в этом роде. Работа у него ответственная была. А он, к тому же, мог на буровой любого из бригады заменить: всё умел починить. Тогда же много чего надо было делать вручную. Сейчас на буровых у каждого своя должность, каждый свою работу делает. А он мог и электрика заменить, и слесаря... Компрессор нужно опрессовать — пожалуйста. Если нужно было на буровую какого-то специалиста послать, интересовались: «А

какого вам специалиста нужно? Степанов там, он всё сделает». Ну и молодым тоже помогал.

Парни-водители только из армии пришли, опыта ещё не было. В мороз машина заглохнет, они не знают, что с ней делать. К Степанову: «Васильич, помоги». Он и машину завести поможет, и совет даст, хитростями поделится: в солярку, чтобы она не замерзала, нужно бензина чуток подлить, тогда машина глохнуть не будет. До сих пор его ребята добрым словом вспоминают: «Хороший человек был Васильич»... Но сам о помощи просить не любил. Стеснялся, что ли. Если что-нибудь нужно для буровой сделать, выточить деталь какую-то, он ко мне обращался. Как-то коленчатый вал надо было сделать для дизеля, который он ремонтировал. Сварка была нужна. Муж ко мне: «Попроси ребят». Договорилась с ребятами из механического цеха МАТХ, они ему вал на «отлично» сделали. Володя Лобанов — сварщик он был замечательный — этот вал так заварил, муж даже удивился: такие швы ровные, чёткие.

По словам Александры Ивановны, муж был настоящим трудоголиком. Когда у него первый инсульт случился, врач посоветовал поменьше из-за работы переживать. Но куда там... Степанов жил своей работой. Он даже внуку Максиму успел привить любовь к технике.

— Мы мотоблок купили, муж начал его разбирать, ну и Максим тут же (ему тогда лет десять было)... Вот дед ему всё рассказывает, показывает. И ничего, помаленьку начал парень в технике разбираться. А сейчас уже автодорожный институт закончил. Автомобили сам ремонтирует, — рассказывает Александра Ивановна.

За самоотверженный труд Геннадий Васильевич Степанов награждён медалями, которые сегодня бережно хранит его внучка Лена. Награды деда она показывает своему шестилетнему сынишке, рассказывая ему о трудовых подвигах прадеда, которого он никогда не видел...

Литература

1. Купальцева Н. Бондарь из рода Вълчевых : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №23. — С. 12-13.
2. Купальцева Н. В геологической «копилке» — более трёхсот месторождений : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №43. — С. 12-13.
3. Купальцева Н. Думал, на Самотлоре на тысячу лет нефти хватит : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №19. — С. 12-13.
4. Купальцева Н. «Как два лебедя, не живущих поодиночке...» : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №44. — С. 12-13.
5. Купальцева Н. Мастер на все руки : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №45. — С. 12-13.

6. Купальцева Н. «Нас называли «танкистами»: [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №21. — С. 12-13.
7. Купальцева Н. Путь, с которого он не сворачивал : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №18. — С. 12-13.
8. Купальцева Н. «Свой след на земле он оставил навечно...» : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №46. — С. 12-13.
9. Купальцева Н. «Скважина начала фонтанировать...» : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №24. — С. 12-13.
10. Купальцева Н. Ученик «таёжного профессора» : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №25. — С. 13.
11. Купальцева Н. «Я счастлив, что так сложилась моя судьба» : [очерк] // Информ-Вест Сибирь. — 2009. — №47. — С. 12-13.
12. Львова Е. Не делал я ничего героического : [очерк] // Мегионские новости. — 2005. — 22 июля. — С. 4.
13. Усанова Е. Наша жизнь очень красиво прошла : [очерк] // Мегионнефтегаз-Вести. — 1999. — 6 авг.. — №23. — С. 3, 7.
14. Храпова Е. Первая нефть Баграса : [очерк] // Югра. — 2011. — №4. — С. 38-42.
15. Шайдуллина Д. Территория притяжения : [очерк] // Мегионские новости. — 2011. — 2 сент. — С. 5.
16. Шлябин Д. Запах нефти : [очерк] // Мегионские новости. — 2001. — 31 авг. — С. 4.

ЛЮДИ ГОРОДА

Мария Романова

Знакомьтесь: мой дед — Виктор Николаевич Козлов, мегионский писатель

Здравствуйте, я — Мария Романова, у меня есть замечательный дедушка — Виктор Николаевич Козлов. Знаете такого? Он — мегионский писатель. Его детство прошло на Алтае, где он родился, и в Башкирии.

Мой дедушка написал немало прозаических и поэтических произведений, но многие наши земляки плохо знакомы с его творчеством, а, следовательно, не могут соприкоснуться с его талантом. Тогда я подумала: кто как не я — внучка — сгладит этот пробел?

Изучая биографию и творчество деда, я соприкоснулась с историей, родословной своей семьи, с историей города, округа, в котором родилась. Дед посвятил свое творчество нашему северному краю, рассказал о замечательных людях нашего города, об их удивительных судьбах. Его по праву называют мегионским летописцем.

«...Не кенарем, не соловьем залетным,
обыкновенным куликом болотным,
пристрастно Мегион я восхваляю:
я в нем живу!
и — я его люблю!»

О моем дедушке уже написано немало статей его коллегами, другими писателями. Мой рассказ о писателе Викторе Козлове — это первый вклад нашей семьи в популяризацию дедушкиного творчества.

Дед мне говорил, что Николай Фёдорович Козлов, его отец, ушёл на фронт в 1941 году защищать нашу Родину. Погиб он под Великими Луками зимой 1943 года, моему деду в ту пору было 5 с половиной лет. Он запомнил тот момент, когда его мать получила похоронку на отца, по запаху — «запаху мерзлого белья».

«Март сорок третьего.
С хрустящим бельем
мамка вошла с мороза.
Лицо побелевшее, а на нем —
стылые капельки: слезы...
И вдруг — раздался истошный всхлип,
а после — молчанье.
И тут я понял: папка погиб!
Меня охватило отчаянье...
А в комнате пахло тальм бельем,
всхлипы перешли в рыдание.
Давно уже все поросло бельем,
но помнит так обоняние!»

Послевоенное голодное детство отразилось в стихах:

«На фронте мы не воевали
Хлебнули горя мы в тылу:
Картошку мёрзлую едали,
Кору, крапиву, дикий лук...»

С переездом в столицу Башкирии город Уфу в 6-м классе дед стал заядлым книгочеем. В большом городе приобщился к чтению книг в Республиканской библиотеке, увлекся авиамоделированием, рисованием... «Память у меня была хорошая. На уроках я слушал учителей внимательно, поэтому устные предметы дома я практически не учил. Письменные же задания старался делать во время перемен или сразу после школы. Свободное время я посвящал чтению, совмещая его с делами по хозяйству: принести дров, сходить за водой на колонку, постоять в очередях за продуктами».

Увлечение книгами и чтением определило судьбу дедушки как геолога, ведь любовь к литературе совмещалась с тягой к романтике. Он поступил в Уфимский нефтяной институт. «Пос-

ле 4-го курса, в институтские каникулы, я устроился в геодезический отряд института «Башнефтепроект» и написал о своих впечатлениях очерк — он получил первую премию республиканской газеты «Советская Башкирия». И это можно бы считать началом моей литературной деятельности. Правда, были у меня и до этого публикации стихов в СМИ. Поэтому находились искренние советчики, предлагавшие сменить жизненную стезю. Но я оставался верен избранному пути — пути горного инженера».

По окончании института, в 1961 г. дед получил распределение на Север в город Сургут, а жил в палаточном городке, недалеко от Сургута, на общем собрании было решено назвать его Нефтеюганск. О труде нефтяника знает не понаслышке, начал трудиться помощником бурильщика в Усть-Балыкской партии глубокого бурения, инженером Главтюменьгеологии, работал в Ваховске главным инженером, главным технологом в Мегионе, имеет свидетельство на изобретение по креплению скважин, участник открытия около 20 месторождений. Ветеран нефтеразведки.

«Можно считать, что с декабря 61-го года и началась моя сибирская литературная биография», — считает дед. «В Сургуте я завел общую тетрадь под названием «фиксвдох» — фиксатор вдохновения».

«Жизнь моя началась на Алтае,
Словно стих, полновзвучной строфой.
Малышовки пора золотая
Срифмовалась над старой Уфой.

Усть-Балык, Уренгой, Русскинские,
Мегион, Нижневартовск, Сургут.
Пополнял я страны кладовые,
Обживал вместе с вами тайгу...»

Свою семью они с бабушкой Галиной Ивановной создали в Сургуте, она тоже геолог, приехала по распределению из Перми. Рождение старшей дочери Лены деда вдохновило на стихотворение «Арбуз». Появились и первые стихи про Лену-Неньку. Теперь это одни из самых моих любимых стихов. Младшая их дочь — моя мама, Анастасия, о ней дедушка тоже написал стихи:

«Настя круглолица, синеглаза
Вылитая старшая сестра.

Леночке с Анастасиею —
Синеглазым дочерям —

Им любовь свою к России я
И к Сибири передам».

Его биография и биография тех людей, кто работал рядом с ним – в его стихах, очерках, рассказах. Стихами и прозой занимался по мере возможности, в свободное время, которое приходилось в основном на отпуск. Поэтому издание книг приходилось откладывать. После выхода на пенсию полностью посвятил себя литературе.

В 1994 году вышла первая книга стихов «Теплынь». Смелым и мужественным людям, первопроходцам посвятил дед свои книги «Навстречу притяжению», «Мегионцы – это мы», «Первопроходцы», «Троицыно утро», «Воспоминание о Малышовке». В 2000 году дедушка стал членом Союза писателей России.

За двухтомник «Первопроходцы» в 2005 году Виктор Козлов Николаевич стал лауреатом премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы.

За сборник стихов «От Покрова до Покрова» в 2008 году он был удостоен Всероссийской литературной премии им. Д.Н.Мамина-Сибиряка.

Ещё дедушка пишет стихи для детей и о детях, о своем детстве.

В 2000 году вышла яркая красочная книга стихов «Страна Мегиония» с посвящением старшей внучке Ксении. Позже вышла книга «Голуба-душа лесная». В этом году выпустили книгу «Буквой «М». Название книги «Буквой М» – необычное, оригинальное, почему же дед так назвал свою книгу? Достаточно посмотреть на обложку книги и прочесть самое первое стихотворение.

«Мама с папой по краям,
а в серёдке самой я:
на-зы-ва-ет-ся – семья!
Если день стоит погожий,
наша тень на «М» похожа!
Хорошо живется тем,
кто гуляет буквой «М»!»

Мне из новой книги понравились стихи про Неньку. Моя сестра любит стихи о прадеде и проникновенно их читает. Брат Коля знакомится с творчеством деда и сам здорово сочиняет. Трое внуков: старшая – Ксения, я – Маша и наш двоюродный брат – Николай, – это мы вдохновляем дедушку на детские стихи.

Готовясь к празднику и узнавая о дедушке все больше, я как будто бы заново познакомилась с ним и поняла, как мало о нем

знаю. У дедушки, оказывается, много интересных рассказов о животных и о своем детстве, я планирую и дальше продолжить изучение творчества замечательного писателя, моего мудрого наставника, открывая для себя новое. Пусть он и дальше радуется своих читателей новыми произведениями!

Ирина Бойко

Когда душа поет

«Мегионский вальс» — так назывались стихи, которые принес в редакцию газеты «Мегионские новости» Николай Петрович Федоровский. И столько было в них теплых слов о Мегионе, что мы решили встретиться с этим человеком, так любящим Мегион.

«Почему мне так нравится Мегион? А разве можно его не любить?!» — недоумевает Николай Петрович. Он с восхищением вспоминает, как 15 июля 1970 года они с Таней (его супругой) впервые сошли с «ракеты» и поднялись по деревянной лестнице на мегионский берег, как город поразил их своим размахом. «А вокруг жизнь бурлит: гудят трактора, много другой разнообразной техники работает, — рассказывает Федоровский. — Пошли с Татьяной дальше город осматривать, а там — школа, «Северянка»... Люди улыбаются. От восхищения душа пела. Наверное, тогда в моей голове и родился стих о Мегионе...».

После небольшого в то время Ханты-Мансийска, где Федоровский жил семь лет, город на Меге казался ему «центром Вселенной». «Работал я электриком на пищекомбинате, — говорит Николай Петрович. — Вроде бы в тепле, да и работа спокойная: то испорченную плитку, то розетку починишь. Только скучно было. Хотелось чего-то яркого, бурного». Узнав из газет о Самотлорской нефти, он приехал сюда, чтобы быть причастным к великим делам. Влюбившись в Мегион с первых же минут пребывания, Николай Петрович решил остаться.

В то же время из Игрима Ватинская контора бурения в Мегион переехала. Туда и устроился работать Федоровский электромонтером по обслуживанию буровых установок. «Жизнь бурлила, — рассказывает Николай Петрович. — Хорошо пройдет бурение — радости столько, что словами не описать! Дадут после этого пару дней отдыха — мы все тут же отправлялись на берег Меге и банкет затевали. Дым от костра, уха из нельмы, песни под гитару — разве все это можно забыть?!»

Со временем Ватинскую контору переименовали в Мегионскую, позже — в Управление буровых работ. Менялись названия, но не место работы Федоровского. Двадцать лет его трудовой

биографии связаны с УБР. Отработав после этого еще пять лет в МНГ электромонтером погрузочных установок, Николай Петрович ушел на заслуженный отдых...

Сказать, что уход на пенсию для Федоровского стал счастливым моментом в жизни, нельзя. Он не из тех людей, кто привык сидеть, сложа руки. Зато у Николая Петровича появилось больше свободного времени для своего «хобби». Интерес к старинным вещам возник у него давно, когда обнаружил в земле серебряную цепочку и передал ее в Кремлевский музей (за что получил право на бесплатные посещения музея Московского Кремля). Позже работа на производстве оттеснила увлечение Федоровского на второй план. Теперь же времени для «хобби» у него предостаточно. «Увижу старинную вещь — отмою, почищу, отреставрирую. Это же память о прошлом, история...», — рассказывает Николай Петрович.

Когда объявили о проведении «Дней дарения» в музее, у Федоровского уже целая коллекция старинных вещей подобралась: дубленки, бронзовые изделия, трюмо, сапоги на деревянных шпильках. Часть из них он решил преподнести в дар. «Была б у меня лишняя комната дома, я бы и в ней сделал свой маленький музей. Пусть бы люди приходили, смотрели да радовались, — говорит Николай Петрович. — А в городском музее встретили меня очень радушно. С тех пор мы сотрудничаем».

Вскоре Федоровский собирается вместе с сотрудником музея отправиться в экспедицию в Малый Атлым (Октябрьский район). Он оттуда родом, и большинство старинных вещей привезены в городской музей именно из Малого Атлыма. Теперь Николай Петрович планирует пополнить экспозицию Музея двумя старинными сундуками, которые пылятся в заброшенном купеческом доме: «Хочу, чтобы люди увидели эту красоту, чтобы знали историю, любили свой край, свой город».

Он предан Мегionу, посвятил ему десятки лет своего труда, радуется, оттого что город становится красивее, помогает сохранить его историю. В романтической душе Николая Федоровского до сих пор звучит «Мегionский вальс»: «...ты всегда молодой, дорогой мой Мегion! Всегда!».

Анастасия Юсубова

Театральный проезд

По словам Ирины Павловны Стоцкой, она никогда не мечтала о сцене, не бредила аплодисментами и толпами поклонников, как это часто случается у юных дарований. Наоборот, занималась такой серьезной наукой, как геология: собирала коллекцию

минералов, писала исследовательские работы. Но родители настояли на поступлении в музыкальное училище, боясь, что здоровье Ирины не достаточно крепкое, чтобы ходить по горам, или шагать таежными тропами с рюкзаком за плечами. Она поступила на дирижерско-хоровое отделение. И... увлеклась хорovým пением. Из всех предметов, которые пришлось изучать, ее занимали только хоровые занятия, которые она не пропускала ни при каких обстоятельствах. Но увлечение геологией не прошло даром. Серьезность, желание заглянуть вглубь явления, умение анализировать и добиваться результата очень пригодились, стали для Ирины основным кредо, которому она за всю жизнь никогда не изменяла.

По чьей воле оказалась Ирина Стоцкая в Мегиионе — известно. Поехала, как декабристка, вслед за мужем — геологом. После цветущего каштанового Новороссийска, каково ей было здесь, где культура находилась в зачаточном состоянии, где сама природа своей угрюмостью навеивает невеселые мысли? Впору творческому человеку впасть в депрессию, опустить руки. Но не тут-то было. Стоцкая начинает все с начала. В Мегийонской музыкальной школе она ведет два хора и работает с двумя вокальными ансамблями.

Вспоминает Наталья Терехова, бессменный аккомпаниатор «Вдохновения» в течение 15 лет:

«Никогда в своей жизни я не встречала такой работоспособности, какой обладает Ирина Павловна. Мы работали тогда чуть ли не сутками, и нам это нравилось, мы получали огромное удовольствие от своего труда, что, согласитесь, бывает не часто и не со всеми. Мне повезло. Я встретила Ирину Павловну. Самое главное, что с ней видишь результат, понимаешь, что твои усилия не напрасны, потому, что она всегда добивается того, чего хочет, порой ценой нечеловеческого терпения»

Главное в искусстве хормейстера — добиться от певцов нужного качества звука. «Вдохновение» отличается потрясающей чистотой интонации в сочетании с высокой эмоциональностью, что производит даже на профессионалов ошеломляющее впечатление. Откуда пришло это умение?

Еще там, в Новороссийске размышляла Стоцкая о природе человеческого голоса, об этом бесценном Божьем даре:

«Уже тогда я понимала, что природа голоса — понятие мистическое, ведь его невозможно осязать или увидеть. Он исходит из глубин человеческого существа, и с помощью дыхания играет на наших связках, как на струнах. А они, в свою очередь, воспроизводят звуки, которые мы называем голосом. Как заставить организм работать соответственно поставленной задаче (я имею

в виду организм певческий)? В те годы меня совершенно не удовлетворяло звучание хора, не было прозрачности, чистоты, и я неустанно искала ответ на вопрос, почему? Перебрала множество методик работы с вокалистами, пока не нашла Емельянова. Интуитивно почувствовала, что именно здесь, в его методике найду ответ на мучивший меня вопрос. В течение четырех лет я ездила на все его семинары. У меня не было отпусков, и я не знала, что такое отдых, потому что всецело была поглощена изучением методики Емельянова»

Только овладев ею в должной степени, она стала пробовать ее на своем хоровом коллективе.

Теперь профессор Емельянов внимательно следит за творческим ростом «Вдохновения» и гордится им, а тогда ... Он не может вспомнить скромную семинаристку среди множества своих учеников, ту самую, которая одна из немногих сумела блестяще воспользоваться этим Знанием, транслируя его уже на своих учеников.

Уникальность метода работы с хором Ирины Стоцкой состоит в том, что помимо чисто хормейстерских приемов, она занимается вокальным тренингом индивидуально с каждой артисткой. Благодаря этому у каждой из них за годы работы во «Вдохновении» развился певческий голос, подвижный, тембрально окрашенный, с достаточным диапазоном. Но помимо техники Ирина Павловна неустанно занимается духовным воспитанием своих учеников. Спектакль «Литургия» на музыку Чеснокова, один из этапных в истории коллектива. Чтобы спеть партитуру этого мастера, мало обладать отличной вокальной и хоровой техникой. Нужно иное восприятие музыкального текста, когда организм откликается каждым нервом, каждой клеткой на мысль композитора. Этого можно добиться только неустанной работой души. Сыграть такое невозможно. И то, что «Вдохновение» способно решить столь масштабные задачи, заслуга его художественного руководителя.

Пятнадцать лет назад детский вокальный ансамбль «Вдохновение» совершил культурную революцию в городе Мегроне. Первая же поездка на Всесоюзный фестиваль народного творчества принесла звание лауреата и завершилась выступлением на областном телевидении. Это была сенсация! Нефтяной Север разродился драгоценной жемужиной невиданной красоты. Стоцкая объединяла музыкальные произведения в литературные композиции и стремилась к тому, чтобы исполнение музыки и стихов было осознанным, воспитывая тем самым внутреннюю культуру исполнителей, способствуя их творческому росту. Дети читали Блока, Пушкина, Некрасова не как школяры, зазубрившие поэтические вирши, но как люди, глубоко понимающие значение

каждого произнесенного слова. А сколько приходилось работать физически!

Наталья Терехова:

«Когда осваивали методику Емельянова, Ирина Павловна ставила девочек к стене с опорой на руки и буквально до пота заставляла выполнять упражнение, чтобы добиться «вибрато», очень важного составляющего элемента в певческой технике»

Следует заметить, что хорошее «вибрато» придает голосу особый тембр, прозрачность и легкость. Вот где истоки великолепного звучания, характерного для «Вдохновения», с тех самых упражнений, когда приходилось потеть не только певицам, но и самому хормейстеру. Впрочем, то же самое происходит и сегодня, когда хор достиг необходимой степени профессионализма. Стоцкой не нужно ходить в тренажерный зал, потому что каждая репетиция для нее — это как для сталевара очередная плавка. Здесь и обжигающий огонь души, и невероятные физические усилия и яростное желание добиться результата.

Гастрольные поездки требовали от Ирины Павловны материнской заботы о своих воспитанниках. Да она и была для них как мать. Этим девочкам повезло несказанно, она стала для них и духовной матерью и Учителем.

Сомнения никогда не покидают Ирину Павловну. Может, в этом и состоит величие Мастера — чувствовать себя дилетантом, страдаемым собственным несовершенством. Порой ее посещают грустные мысли: «А может, ничего и не надо было этим девочкам? Жили бы себе спокойно. Мало ли профессий на свете. Зачем она зажгла в их душах эту лампаду служения Высокому искусству? Будет ли оно востребовано в мире, где, как сказала Марина Цветаева:

«Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!»

Она любит, когда горят свечи. Может потому, что пламя свечи так похоже на вечный огонь ее души, способный в нужный момент стать пламенем. Служение, которому она посвятила себя, требует от нее бесконечного терпения, потому что рядом с ней ученики. В каждом из них она зажигает свою лампадку, чистую и светлую.

В январе 2000 года коллектив «Вдохновение» был приглашен в Санкт-Петербург на музыкальный фестиваль «Святки—2000». Певицы из маленького сибирского городка очаровали из-

балованную питерскую публику. Никто не мог поверить, что такого совершенства исполнения можно достичь вдали от больших городов. Но понятие «провинция» для Стоцкой не существует. Мечта о хоровом театре становится реальностью. «Женской долишки ключи» — музыкальный спектакль о судьбе русской женщины-крестьянки, «Ах, этот сон, чарующий и странный» — мюзикл, посвященный творчеству звезд эстрады начала XX века, в стадии работы «Мадригал» на музыку композиторов итальянского Возрождения. Ее театр, проект которого получил гранд губернатора Ханты-Мансийского округа, начинает жить. Но интересное, почти мистическое совпадение. В нашем городе есть Театральный проезд. Кому и когда пришло в голову назвать улицу именно так, ведь в Мегионе никогда не было театра? Но как оказался прав этот неведомый провидец! Почтовый адрес будущего театра звучит так — Театральный проезд, 1.

Анастасия Юсубова

Китайская роза

С самого утра солнце светило так жарко, будто не успело остыть за короткую летнюю ночь, и сразу взорвалось над городом раскаленным огненным шаром. Его назойливый свет пронизывал дрожащий воздух. «Фу, ну и жара! Хоть бы ветерок подул, что ли, дышать нечем, а комаров-то, Господи!» — в сердцах подумала Люба. Комариные столбы и в самом деле грязновато-серыми полотнами висели в воздухе повсюду. «Скорей бы в отпуск! Сейчас на Украине так хорошо! Абрикосы поспели, а главное, нет этого проклятого гнуса!». Размышляя на эту тему, она, наконец, дошла до конторы НГДУ, поднялась на 3-й этаж и открыла своим ключом кабинет «генерала», собираясь полить цветы, которых здесь было великое множество. Люба работала садовником при конторе, работу свою любила, и цветы были ее страстью.

Кабинет действительно напоминал оранжерею. Где бы ни приходилось бывать «генералу» (так называли его с тех пор, как он вступил в эту должность), отовсюду обязательно привозил он какое-нибудь экзотическое растение. Но больше всех любил китайскую розу с густо-зелеными резными листьями, которая, выходясь чуть не до потолка, распускала пурпурные бутоны круглый год. Ей было все равно, что там, за окном: мела ли пурга или шли летние дожди. Здесь, в этом уголке казенного здания она, словно хрупкая женщина, чувствовала себя защищенной энергией большого, сильного человека. Порой, когда он уезжал надолго, она начинала грустить, бутонов становилось меньше.

Но это была лишь маленькая пауза, во время которой роза успевала накопить силы, чтобы к приезду хозяина зардеться, заалеть нежными, душистыми цветами...

Едва ступив на порог, Люба застыла от ужаса и изумления. В углу, где стояла роза еще день назад вся в бутонах, готовых вот-вот открыться, застыл безжизненный скелет, вокруг которого рассыпались сухие листья и нераспустившиеся бутоны. Женщину охватила паника. «Что скажет Анатолий Михайлович? Он подумает, что я не поливала цветы, не следила за ними. Что теперь будет?». Торопливо собрав листья и бутоны в мусорную корзину, она помчалась вниз, растерянно соображая, что делать и кому сказать о случившемся. В этот ранний час в конторе не было никого, кроме дежурных техничек и завхоза, который всегда приходил на работу раньше всех. «Володя!» — крикнула она, увидев его на лестнице. Он поднял лицо, и она поняла, что у него тоже что-то произошло. Не успев еще ничего сказать, она услышала: «Кузьмина убили. Только что позвонили из Москвы».

Татьяна Юргенсон

Сага о поэте

Мой друг — художник и поэт. Когда смотришь на синеву его полотен — синее-синее небо, бело-синие снега, кажется, что смотришь в самую глубину Диминых глаз. Они у него тоже синие, светлые и немного грустные. Почему? На этот вопрос и сам Дима, наверное, не сможет ответить. Этот взгляд, пронзительно добрый и грустно мудрый, присущ лишь избранным — тем, кто талантлив доброю, тем, кто на собственной шкуре ощутил всю тяжесть труда просто жить и не согнулся под этой тяжестью.

Я не была свидетелем того, как он рос и становился тем человеком, каким его сейчас знают все его друзья. Во-первых, потому что я младше, во-вторых, потому что мы встретились недавно. Он рассказывает обо всем так, что сначала появляется сожаление, что тебя самой не было в этом месте и в это время. Но постепенно это чувство проходит и уже кажется, что всему, что происходило, сам был свидетелем: слышал те же песни птиц, ощущал те же запахи леса.

Димины корни уходят в далекую Белоруссию. Оттуда приехали его родители в северные края. И о том, как вживались в Север Вера Михайловна и Дмитрий Васильевич Шлябины, можно написать целую повесть. Для них это была новая и незнакомая страна. Для Димы же, уже родившегося здесь, Север стал Родиной, той родиной, которой обычно сопутствует определение —

малая, но которая определяет почти все в жизни человека — его мировоззрение, его привязанности, проявление его талантов.

— В детстве он был ужасным непоседой. За день мог пройти километров двадцать пешком летом, зимой на лыжах — и все нишечем. Словно чувствовал, что не долго ему быть такой свободной птицей, — так вспоминает Вера Михайловна, и вдруг прорывается у нее — Господи, чтобы я сделала для того, чтобы он только мог ходить...

Говорят, злодейка-судьба, когда в жизни у человека что-то не так, преследует недуг и другие несчастья. И как бы тут ни бился над жизнью, она все равно заставит испытать чашу испытаний до дна. И у человека остается только один выбор: между — остаться Человеком или опуститься совершенно, сдаться без боя. «Знаешь, мне кажется, что не случись со мной то, что произошло, я вряд ли стал бы таким, — как-то размышлял Дима вслух, — Может быть, будь я физически здоровым и не стал бы задумываться над смыслом жизни, жил бы, как живут все, окружающие меня...»

Он тоже живет как все — дом, семья... У Димы прекрасная и все понимающая жена Нина. Даже землю взял, фермерское хозяйство обустроивает. И в то же время — удивительные фильмы, снятые им самим о кедре, Тягор-Мугоре (есть такое прекрасное место на Лекрысовском острове), о Куль-Егане, персональная выставка картин в Нижневартовске, восторженный отзыв о которой вместе со своей фотографией на память подарила канадская художница Линда. А еще у него есть альбомы с сотнями собственных фотографий и тетради с записями разных лет о встречах с интересными людьми, а в местном краеведческом музее — целый зал птиц, чучела которых делал Дима. И никак не укладывается в голове вид инвалидной коляски, стоящей у камина в комнате, когда ее хозяина нет дома или он отдыхает. Ее совершенно не замечаешь, когда Дима... Хотела сказать «на ногах» и осеклась. Не ходят его ноги, и невозможно ждать того чуда, что свершилось с Ильей Муромцем.

Нет, не хотела я писать об этом, потому что для меня, как и для всех Диминых друзей, не существует этой проблемы. Не мешает она нашему общению. Пытаясь сравнить ту энергию, которую люди вольно или невольно отдают друг другу, душевной силы моего друга хватило бы на десятерых. Ну кто еще как не Дима просто для того, чтобы сделать людям приятное, будет возиться с моторной лодкой и потом отправится с ними, не жалея ни бензина, ни своих собственных сил по таинственным речным протокам? Я знаю людей, которые после десяти лет жизни в Мегионе впервые открывали для себя красоту окружающей природы только благодаря Диме.

Его дом — настоящая Мекка, столько сюда приходит людей. Дима смеется: «Плохие люди возле меня не задерживаются», и это действительно так. Иногда у тех, кто беседует с Димой в первый раз, даже возникает некоторое недоверие, как это может в одном человеке все вмещаться — знание истории родных мест и неподдельный интерес к истории ханты и манси, в общем-то чужого для него народа, душа страстного охотника и деятельный защитник природы, художник и мастеровой.

Как бы я ни хотела, все равно не смогу перечислить все, чем живет этот человек. Единственное, чего бы мне хотелось, так это рассеять возможные сомнения.

Одна из последних идей, которой уже не первый год живет Дима и некоторые его друзья, — это фермерская деревня на Тягор-Мугоре. Сейчас там обосновались пятнадцать хозяйств. У кого-то пока еще стоят балки-временки, кто-то уже успел построить более основательное жильё. Но главное — это то, что мужики потихоньку начали вгрызаться в землю. Посадили картошку, овощи. Дмитрий Васильевич Шлябин, отец Димы, перевез туда своих коров и лошадей. О том, чтобы приобрести себе тоже буренок, подумывают и другие. И все-таки, как организатору и вдохновителю этой идеи Диме приходится быть немного впереди других. Это не выразилось в том, что у него уже на Тягор-Мугоре стоит добротная избушка или пасется хорошее стадо, нет пока этого. Но именно его заботы общины «Кулики» (это шуточное прозвище за деревней закрепилось всерьез) заставляют мотаться по предприятиям Мегиона и Вартовска, чтобы собрать технику и сельхозинвентарь для общины.

А на его собственном участке уже буйствуют овощи, все Димины друзья смогли по достоинству оценить вкус редиски и нежного молодого укропа. Зацветает картошка. Попробовал Дима на небольших участках посеять ячмень, овес, рожь. Но ограды еще не было, и проворные и по большей части вредные коровенки распорядились всходами по-своему. Жалко, конечно, но не затаилось в душе обиды. «Сам виноват. Надо скорее изгородь ставить, да не от людей, а от скотинки», — философски заключил Дима. Вот и работает он сейчас потихоньку — столбик вкопает, жерди прибьет...

— Ты знаешь, почему на его картинах чаще всего нарисовано одно и то же место, где стоит избушка одна-одинешенька? Такое чувство, что одиночество постоянное состояние художника. А может, его что-то связывает с этим местом?

Догадки, предположения... Их всегда вызывает настоящее искусство. А про Димины картины говорят еще другое — они несут тепло и тихую радость, независимо от того, что нарисовано. Я это

испытала на себе. Дома у Димы на стене висят его любимые работы, остальные из-за отсутствия места просто хранятся на чердаке. Так вот, зимой меня притягивали к себе словно магнитом три работы, три зимних пейзажа. Удивительно, несмотря на снег и застывшие деревья на них, они согревали какой-то мягкостью и обещанием тихой радости. И зима уже не казалась такой страшной и бесконечной. А когда появились на улице первые лужи, я с удивлением обнаружила, что теперь душа находит больше успокоения и поддержки в других работах — весенних пейзажах, которые словно подтверждали, что весна — это счастье...

Я сказала, что мой друг художник и поэт. Да, картины его видели многие, но стихов своих он не читал никому, хотя и у него когда-то была заветная тетрадь. Но даже не видя его стихов, по-другому его не воспринимаешь. Ему присуще свойство, которым обладают только поэты — видеть мир таким, каков он есть и, несмотря на все недостатки этого мира, любить его и этой любовью нежалеючи делится с другими.

Татьяна Мамонтова

Призвание — любить Родину

Два года назад Лина переехала с семьёй из заснеженного Севера в теплые края, но ей часто приходится вновь возвращаться в город Мегион. Маме 85 лет, за ней нужен глаз да глаз. Нет, мама не впала в старческий маразм, а, наоборот, до сих пор считает себя сильной и молодой. Очень не любит зря беспокоить людей. Даже когда совсем прижимает здоровье, не всегда обращается к врачу. Мама всегда была патриоткой, фанатично любила Родину, несмотря на то, что жизнь постоянно устраивала ей невыносимые испытания, которые и подкосили здоровье... Лина своим ключом открыла дверь — мама лежала на кровати бледная, но при виде дочери вскочила и засветилась своей всепобеждающей улыбкой: «Линочка приехала! Доченька моя!» «Мама, ты почему отказалась лечь в больницу?» — спросила Лина. «Да, зачем зря беспокоить врачей, все равно они ставят только один диагноз — старость. А я не знаю такого слова, я всегда чувствую себя молодой...». Лина вызвала участкового врача и маму положили в больницу.

Как не любит Вера Михайловна лежать в больницах, в «ветеранской» палате одной тоскливо, а в общей всегда кто-то недоволен соседями, а она привыкла в жизни приносить людям только пользу и радость. Вот и сейчас — одна соседка с пониманием предлагает помощь, а другая выражает недовольство. Вера Ми-

хайловна смотрела в окно и вдруг, словно кто-то показал ей кино — стала вспоминать свою жизнь...

...Лучик солнца дотронулся до щеки спящей Верочки, словно ласковая рука матери, и девочка сразу проснулась. Время пять часов утра, проспала всего три часа. Но надо вставать. Мама как всегда уже шуршала у печи. Вскочив с постели, Верочка побежала на дуг и приступила к физическим упражнениям, которые не только помогали поднять настроение, но и восстанавливали силы после каждого нелёгкого дня. Солнце раскрасило яркими красками цветов зелёный дуг и словно бриллиантами осыпало траву росой, которая приятно освежала босые ноги. Как всегда со счастливой улыбкой и с песнями, к которым приучила никогда не унывающая мама, урождённая Ажойчик Любовь Васильевна, Вера вернулась домой. Пора идти в школу, а потом помогать маме.

Одной маме не справиться, хотя она целыми днями трудилась, не покладая рук. Надо было отработать в колхозе норму трудодней, дома — скотина, огород. Из военного городка доставляли, в качестве общественной нагрузки, по тысяче пар портянок, брюк, гимнастёрки, которые надо было стирать для солдат. Воду носили из колодца, грели в печи. А ещё четыре младшие сестрёнки, за которыми надо смотреть, помогать им во всём.

Отца Верочка очень редко видела дома. Её отец Линник Михаил Игнатьевич искренне любил свою Родину. Он, в годы Гражданской войны служивший в коннице Будённого кавалеристом, в мирное время добровольно и безвозмездно восемь месяцев в году обучал военному делу красноармейцев в городке Марьино Горка. Остальное время тоже отработывал в колхозе родной деревни Блонь под Минском. Он и дочери привил необходимость быть выносливой, физически сильной и грамотной во всех отношениях, умение стойко выдерживать все испытания, преподносимые жизнью. Как-то Верочка спросила отца: «Зачем в школе заставляют, кроме обычных предметов, проходить и военное дело?» — «Запомни — враг не дремлет», — ответил отец, и он был прав.

В то время засылали «гостей» в Россию — изучали непостижимую русскую душу. Но не только среди чужих были враги. Откуда-то немцы узнавали многие сведения. Например, они узнали, что она пряталась дома после побега от немцев. Её чуть не загрызли собаки, благодаря «доброжелателям», которые жили рядом, с которыми делилась едой и добрым словом...

Несмотря на то, что все работали с раннего утра до поздней ночи — денег зарабатывали мало, жили бедно, одежду донашивали друг за другом и по очереди. Но зато какая была жажда к жизни! В доме всегда звенели песни и радостный смех.

Впитывая соки родной природы и любовную заботу родителей, Верочка страстно любила жизнь, жаждала учиться.

Она запоминала каждое слово, сказанное родителями и учителями, не просто сознанием, а всем телом. Поэтому училась на одни пятёрки. В восьмом классе не пришлось учиться. Не все родители смогли оплатить учёбу (посреди учебного года 8 класс сделали платным), и класс распался. Верочка не находила места, она хотела продолжить свое образование, мечтала стать врачом. Набравшись смелости, посередине учебного года пошла к директору сельскохозяйственного техникума (здесь обучение было бесплатным) и попросила допустить её до учебы на агротехническом факультете, хотя бы без зачисления, со своим стулом. «Я никому не буду мешать, буду тихо сидеть в уголке». И ходила с этой просьбой к директору до тех пор, пока он не согласился.

Когда писали контрольные, преподаватели взяли на проверку и Верочкины работы. Она получила в числе немногих «отлично». Хорошая учёба помогла зачислению на курс. Это было таким счастьем! Обладая феноменальной памятью, училась самозабвенно, продолжая при этом дома помогать маме.

Первый день практики — Верочка на тракторе. Задание — вспахать огромное поле. Пригревало солнышко, по краям поля благоухали яркие цветы, вдали зеленел лес. Как всегда с песней Верочка лихо управлялась со стальным конём. Какое счастье! Она работает, она приносит пользу своему народу! Она любовалась ровными бороздами, проложенными её трактором. И тут заметила парня, который бежал к ней, размахивая руками. «Чего он так рано пришел, я еще и половины работы не выполнила?» — подумала Верочка и остановила трактор. Выйдя из него, услышала: «Война! Началась война!» — «С кем?» — только и спросила Верочка, а услышав, что с Германией — рухнула на землю без чувств. От Германии нападения не ждали — был пакт о ненападении.

Первые раненые. Три дня в военном городке Верочка почти без сна, помогала обмывать и перевязывать раны. Не успели эвакуировать раненых, как бесконечным потоком нахлынула чума двадцатого века. 190 дивизий ровными шеренгами переступили границу России. Советские войска вынуждены были отступить, некому было защитить мирных жителей у границы. Вот они — «победители мира» пришли покорять нас. Устанавливали свои порядки. За малейшее неподчинение — расстрел. Пригодилось знание немецкого языка — Верочка могла объяснить, почему произошло какое-либо недоразумение. Другим оно стоило жизни...

Вера Михайловна посмотрела на искалеченную кисть руки — следы немецкой расправы за то, что помогала, украдкой, чем могла советским военнопленным...

Каких только зверств не придумывали немцы, чтобы покорить и запугать советский народ! На глазах Верочки сожгли заживо 19 её родственников из деревни Болоча, на Поповой горке расстреляли 1700 евреев, среди которых оказались 9 её учителей, подруги. Здесь же были расстреляны и убиты 700 детей. Чтобы не тратить пули, самых маленьких били головой об сосну. В деревне Залесье вздели восемьдесят малых детей на забор. Младшую сестрёнку Веры окатили холодной водой, из-за чего она навсегда потеряла слух. Дядю с тётей голых высекли шиповником. Каждый день девочка видела расстрелянных, повешенных или избиваемых людей. Два дня вся семья Линник в числе жителей Блони стояла под расстрелом. Всё не перечислить, что творили оккупанты.

Насколько надо было быть сильной духом, чтобы пережить все ужасы войны! В 1942 г. на день рождения 15-летнюю Веру под номером 355 отправили в концлагерь «Татарка» Могилёвской области на торфоразработки, где заставляли работать от зари до зари. От острой сухой травы все руки были в кровавых ранах. За невыполнение норм — хлестали плётками...

5,5 миллионов советских людей угнали немцы в Германию на работы. Среди них оказалась и маленькая, хрупкая восемнадцатилетняя Вера, которую в 1944 г. привезли в Марьину Горку для отправки в Германию. В числе других бежала. Пришла домой, нашёлся доносчик, за два дня до освобождения Минска её снова забрала. На бирже труда в городе Розенберге Веру сразу продали за 60 дойчмарок фермеру Хансу Хольцу. Её заставляли носить огромные фляги, которые она с трудом поднимала, били за невыполнение приказа. Снова бежала. Случайно обнаружили овчарки, рвали на ней одежду, дышали в лицо. Отправили на лесоразработки. Затем передали другой немецкой семье, где её заставляли работать, но часто забывали кормить. Здесь Веру, отказавшуюся откликаться на имя Анна, били. Хотели сдать в лагерь смерти Дахау, но пожалели денег. Стали звать Русской. Дальше её продали в ресторан, где трудилась по 20 часов в сутки, не имея возможности поесть даже отходы. За этим строго смотрели надсмотрщики. Какие только работы не приходилось выполнять. Чего только не натерпелась в концлагерях «Опфель», «Лигница» на территории Чехословакии, «Баутцен» в Саксонии... И всё время не теряла силу духа и веру в победу над фашизмом, в возврат на любимую Родину.

Иногда немцы проводили «чистку» рядов пленных для очередного запугивания. В такой ряд попала и Вера, по расчёту

оказалась девятой. Нечётных всех должны были расстрелять... Вера с мыслью «Всё равно не запугаете нас» широко и счастливо улыбнулась немцу в лицо. Что почувствовал немец в это время: вспомнил свою дочь или был одним из тех, кто не по своей воле воевал? Либо был поражён красотой и отвагой девушки? Но он пропустил её, назвав её девятый номер перед другим человеком. Так за своё бесстрашие Вера была награждена жизнью.

Май 1945 года. Советские войска освобождают территорию восточной Германии, Вера среди освободителей узнаёт своего дядю, который отведёт её к командиру. Командир, подполковник Д.К.Терентьев, оказался знакомым отца, часто посещавшим в мирное время их дом. Помнил, как Верочка дарила ему выращенные ею цветы. Но вместо того, чтобы отправить Веру домой, посадил оформлять документы на освобождённых из плена советских людей, стоявших в очереди бесконечной вереницей.

Девушку вербовали в Швейцарию, Голландию, Англию и Америку. Можно было уехать и неплохо там устроиться, что многие и сделали. Но Веру манили родные просторы. Как она мечтала продолжить учёбу в институте...

9 сентября 1945 г. — долгожданная встреча с мамой, сёстрами и отцом, у которого было 18 ранений, награды за отвагу. Это было такое счастье!

Первым делом подала документы в Бобруйский медицинский институт. После сдачи экзаменов на «отлично» узнала, что на её заявлении поставили чёрный крест. Все военнопленные по воле Сталина были названы изменниками Родины... На следующий год понесла документы в Минскую сельхозакадемию. По той же причине документы не приняли... Так отняли мечту стать врачом. Сердце словно оборвалось, но на лице как всегда сияла жизнеутверждающая улыбка — жизнь продолжается!

В деревне познакомилась с офицером из военного городка Марьяна Горка Шлябиным Дмитрием Васильевичем, который играл на многих музыкальных инструментах, хорошо рисовал, пел, был на все руки мастер. С ним и связала свою жизнь Вера, родила троих детей. Не побоялась поехать вслед за мужем в Алтайский край, затем в Кемеровскую область, где Дмитрий работал в геологической экспедиции. Потом были Новосибирская, Томская... В 1954 году по зову Родины, получив направление Тюменского сельхозуправления, едет развивать сельское хозяйство среди ваховских хантов. Как у бывшей узницы концлагерей у Веры не было права выбора. Направили в Охтеурье ветфельдшером. В её подчинении колхозные огороды, зверофермы, крупнорогатый скот в Охтеурье и Лапчинске. Через год

направили на реку Колек-Ёган строить в тайге новую деревню. Жили в шалашах. Поздней осенью закончили строительство одного дома из сырых брёвен на три семьи. Так обретала свою жизнь деревня Озёрная. Ещё через год разобрали три построенных дома и переплавили в Усть-Колек-Ёган. Если в Охтеурье были почта, школа-интернат, акушерский пункт, то здесь с населением три семьи ханты и две русских только маленький магазинчик. В круг обязанностей Веры Михайловны добавились олени стада, которые паслись на Агане.

После работы строила с мужем свой дом, помогала строить и административные здания, не снимая с себя домашние хлопоты.

Школу разрешали открыть при наличии 5 школьников. У одной семьи русских было 2 детей школьного возраста, да у Веры двое. Чтобы открыть школу, пришлось пятилетнего Диму записать в ученики. Зимой приехала комиссия, устроили Диме экзамен, который он стойко выдержал. Разрешили учиться дальше, но перевели в нулевой класс. Переезжая с одного места на другое, Вера Михайловна с мужем везде, помимо основной работы, помогали совершенно безвозмездно строить административные здания. Через год Вера Михайловна часто добровольно проводила уроки в школе, т.к. единственный учитель любил употреблять «горячительный» напиток, вместо работы спал в соседней комнате или уходил на охоту.

А дома с мужем занимались образованием детей — всех научили живописи, всем остальным наукам. А главное — научили быть честными, стойкими к любым ударам судьбы. Что такое нормальный сон и отдых, почти не знали. Только для своей семьи построено 9 домов, один из которых до сих пор стоит в Мегионе. Первый на берегу Меги построили за 9 дней. Какое счастье было иметь свою комнату с печкой! И было не столько тесно, сколько уютно. Второй дом, более просторный, по ул. Подгорной — в нём до сих пор живёт младший сын Дмитрий, который знаменит не только как художник, но и как таксидермист, фермер и как научный работник.

В 1957 и в 1959 годах Веру Михайловну дважды избирали депутатом Колек-Ёганского сельсовета.

Вере Михайловне не удалось осуществить свою мечту — учиться в институте. Она ее воплотила в своих детях: все трое получили высшее образование...

Чем дальше уходит детство, юность, тем чётче она видит каждый прожитый день. Никогда Вера Михайловна не жаловалась на судьбу, на трудности в жизни — всё, что ею пережито, суждено было пережить. Жаль только, что сейчас не может работать с прежней силой...

Воспоминания прерываются, словно кто-то остановил просмотр фильма. Пришла дочь Лина, спрашивает, как правильно перевести на немецкий некоторые фразы. Полилась ровная немецкая речь. У соседки, которая недоброжелательно отнеслась к поселению Веры Михайловны, теряющей память на текущие события в результате апластической анемии, отвисла челюсть: «Вы действительно помните немецкий язык?» Лина рассмеялась: «Дай бог каждому молодому такую память на прошлое, как у мамы, она до сих пор помнит не только немецкий язык, но и более 200 пословиц, все школьные стихи, историю, знает более 120 частушек. Чего только она не знает! Мама, спой песню на немецком языке». Вера Михайловна запела песню высоким звонким голосом, потом другую. Тут вошла врач, поразились, что в таком возрасте Вера Михайловна поёт, да ещё по-немецки, спросила: «Вы что, немка?» Вера Михайловна выпрямилась, гордо подняв голову, улыбнулась своей жизнеутверждающей улыбкой и ответила: «Нет, я — чистокровная белоруска». В её словах и стати чувствовалась гордость за весь славянский народ, который не смогли покорить ни немцы, ни шведы, ни французы, ни монголы...

Оксана Шестакова

«Север, ах этот Север, в сети свои сманил...»

Двенадцать лет назад так сложились обстоятельства, что Николай Чернов, главный механик лесхоза резко поменял не только профессию, но и образ жизни. Однажды дождливым осенним днем, когда над городом Горячий Ключ, что в Краснодарском крае, нависли тяжелые тучи, Николай Михайлович поцеловал на прощание жену, обнял сыновей и отправился в далекую Сибирь добывать нефть. В край, где в ту пору уже лежал снег и трещали первые морозы.

Нет, он не собирался навсегда бросать лесное хозяйство, думал только о том, как бы помочь своей семье пережить вызванный перестройкой кризис. Надеялся, что через год-два жизнь в России наладится, и он снова вернется к привычному делу. А пока, забросив вузовский диплом, устроился на вахту. Чернова приняли машинистом передвижной паровой установки в Управление технологического транспорта номер три «Мегионнефтегаза», где он до сих пор и работает, уже ничуть не жалея о нелегком решении, принятом тогда, в конце восьмидесятых.

За прошедшие годы Николай Михайлович накрепко привязался к Мегиону. Недаром ведь родились в душе вахтовика эти искренние строчки:

«В России есть большие города,
Есть небольшой, сибирский — Мегион.
И едут в уют и холода,
Кто любит труд,
Кто целеустремлен.

Живут в нем все — татарин и узбек,
Здесь русский, украинец, белорус,
И если ты не робкий человек,
Рискни приехать в Мегион, не трусь.

А кто уедет, может быть, придется
Сюда вновь через годы приезжать,
Отстроится здесь город, разрастется
И будет Мегиона не узнать».

Да, есть у Николая Чернова эта особенность — легко, буквально на лету рифмовать строчки. Ручка и листок бумаги у машиниста ППУ всегда под рукой. Стихи в его голове выстраиваются сами собой. Он их записывает, читает друзьям, с удовольствием дарит знакомым на память о себе. При этом особого таланта за собой не признает. Считает, что сочинять подобным образом может любой человек, если захочет. Но большинство людей этого как раз и не хотят. А ему нравится — вот и весь секрет. Вот его экспромт, по случаю нашего с ним разговора:

«Я лишь простой водитель,
Писать стихи любитель,
И никакой я вовсе не поэт.
А просто на досуге,
Про жизнь пишу в округе,
Таланта здесь большого
В общем нет».

Большого таланта, может быть, и нет. Но отчего-то же тогда задевают нефтяников строчки его стихов за самую душу?

— Почитай, Михалыч, — просят Чернова мужики во время отдыха, или в самолете по дороге домой. И он читает, порой часами, в полной тишине. Вот, например, одно из самых любимых бурильщиками:

«Прикрыв лицо шерстяною повязкой,
Машинист на площадке стоит.

От ветра немного спасет эта маска,
Ведь вахту нести предстоит.

Бригада работает, дружная тройка —
Бурильщик, помбур, машинист,
Никто не поможет, работают бойко,
До нефти же путь, ох, тернист!

А ветер в лицо, а пурга завывает,
Попрыгать бы, кровь разогнать,
Нефтяник все также стоять продолжает,
Подвеску ведь надо держать...»

Это стихотворение написано в начале девяностых, когда «Мегионнефтегаз» переживал очень трудное время. В тот период у Чернова часто рождались грустные строки.

Есть у друзей-вахтовиков Николая Чернова и еще одно любимое стихотворение. Оно посвящено тем, кто намеревался расстаться с Севером. Но не сделал этого и снова вернулся на вахту. Вот только первое четверостишие:

«Мы думали — с Сибирью расстаемся
Бесследно, безвозвратно, навсегда.
Но снова здесь встречаемся, смеемся
И вспоминаем прошлые года...»

Наверное, придет время, когда Николай Чернов, закончив очередную вахту, навсегда расстанется с Севером. Но, конечно же, не забудет его:

«В лапах, в еловых лапах,
Птицы поют по весне.
Запах, пьянящий запах.
Душу наполнил мне.
Клевер, душистый клевер,
Видно меня отравил.
Север, ах этот Север,
В сети свои сманил».

Татьяна Алешина

Поэт Севера

В обыденности, в суете будней увидеть красоту жизни, родной природы, романтику привычного труда. Увидеть и расска-

зять, выплеснуть порыв души в идущих от сердца строчках. У Алексея Андреевича Кузнецова такой талант. Его лирические стихи пронизаны сыновней любовью к Родине, к суровым красотам Севера, которому отдано 15 лет жизни.

Алексей Андреевич долгое время жил и работал в Мегионе, в УТТ-1 — рабочим, оператором крана большой грузоподъемности. Его стихи доступны и правдивы. Это лирика о судьбе каждого, о судьбе родной земли, строящегося города.

«...Край таежный Западной Сибири,
Где болота, топи и тайга...
Открываем нефти кладовые,
Новый город строим на века.
В нем надежда наша и забота.
Детский голос звонче ручейка.
Продолженье жизни и работа...»

Произведения его о нас, о простых людях Севера, для которых жизнь в этом краю не героизм, не подвиг и не мучение. В своих стихах Алексей Кузнецов рассказывает об электросварщике МУТТ-1 Б.М.Киндзерском, инженере А.П.Маурере, о других своих товарищах, рядом с которыми прожил трудные и прекрасные годы. Его лирика адресна, а потому она по-особенному человечна, правдива, тепла.

Большое место в творчестве Кузнецова занимают думы о Родине, о России, о времени, переживаемом Отчизной.

«Метельная судьба моей России,» — пишет он в одном из своих стихов. «Не узнаю тебя, Россия, с сумою нищенской в руке», — восклицает в другом. В каждом из них — боль и раздумье. Через эту боль идет осмысление прожитой жизни, очищение души и осознание своей неразрывности с судьбой Родины.

«Не расплескал любовь свою
Сквозь годы прожитые жизни,
Тебя, Россия-мать, пою,
Никто я в жизни без Отчизны»

Послужной список Алексея Андреевича Кузнецова как поэта невелик. Недавно вышел первый сборник его стихов «Зов крови». Книга издана на Кубани, там, где он теперь живет и работает над своими новыми стихами. Но было бы справедливо считать Кузнецова поэтом Севера. Его вдохновение берет начало на земле древней Югры — «у ног Заполярного круга». Самые первые стихи Алексея Кузнецова в начале восьмидесятых появи-

лись па страницах районной и региональной газет. Север подарил Кузнецову его Музу, облаченную не в древнегреческую тунику, не в сияющие наряды, а в рабочую спецовку. Алексей Кузнецов подарил Северу свои стихи, сквозь линзу которых мир видится другим – светлее, чище, добрее.

Екатерина Ткач, 14 лет, школа №4

Дорога домой

Зимний лес. Он похож на нашу жизнь. Каждый человек оставляет свой след, но пройдёт время, и следы исчезнут под толщей выпавшего снега. Сугробы – это повседневная рутина, и если вовремя не остановиться, можно утонуть, так и не почувствовав вкус настоящей жизни. Солнце – это маленькие лучики счастья, которых так ничтожно мало северной зимой. Лыжня – это путь, который приведет всех в одно место, каким бы оно не оказалось.

Такой и была Анна Павловна, много лет проработавшая в Мегроне, с головой утонувшая в сугробах повседневной рутины, всем сердцем жаждала солнца и тепла. Всю жизнь она шла по общей лыжне, но сейчас судьба приготовила ей неожиданный поворот. Участвуя в какой-то лотерее, она случайно выиграла. Призом была работа в Таиланде. Всё было оплачено. Ей оставалось только собрать вещи и уехать. Конечно, ей было жалко покидать родной город, но как можно было устоять перед таким предложением!

Взлетная полоса... огни аэродрома... родная тайга уже скрылась за облаками. Спустя восемь часов утомительного полёта самолет шел на посадку. Анна Павловна, выйдя из самолёта, сразу очутилась в другом мире. Горячий воздух, дурман цветов, кругом красота... Она отказывалась в это верить. Белый, как снег, песок под ногами вечером был ещё теплый. Солнце, большое и красное, уже садилось. Жизнь была похожа на сказку. Она имела все, о чём мечтала когда-то давно. Порой, усевшись на веранде и устремив взгляд вдаль, она вспоминала о прошлой жизни. Анна Павловна скучала по тем временам, по знакомым людям, по родным местам...

Но вскоре сказка закончилась, её не радовало больше ничего. Домик, в котором она поселилась, так и остался чужим, море слишком шумным, а большое красное солнце слишком горячим. Она задыхалась в царившей в воздухе духоте. После долгих часов раздумий она приняла решение вернуться. Печально оглядываясь на свой райский уголок, Анна Павловна стремительно шла вперед. Променять этот жаркий остров на холодную тайгу. Но её было уже не остановить.

Выйдя из самолета, Анна Павловна сразу почувствовала прикосновение холодного свежего северного ветра. Такого, такого нет нигде, кроме русской тайги. С любовью она смотрела на нефтяные вышки, на великие кедры, чьи верхушки гордо возвышались над лесом. И вот уже родной Мегион. Вывеска, которую она видела миллион раз, но никогда не казалась ей такой милой. Её родной дом... четвертый этаж и родная квартира. Крохотная кухня и любимая чашка... Наслаждаясь утренним кофе, Анна Павловна ощутила на себе тот легкий утренний морозец. Душа её была спокойна. Она достигла полной гармонии. Больше ничего не надо. Последние лучи заходящего зимнего солнца оказались теплее, чем горячее тайландское. Для человека нет лучше места на земле, чем его родина.

Яна Луцевич, 7 класс, школа-гимназия №5

Простая труженица города

Есть замечательные люди в нашем маленьком городе Мегионе, о которых мало кто знает. Хочется, чтобы люди гордились своим городом и своими жителями. Именно поэтому я решила рассказать о моей бабушке, о её жизни и о многом другом...

Она простая жительница города Мегиона, у неё доброе сердце, доброе отношение не только к родственникам, но и к окружающим людям. Самое главное, бабушка — большая труженица медицины. Очень хочется назвать её «феей» или «волшебницей», потому что она сказочно заботливый человек. А в чем же волшебство ее обаяния?

С годами она не становится менее привлекательной. Глубоко посаженные глаза излучают мудрость и заботу, в них можно утонуть, а пристальный взгляд их иногда успокаивает, иногда укоряет, проникает в самую твою душу. Она видит тебя насквозь. И милое выражение ее лица, и мягкие нежные руки, и всегда аккуратная прическа, и стильный внешний вид — все мне дорого.

Бабушка, Флора Мугиновна Елизарова, вот уже 26 лет работает врачом-терапевтом в городской больнице, поэтому мы привыкли к неожиданным вызовам к больным. Она любит свою работу и относится к ней ответственно. По словам бабушки, профессия врача требовала обширных знаний, терапевт работал и акушером, и травматологом, и отоларингологом, приходилось лечить всех. Сколько мужества нужно было!

Помню ледяную зиму. В новогоднюю ночь долго не было бабушки. А мы с нетерпением ждали ее за общим праздничным столом. Бесстрашная «волшебница» в жуткий мороз прибира-

лась к домам больных жителей, чтобы помочь людям. Стоял лютой мороз. Едва бабушка ступила на порог, мы тут же поняли, что случилось несчастье — обморожены щеки и нос. А она не обращала на это внимание: ее волновала высокая температура пациента, пожилого человека, которого недавно оставила на попечении домашних, — к ней звонили всю ночь. И уснула бабушка только под утро.

Много сил она отдавала работе, но при этом находила время и для семьи. Большая, шумная, веселая — это наша семья. Бабушка, как скорая помощь, всегда рядом. Только сейчас я понимаю, как ей бывало тяжело, но ее жизнь, насыщенная заботами о других, любовью к людям, богата событиями, интересна, значительна.

Хочется подарить ей столько же тепла и ласки, сколько она дарила нам. Когда я думаю об этом, на душе становится спокойно, радостно и очень хочется обнять любимую бабушку.

Мы ищем интересных людей где-то далеко. А они рядом!

Оглянитесь, это ваши близкие, родные, которые оставили свой, пусть маленький, след в истории семьи, в истории города! Гордитесь ими, любите их!

Эльза Юдина

Эти улицы строил мой муж!

Впервые в Мегион я приехала в 1965 году. Мой муж, строитель, проработал все годы в СУ-12 в знаменитых бригадах На-лобина и Анисимова. Первое время строили вручную. Брус тяжелый, сырой. Муж возвращался домой со ссадинами на плечах, но счастливый и гордый тем, что они делали: спешили обеспечить жильем мегионцев, строили дома по улице Советской, в районе старого горисполкома.

Когда мы приехали, были только колхоз, МНРЭ и СУ-12. Мегион был обычной деревней. Но мне здесь очень понравилось. Кругом зелено, речка и лес рядом: ходили за грибами, ягодами, на охоту — за рябчиками. В Сайме ловили карасиков и другую рыбу. Все — тихо, спокойно. После большого города (а мы приехали из Свердловска) для нас это было счастьем.

Это уже позже началось строительство дорог, месторождений, приехали люди со всей страны. Деревня стала поселком. Пережили и грязь, когда по Мегиону можно было пройти только в болотниках, и массу житейских проблем, и порывы отчаяния, когда хотелось все бросить и уехать обратно в большой город...

Теперь все это позади. Позади 40 лет жизни и работы в Мегионе, давно ставшем мне родным. Это мой дом. Мой город. Его строил

мой муж. Здесь живут мои дети и внуки. И сейчас он еще более прекрасен, чем 40 лет назад, когда был тихой, зеленой деревушкой.

А мечтается о большем — так уж устроен человек! Хочется, чтобы здесь построили новый современный Дворец культуры. Чтобы туда постоянно приезжали хорошие артисты, чтобы молодежь могла выбрать себе занятие по душе в многочисленных кружках и творческих коллективах этого дворца. Когда в городских средствах массовой информации появляются сообщения о планах по строительству Ледового дворца, музыкального театра, спортивного комплекса, мы очень гордимся и чуточку удивляемся, как среди болот и тайги всего за четверть века мы все смогли построить такой город!

Полина Екимова, 6 класс, школа №1
Дарья Екимова, 3 класс, школа №1

История моей семьи

Историю о нашей большой и дружной семье мы начнем с рассказов бабушки и дедушки.

Дедушка приехал на Север в 1970 году, а бабушка с детьми (это наша мама и тетя) приехала в 1971 году. Они были тогда еще молодыми. Дедушка работал на автогрейдере и строил аэропорт в Нижневартовске. Потом работал на постройке дороги, которую вели на Покачи. Бабушка тоже работала на этой трассе в геодезической группе. Она рассказывала, как было интересно идти на лыжах и разбивать трассу. За ними шли лесорубы и валили лес. С ней в тайге происходили маленькие истории. Однажды прямо из-под ее ног вылетел огромный глухарь с большими красными бровями. Но бабушка не испугалась. Потом, когда родился наш дядя, бабушка больше на дороге не работала. А дедушка работал, пока не построили дорогу. С ним тоже приключались разные случаи. Один раз, когда был перерыв в работе, он отключил свою машину. Стало очень тихо. Из тайги вышел медведь. Дедушка сидел в машине и не шевелился. Медведь подошел к его машине, обнюхал все, даже на задние лапы вставал и пошел обратно к себе. Это было летом и поэтому все так хорошо закончилось. А если бы это произошло зимой?

А еще наш дедушка совершил настоящий геройский поступок. Это было осенью 1978 года. Мега уже замерзла, но лед еще был не крепкий. Двое мальчишек катались на санках с берега. Провалились под лед, и никто не решался зайти в ледяную воду, чтоб спасти их. Дедушка, не раздумывая, кинулся и вытащил сначала одного, который барахтался на поверхности, а потом вернулся за

вторым. Но его уже не было видно, и дедушка нырнул под лед. Нашел его и вытащил, но он был уже мертвый. Его так и не откачали, но зато первый остался жить. Мы думаем, что не каждый сможет сделать такой поступок, только настоящий герой.

Мы очень любим своих дедушку и бабушку. Они замечательные. Бабушка очень вкусно готовит, она у нас веселая и всегда чего-нибудь придумывает. С ней интересно. Когда наступают семейные праздники, мы помогаем бабушке. А чтобы праздники были интересными, мы с ней устраиваем спектакли. Участвуют все. Это так здорово и смешно получается. Бабушка умеет показывать фокусы, и она всегда придумывает для нас новые фокусы. А еще бабушка многому учит. Наша мама работает в газете. Она рассказывала нам, как выросла в Мегионе, ходила в детский сад, училась в школе, в которой учимся и мы. Потом она уехала в Ленинград, правда, сейчас этот город называют Санкт-Петербург. Там она училась в институте. В этом городе она познакомилась с нашим папой. Потом они приехали сюда работать. Папа у нас работал в пожарной части, много раз тушил большие пожары. И даже один раз чуть не погиб, спасая людей. Сейчас так получилось, что папа от нас уехал. Мы к нему приезжаем в гости, он нам звонит по телефону, пишем письма. Мы очень любим папу и маму, особенно маму. Она у нас очень красивая и умная. Мы хотим быть похожими на свою маму.

А еще у нас есть три сестренки. Они младшие. Мы любим играть, когда собираемся все вместе. А играем в школу, в детский сад, в дочки-матери.

Вот такая история нашей семьи.

Мегион очень изменился с того времени, когда приехали дедушка с бабушкой. Сейчас в нем высокие дома, красивые места, много людей. Вот если бы очистили речку Сайму, было бы здорово. А то кругом красиво, а речка в самом центре города хуже помойки. Мы живем около этой речки и часто бегаем на берег играть в разные игры. Мы ее не речкой называем, а болотом или лужей. Очень хочется, чтобы она стала рекой. Ведь так красивее будет для города.

Сейчас мы смотрим на маму, на своих родных и на людей, и на нас, маленьких детишек, и думаем, что мы в наш город вкладываем небольшую, но для него нужную частичку труда. Мы радуемся и хорошо нам, и хорошо всем в городе, выстроенном нашими дедушками и бабушками, папами и мамами, а в будущем и нами.

Литература

1. *Алешина Т. Поэт Севера : [очерк] // Мегионские новости. — 1994. — 22 марта. — С. 4.*

2. Бойко И. *Когда душа поет : [очерк] // Мегионские новости. — 2005. — 19 авг. — С. 4.*
3. Бойко И. *«Кто хоть раз увидел горы, тот вернется к ним опять» : [очерк] // Мегионские новости. — 2008. — 10 окт. — С. 6.*
4. Екимова П. *История моей семьи : [сочинение] / П. Екимова, Д. Екимова // Мегионнефтегаз-Вести. — 2000. — №44. — С. 7.*
5. Мамонтова Т. В. *Призвание — любить Родину: [очерк] // Мегионские новости. — 2004. — 18 июня. — С. 11.*
6. Шестакова О. *Север, ах этот Север, в сети свои сманил... : [очерк] // Мегионнефтегаз-Вести. — 2002. — №6. — С. 2.*
7. Юдина Э. *Эти улицы строил мой муж! : [очерк] // Мегионские новости. — 2005. — 12 июля. — С. 1.*
8. Юргенсон Т. *Сага о поэте : [очерк] // Мегионские новости. — 2004. — 23 июля. — С. 5.*
9. Юсубова А. *Китайская роза : [эссе] // Мегионские новости. — 2003. — 5 авг. — С. 2.*

МОЙ ГОРОД – МОЯ БИБЛИОТЕКА

Татьяна Котлярова

Для меня нет города роднее

Первая встреча с Мегионом, тогда еще рабочим поселком, состоялась более тридцати лет назад — в 1976 году.

Будучи студенткой Краснодарского института культуры, решила во время зимних каникул съездить к землякам. Моей романтической натуре было любопытно, что это за край — Самолор, о котором столько говорят и пишут, край «черного золота» и какие они — люди, добывающие нефть для страны...

Я и не подозревала, что в первые же часы своего путешествия буду восторгаться широтой души, теплом и отзывчивостью этих суровых с виду сибиряков...

От Краснодара до Тюмени добралась без происшествий. Теперь надо было купить билет до Нижневартовска. Встала в очередь в кассу и только тогда обнаружила, что где-то обронила те несколько рублей, которые оставались от студенческой стипендии. Сказать, что я была в ужасе и отчаянии — это ничего не сказать. Что делать в чужом городе, где нет не то что родных, а даже знакомых? Но увидев, в какой я оказалась ситуации, совершенно незнакомые мужчины, не требуя благодарности и не оставив телефона и адреса, купили мне билет. Для меня этот Поступок с большой буквы остался памятным событием на всю жизнь.

Мое путешествие в Сибирь продолжалось. Январь. Трепещущие морозы. Рейс несколько раз откладывался, и только далеко за полночь самолет приземлился в Нижневартовском аэропорту.

Опять участие проявили совершенно незнакомые люди — мегионцы, пригласив в небольшой вахтовый автобус, доставивший меня прямо до подъезда двухэтажной «деревяшки», где жили мои земляки.

Неизгладимое впечатление на меня, коренную южанку, произвела сибирская зима: бескрайние снежные просторы, искрящийся на солнце, одетый в пышную белую волшебную шубу, лес... и захватывающий дух мороз. И как я вскоре узнала, в этих нечеловеческих условиях люди вели разведку и добычу «черного золота» для всей страны. А такое по плечу только людям с сильным характером, крепким по духу, готовым мужественно терпеть лишения ради достижения великой цели. А именно такие люди и осваивали нефтяной край...

Когда заканчивала институт, вопроса, где работать для меня не стояло: только в Сибири. Знакомые недоумевали, преподаватели вуза предлагали как одной из лучших выпускниц самые комфортные вакансии, например, место на кафедре. Но я уже приняла решение. В Мегионе первым местом работы стала библиотека №1.

Потом родились дочери. По семейным обстоятельствам нужна была уехать на родину, но, как верно подметил Виктор Николаевич Козлов в очерке «Миллион алых роз», «юг тянет, а Север затягивает», и в 1986 году всей семьей вернулись в Мегион.

Передо мной встала непростая дилемма: пойти по «проторенной дорожке» и сменить профессию (родители супруга, Николай Михайлович и Дина Георгиевна Котляровы, трудились тогда в УБР) или остаться верной выбранной специальности. Я решила, что у меня должен быть свой путь, и вернулась в библиотеку. Не остановило даже то, что из-за этого немало потеряла в окладе — двадцать рублей по тем временам — значительная сумма.

В апреле 1989 года была назначена директором Централизованной библиотечной системы города Мегиона. В ту пору ЦБС находилась на самой низкой, пятой, категории. Но уже к концу года по выполнению контрольных показателей наш коллектив сумел добиться более высокой четвертой группы. Сколько же труда и усилий пришлось приложить! Оценив проделанную работу, руководство окружной библиотеки решило повысить нам группу «авансом», то есть не по результатам трех лет, как это было положено, а всего одного года. И мы не обманули их ожидания! Позже были третья, вторая категории и, наконец, самая высокая, первая группа по оплате труда. Так высоко были оценены усилия всего коллектива библиотечной системы города и моя профессиональная деятельность.

Но для всего этого потребовались годы упорного кропотливого труда единомышленников, верных своей профессии коллег, дружеское плечо и поддержку которых я постоянно ощущала. Наталья Анатольевна Никулина, заведующая Центральной детской библиотекой, Светлана Александровна Львовская, заведующая информационно-библиографическим отделом, Зоя Михайловна Кленова, заведующая краеведческим отделом, Надежда Михайловна Пырырко, заведующая Центром общественного доступа центральной городской библиотеки, Людмила Георгиевна Борисенко (сейчас уже на пенсии) — эти библиотекари стояли у истоков всех наших инноваций и начинаний. Большинство из них трудится и по сей день.

...С того зимнего дня, когда я в первый раз приехала в Мегион, минуло уже немало лет. Но и сегодня для меня нет лучше и роднее города, так как именно здесь выросли и работают мои дети, ставшие нефтяниками уже в третьем поколении, здесь родились и подрастают мои четверо внуков, старшему из которых, Алеше, уже 10 лет, а самому младшему, Сашеньке, только семь месяцев. Как сложится их судьба — это будет их выбор. Но наша задача сегодня — строить и благоустраивать наш город, наш общий дом, чтобы подрастающему поколению в нем было интересно, комфортно и безопасно.

Я уверена, что смогу им привить любовь к «малой родине», так как сама люблю эту землю, столь щедрую и прекрасную суровой сибирской красотой, готовую поделиться своими богатствами с людьми трудолюбивыми и упорными.

Нина Нечипоренко

Из истории Центральной библиотеки *(воспоминания ветерана библиотечного дела)*

В 1965 г. по направлению Ханты-Мансийской окружной библиотеки я получила назначение на работу в Мегионскую сельскую библиотеку. В то время она находилась в сельском клубе в старой части города и представляла собой довольно большую комнату, светлую и уютную с фондом в 3000 экземпляров. Шесть стеллажей, стол, несколько стульев — вот все оборудование библиотеки.

Вначале я познакомилась с документами. Отчетность, каталоги были очень аккуратно заполнены, находились в идеальном порядке. Стало сразу ясно, что в библиотеке работает хороший специалист. Безупречно оформлены книжные выставки. Через месяц, с приездом из отпуска заведующей библиотекой, началась моя новая работа.

Поселок в то время был застроен деревянными двухэтажками. Очень много было молодежи, приехавшей на освоение нефтяного края. У библиотеки уже были связи с комсомольскими жожаками геологов и со штабом «Комсомольского прожектора».

Вскоре после отъезда заведующей библиотеки я стала исполнять ее обязанности. Количество читателей возросло, и помещение уже не отвечало возросшим требованиям. Однако задача с помещением для библиотеки была почти неразрешимой. Ведь не хватало жилья, школ, детских садов. Дороги на Нижневартовск тоже не было, ее только начали прокладывать. Ударными темпами строился клуб «Геолог». В нем же открылась и библиотека геологов. Работали дружно: конференции, вечера, КВН проводили совместно с воспитателями общежитий, комсомольским активом.

Библиотека постоянно нуждалась в помощи. Управляющий СУ-12 Медведев, его заместитель по быту Б.Левандовский никогда не отказывали в ремонте, покупке литературы.

А затем нам крупно повезло. В построенном двухэтажном здании общежития для строителей открыли красный уголок. Мы стали просить там место и для нашей библиотеки. Работал тогда заместителем по быту тов. Катуненко А.И. Вопрос с библиотекой долго решался, но вдруг он к нам пришел и сказал: «Девчата, я завтра уезжаю насовсем. Вот вам ключи от красного уголка. Если за ночь сумеете переехать и занять его — значит будете с библиотекой. Если вас придут выселять, скажете, что это я дал вам разрешение на переезд».

Так за одну ночь мы из одной комнаты переехали сразу в четыре. Долго потом начальство СУ-12 удивлялось, как это нам удалось. А ведь помогали нам наши читатели — водители, рабочие СУ-12. Люди, отработав свои смены, до утра носили книги. В новом помещении стало легче работать.

50-летие советской власти мы праздновали уже в этой новой библиотеке. За хорошую работу наш коллектив получил тогда звание «Библиотеки отличной работы» и магнитофон «Юность». Председатель сельсовета Я.И.Пермитин выделил нам денег на приобретение мебели. Очень скромная была мебель, но мы радовались и этому.

Поселок строился, выросла школа, столовая, больничный комплекс, магазин «Юбилейный». Количество читателей удвоилось. Добавили еще одну штатную единицу. Пришли новые библиотекари Г.Коржевская, Н.А.Бакшеева (Куприянова). Потом Коржевская поступила в Свердловский университет. Сейчас работает в Сургуте журналистом. На ее место пришла В.Н.Лепина (Проценко).

Мегионской библиотеке, надо сказать, очень везло на библиотечарей. Это всегда были талантливые специалисты. С при-

ходом В.Н.Лепиной была налажена справочно-библиографическая работа и информационная служба.

Библиотека росла, и вскоре ей стало тесно и в этом помещении. Строительство нового здания не предвиделось, но построили дворец культуры «Прометей». Мы начали просить сельсовет, чтобы нам выделили под библиотеку старый клуб «Геолог». Вопрос очень долго решался, руководство Мегионской геологоразведочной экспедиции было против. И тогда коллектив решился на пиратский захват. У Лепиной соседка работала в экспедиции, и ключи от клуба были у нее. Мы уговорили дать нам ключи всего на одну ночь. Собрались наши мужья, читатели, просто знакомые люди и... переехали. Ключи утром отнесли. Сидим в библиотеке и думаем: «Что теперь будет?»

Утром прибыла комиссия во главе с Печориным. Очень строгий был мужчина. Вызвали председателя сельсовета А.А.Симакова, и начались дебаты: выгонять нас или оставить. А в читальном зале старой библиотеки как раз лопнула батарея. Тогда и решился вопрос, что выселять нас некуда. Так мы и остались.

Теперь у нас внизу был абонемент, в фойе, на втором этаже, читальный зал, комнаты для книг и журналов читального зала и абонемента, кабинет заведующей библиотекой. Приступили к оформлению, купили мебель, шторы. Нужно отметить, что благодаря стараниям нашей технички Т.Усольцевой в библиотеке всегда была идеальная чистота.

В 1970 г. началась подготовка к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. Нашей библиотекой за это период было организовано очень много мероприятий: беседы, информации, читательские конференции, вечера. За победу в социалистическом соревновании мы удостоились чести быть занесенными на городскую (Нижевартовскую) Доску Почета. А я была награждена медалью «За доблестный труд», «К 100-летию со дня рождения В.И.Ленина».

Работать было интересно и трудно. Трудно от того, что почти всегда не хватало денег на покупку литературы, особенно справочной. Но мы широко пользовались межбиблиотечным абонементом, что очень выручало наших читателей, особенно заочников.

При всей трудности нашего положения не было в нашей работе ни одного отказа на читательский запрос. Может, время тогда было другое. Оставались после работы, если нужно, то приходили и в выходные. Работали на чистом энтузиазме, за читательское «спасибо». О работе нашей библиотеки два раза печатал статьи журнал «Библиотекарь», были публикации в «Литературной газете», «Ленинском знамени».

В 1977 г. наша семья получила квартиру в Нижневартовске, и я сдала библиотеку Т.В.Котляровой. А с июля 1981 г. решением исполкома Мегионского Совета народных депутатов № 132 городские библиотеки и сельская библиотека СМП-227, обслуживающие взрослое население г. Мегиона, были объединены в централизованную библиотечную систему на базе городской библиотеки №1 с единым книжным фондом, штатами, бюджетом и сметой, административным и хозяйственным руководством.

Зоя Кленова

Работалось легко, весело...

Иногда спрашиваю себя: «Зачем я выбрала профессию библиотекаря?» и не знаю, что на это ответить. Сказать, что всю жизнь мечтала стать библиотекарем, не могу. Читать я любила и читала в любое свободное время — тайком на уроках, по ночам. Все повести Гайдара, «Четвертая Высота», про Гулю Королеву раза четыре, не меньше, перечитывала, подарили в пришкольном лагере и до сих пор книга хранится в родительском доме), «Повесть о Зое и Шуре» Космодемьянской, о легендарном Чапаеве, трилогию М.Горького. Помню, ревела в три ручья, когда читала про его тяжелое детство. Навсегда полюбила рассказы Чехова, прочитала, по-моему, их все. Но не это повлияло на мой выбор. До этого я год проучилась в коммунально-строительном техникуме, потом работала пионервожатой в школе. И вот листаю справочник для поступающих, натываюсь на библиотечный техникум в г. Кокчетаве (я жила тогда в Казахстане) и думаю, что это то, что мне в данный момент нужно. Учиться всего два года — и ты специалист. Высшее образование, я знала, получу обязательно, но хотелось скорей иметь диплом и работать по специальности. После окончания техникума два года я проработала в Кокчетаве — год в городской, год в библиотеке сельхозинститута. В это же время училась заочно в Кемеровском институте культуры. Затем волею судьбы оказалась в Мегионе (21 сентября 1982 г.), где и по сей день проживаю.

Вспоминаю, какое впечатление произвели на меня первые дни пребывания в Мегионе. Стояла та прекрасная пора осени, что зовется золотой, надо сказать, что осень вообще мое любимое время года, да и родилась я осенью. Меня восхитили большие леса, могучие деревья, которые стояли стеной вдоль дороги, красные гроздья рябин (в первом письме, посланном родителям, я положила веточку рябины с ягодами), река Мега, свежий ветерок с нее. Меня может понять тот, кто, как и я, до этого жил в

песках, степи и для кого 10 деревьев — уже лес. Я читала и слышала от других, что название города Мегион, реки Меги навевало что-то космическое, неземное. Точно так же и для меня в первое время оно было созвучно с именами планет — Сатурн, Марс, Венера. Я была готова спорить, что есть такая планета, или звезда по имени Мега (А может, и действительно есть?)

В центральной библиотеке, по ул. Ленина, 15, в то время работали Нина Алексеевна Куприянова, директор, Екатерина Григорьевна Завьялова (Зайцева), методист, Любовь Александровна Жигалова (Потапенко), ст. библиотекарь абонемента, Абдуллина Райса Ахиардиновна, библиограф. Отдел комплектования находился в помещении детской библиотеки по ул. Ленина, 8, и работали там Мария Ивановна Житникова и Мария Ивановна Имаева (Шевцова).

Коллектив меня встретил очень хорошо, сердечно. Проживали мы все в двух небольших комнатках в «деревяшке», на втором этаже (этот дом до сих пор стоит на углу ул. Ленина и Гагарина, и окна выходят на эти же улицы) — Екатерина Завьялова, Марина Имаева, Рая Абдуллина, Люция Гимранова (Морозова, преп. ДШИ №1) и я. Вместе работали, вместе жили.

Работали в удобное для читателей, но совершенно неудобное для нас время — с 12.00 до 20.00 ч., выходной один — понедельник.

Абонемент находился на первом этаже, как заходишь, слева. Затем, поднявшись на второй этаж, сразу попадали в читальный зал, где я и начала свою трудовую деятельность в Мегионе. Зал был большой, светлый, вдоль стен стояли стеллажи для оформления выставок, энциклопедии, периодика. Кафедра находилась у окон, что выходило на ул. Ленина, и читателю надо было пройти через весь зал, чтобы обратиться к библиотекарю.

Если стоять лицом к кафедре, то справа была дверь, которая вела в довольно просторную комнату, где стоял фонд читального зала. Там же стояли стеллажи с книгами передвижного фонда и ЦХ (так называемое центральное хранение, где собиралась отборная литература, можно сказать — золотой запас), и дальше, еще направо, кабинеты директора и методиста.

Так что, когда приходили работники из других библиотек — с отчетами, просто на прием, им приходилось проходить через весь читальный зал и хранилище. Собрания, праздники всей ЦБС проходили в этом же читальном зале. Ну и естественно, массовые мероприятия. Когда раздавался сильный топот, все — пришел класс. В то время работала техничкой Анна Андреевна — всегда было очень чисто. Я не помню, чтобы еще кто-то так убирался в библиотеке.

У нас были неплохие отношения со многими воспитателями общежитий, и мы часто проводили там различные вечера, устные журналы к датам, организовывали передвижки, пункты выдачи литературы. Рядом с библиотекой находилось общежитие «Геолог» (воспитателем там была Люция Александровна Потехина), где нас всегда с радушием встречали и с удовольствием (так нам, во всяком случае, казалось) воспринимали все наши выступления. Для нас обязательно потом организовывали чай, и мы, молодые, свободные были в центре внимания среди ребят и чувствовали себя настоящими красавицами.

Запомнился цикл мероприятий, посвященный В.Высоцкому. Из Тюменской областной библиотеки нам прислали разработку, и мы решили подготовить литературный вечер. Не было ни одного сборника стихотворений Высоцкого, только те стихи, что в сценарии. Каким-то образом в библиотеке оказалась пластинка с его песнями — «Если друг оказался вдруг», «ЯК-истребитель» и др. песни на военную тему. Мы распределили стихи: Рая читала «Я не люблю, когда мне лезут в душу...», «Мне не понять фатального исхода», я — «У микрофона», «Гамлет», Катя рассказывала о Марине Влади. С этим мероприятием мы прошлись по всем общежитиям города («Геолог», «Автомобилист», «Строитель», «Разведчик», приглашали школьников в библиотеку. Я не знаю, как теперь это можно объяснить, — нас слушали! Взрослые парни, мужики — нас, троих девчонок-библиотекарей. Мы читали звенящими от волнения голосами, еле сдерживая слезы, ставили пластинку с не самыми популярными среди молодежи песнями (у всех были магнитофонные записи с хриплым голосом Высоцкого), и у нас было огромное желание донести это до всех. Мы тогда сами открыли для себя Высоцкого и хотели показать его как поэта — с большой буквы. Ведь тогда мало кто знал о нем, не было никакой информации — лишь некачественные записи песен, фильм «Место встречи изменить нельзя» и все, про Таганку мало кто знал.

Еще одно мероприятие вспомнилось — устный журнал, посвященный 40-летию снятия блокады Ленинграда. Журнал состоял из четырех страниц, готовили его я, Катя, Рая и Люба. Рассказывали о живых свидетелях и участниках блокады, зачитывали отрывки из дневника Тани Савичевой. Мы ставили пластинки с военными песнями, «Блокадной симфонией» Д.Шостаковича. Начиналось мероприятие с песни «Священная война», сразу устанавливалась тишина, и мы важные, торжественные проникновенно начинали рассказывать.

Готовили мероприятие мы всегда с удовольствием, не считали это какой-то обязаловкой, дополнительной нагрузкой, репетировали дома, благо — все вместе жили. Выставки мы тоже

оформляли сами, фантазировали, придумывали шрифт, художника в штате не было. И работалось легко, весело.

Почему-то вспомнилась смерть Брежнева, выставка, где находились все его труды, портрет из газеты «Правда» в черной рамке. Потом каждый год такие же выставки — Андропова, Черненко.

Весной, в конце апреля 1983 г., мы с Катей Завьяловой на поезде поехали в Сургут за библиотечной мебелью. Нам надо было разыскать ее там, погрузить в вагон и отправить. И додумался же кто-то послать нас перед праздником и даже, кажется, в выходной день. Приехали в одно место, оказывается, надо в другое. Какие-то накладные, доверенности, а начальства нет, отгрузить никто не может без подписи начальства (как там у Жванецкого). Вызываем, уговариваем по телефону и тут на станции, теряем друг друга, голодные, уставшие, заплакавшие. Ночевать пришлось в какой-то гостинице, слава богу, там оказалась душевая, где можно было помыться горячей водой, согреться, отдохнуть. На следующее утро доставили вагон большущий, и наша вся мебель где-то там, в углу затерялась, над нами еще вдобавок по этому поводу поиздевались. В погрузке, конечно, тоже пришлось поучаствовать. Зато потом — счастливые, с чувством исполненного долга, едем на вокзал, садимся в вагон, чуть ли не с флагами, знаменами и шарами — 1 Мая!

Второй раз мне пришлось съездить в Сургут за мебелью уже при Н.П.Залоговой в 1985 г., осенью на крытой машине. Было гораздо легче: во-первых, уже знала, где что находится, во-вторых, со мной был мужчина-водитель, который взял на себя всю погрузку-выгрузку.

Нина Алексеевна Куприянова, наш директор, была очень добрым и заботливым человеком. Она помогла выбить комнату в малосемейке в МУ-18 Масловой Хусне. Позднее вагончик в том же МУ-18 для Пырырко Надежды. Надя приехала в Мегийон в августе 1983 г., закончив культпросветучилище в Салехарде, по распределению. Некоторое время она прожила с нами. В МУ-18 в вагончике разместилась библиотека ВНФО (Внестанционная форма обслуживания), и она стала заведующей передвижками. Там же впоследствии ей выделили жилой вагончик.

Вспоминается один смешной случай того времени: мы с Раей Абдуллиной решили сделать себе химическую завивку. Парикмахерская тогда была одна на весь город. Выходной, как и у нас, в понедельник. На завивку времени надо порядком. Рассчитывали, что до 12-ти уложимся, но была очередь, и чувствуем, что не успеваем. Но ничего уже не сделать, химзавивка — это такой процесс, что в любом случае его надо доводить до конца. Я решительно

пропускаю Раю вперед, она приходит в библиотеку с опозданием минут на 40, я на час с лишним. Нина Алексеевна сидит за столом, Катя рядом, а мы с Раей, обе кудрявые, ничего не говорим — и так все понятно. Можно догадаться, чем все закончилось — сдержать смех, глядя на нас, было невозможно. Нина Алексеевна проработала директором до весны 1994 г. Еще с год она проработала в библиотеке СУ-920 и затем уволилась. Сейчас она на пенсии, ухаживает за престарелой матерью, нянчится с внуком.

Любовь Сидоровна Митрофанова, будучи в то время зав. отделом культуры, очень хотела, чтобы место директора ЦБС заняла Екатерина Григорьевна Завьялова, методист. Но Екатерина в то время только вышла замуж, собиралась стать матерью и не решилась на такой шаг: занять должность директора и уйти в декрет. Посчитала, что со стороны это будет выглядеть не очень красиво и честно.

Директором назначили Наталью Петровну Залогину, заведующую филиалом №1. Она заочно училась в Тюменском институте культуры (в то время филиал Челябинского ИК). К осени 1985 г. мы переехали в новое здание по ул. Садовой, 16/1, где в настоящее время находится детская библиотека №2. На тот момент Завьялова Екатерина и Потапенко Любовь Александровна были в декретном отпуске, Вера Трушникова (Меркель) собиралась в декретный отпуск, Рая Абдуллина уволилась (потом, правда, быстро вернулась), Наталья Петровна отсутствовала: отпуск, сессия. Я практически осталась одна. На меня насаждают: надо срочно перевозить весь фонд, геологам требовалось общежитие. Приходилось до позднего вечера, иногда до 10–11 часов ночи увязывать, паковать в мешки книги, потому что утром надо было грузить их на машины и увозить в новое помещение. Для помощи в погрузке и выгрузке привлекали 15-суточников, утром я забирала их из милиции, расписывалась, вечером возвращала. Мужчины, в общем-то, были неплохие, помогали очень добросовестно, не подводили. Иногда отпрашивались сбежать домой или в магазин, отпускала под свою ответственность, и ни разу не было такого, чтобы подвели. Помогали и учащиеся первой школы. Мебели еще не было, ее привезли позднее, книги приходилось складывать на полу.

Вместе с нами в новое здание перебрался и отдел комплектования. В то время там работали Марья Ивановна Житникова, Марина Шевцова работала зав. филиалом №1 до лета 1986 г. Там она познакомилась со своим будущим мужем. После декретного отпуска она снова вернулась в отдел комплектования редактором, где работает и по сей день. Мы быстро смогли расставить книги по полкам и стали обслуживать читателей в новом помещении. К нам пришли новые работники — Львовская Светлана (в девичестве Целикова), Губернаторова (Селиванова) Та-

тьяна, Эмилия Васильевна Молоткова (Кабакова), Рая Удовицкая в марте вышла замуж, весной 1986 г. вышли из декретного отпуска Екатерина Зайцева, Потапенко Любовь – в отдел комплектования. В сентябре устроилась на работу Котлярова Татьяна Владимировна, начала принимать у меня фонд – я собиралась в декрет. Для быстроты она предложила на каждую книгу писать контрольки и потом уже сверять их с инвентарными книгами и учетным каталогом. Проверка фонда была очень кстати, т.к. позади был переезд, и за то время, что я проработала (с 1982 г.), фонд ни разу не передавался и не проверялся.

В июле 1988 г. я вернулась из декретного отпуска. К этому времени директором ЦБС была уже Татьяна Котлярова. Коллектив обновлялся, приходили новые работники, уходили старые.

...Библиотека работала до восьми, затем до семи часов вечера, суббота и воскресенье были рабочими днями, и Татьяна Владимировна, ввиду того, что у меня маленький ребенок, предложила работать на передвижках. Надежда Пырырко перешла работать в детскую библиотеку №2, заведующей которой была Борисенко Людмила Георгиевна.

Я с теплотой вспоминаю маленькую библиотечку в МУ-18. До этого я никогда не работала с детьми, а тут читателями были и взрослые, и дети. Для них библиотека была единственным местом, где можно было не только взять книги, но и пообщаться друг с другом, поделиться новостями. Они очень долго вспоминали Надежду Михайловну – как рисовали, делали какие-то поделки, участвовали в сценариях. Мне кажется, со мной им было уже не так интересно. На передвижке АБ-12, в основном, были взрослые читатели, и там чувствовалось, что рядом производство, все быстро, на бегу.

В жилгородке МУ-18, как в маленькой деревне, многие женщины не работали, и детей было много. Позднее, когда я работала уже в ЦГБ, они повзрослевшие, приходили ко мне в читальный зал.

БИБЛИОТЕКА В МОЕЙ ЖИЗНИ *(Из воспоминаний читателей)*

Елена Храпова

Литературные встречи

Библиотекари для читателей – это проводники в бескрайнем книжном мире, они следят за книжными новинками и в

художественной, и в научной литературе. Они могут подсказать, что интересного издано, что нового написано на любимую тему.

А для меня мегийская библиотека дорога тем, что здесь нередко проходят встречи с писателями, живущими в нашем крае и приезжающими издалека. Конечно же, самый близкий и доступный для мегийцев писатель — это Виктор Николаевич Козлов. Каждую его новую книгу библиотекари встречают с радостью и пропагандируют среди читателей.

И именно библиотека приютила литературный клуб, в который вошли начинающие поэты города. Возник он вроде бы случайно из небольшой группы любителей поэзии, которые собирались в библиотеке поговорить, послушать друг друга. Которую из тех встреч следует считать днем рождения клуба, уже и не определишь. Постепенно, под опекой директора ЦБС Т.В.Котляровой и члена Союза писателей России В.Н.Козлова вечерние посиделки за чашкой чая переросли в серьезные почти деловые встречи, на которых шло обсуждение стихов мегийских авторов, разгорались нешуточные споры о том, как можно писать, а как нельзя. Клуб перерос в литературное объединение «Логос».

Благодаря поддержке и постоянной помощи библиотек энтузиасты «Логоса» стали организовывать встречи литераторов округа и литературные семинары, где увлеченные литературным творчеством молодые и не очень молодые жители округа общались между собой, обучались азам мастерства у приглашаемых на семинары маститых писателей.

Любопытно, что первая встреча начинающих писателей из городов Нижневартовск, Радужный, Лангепас, Покачи и, конечно же, Мегийона в феврале 1999 года была спонтанной, почти неожиданной для нас самих. Вдруг родилась идея, что нам нужно видеть друг друга, обзвонили знакомых — и собрались! Встретились здесь — в центральной библиотеке Мегийона. Ну кто бы еще, кроме библиотекарей, согласился принимать у себя такую, слегка сумасшедшую компанию людей, неизлечимо больных любовью к литературному творчеству?

На той встрече мы поняли, как интересно и как важно нам общаться между собой, обмениваться идеями, учиться мастерству. И было принято решение через год провести настоящий литературный семинар. И вот в феврале 2000 года состоялся Первый Региональный литературный семинар, ставший событием не только для города, но и в целом для округа, ибо он был первой ласточкой, примером, после которого региональные семинары стали проводиться и в других территориях округа. Ру-

ководителями первого семинара были поэт, главный редактор газеты «Литературная Россия» Владимир Еременко (г.Москва); литературный критик, главный редактор журнала «Мир Севера» Вячеслав Огрызко (г.Москва); главный редактор журнала «Тюмень литературная», поэт Николай Денисов (г.Тюмень); ответственный секретарь окружной писательской, прозаик Николай Коняев (г.Ханты-Мансийск); поэтесса Мария Вагатова (г.Ханты-Мансийск), прозаик Сергей Луцкий (г.Нижневартовск). Участниками семинара были члены литературных объединений из Нижневартовска, Мегиона, Покачей, Радужного. Руководители семинара, повидавшие много подобных мероприятий на своем веку, были довольны высоким уровнем организации, благодарили нас за хороший прием. Мегион заслужил такие добрые слова только благодаря неутомимым библиотекарям, которые следили за каждой мелочью, помогали во всем.

Потом, в 2002 году на базе библиотеки состоялась новая встреча литераторов нижневартовского региона с членами Союза писателей, поэтами Николаем Шамсутдиновым (г.Тюмень) и Сергеем Сметаниным (г.Сургут). И снова эта встреча состоялась в библиотеке. Где же еще?

2004 год для литераторов Мегиона снова подарил встречу с мастерами слова, как уже стало привычным — в конце февраля здесь прошел Второй Региональный литературный семинар.

Поэты, про которых можно смело сказать, что они входят в элиту современной российской поэзии, — Сергей Семянников из Челябинска, Николай Шамсутдинов из Тюмени, Иван Клиновой из Красноярска приехали к нам, слушали наших талантливых и не самых талантливых рифмоплетов, давали оценку, делились секретами мастерства. Им внимали, спорили с ними (а как же иначе?) увлеченные поэзией жители Мегиона, Лангепаса, Нижневартовска и всего одна молодая поэтесса из г. Покачи Юлия Колбенева. В секции прозы работали Сергей Луцкий, Николай Коняев, Виктор Козлов. Начинающие прозаики из Мегиона, Нижневартовска, Радужного представили на их суд свои рассказы, повести, критические эссе.

Проведение семинара — дело очень хлопотное и утомительное, но несмотря ни на что, мы справились. Справились благодаря огромной поддержке библиотекарей во главе с директором ЦБС Т.В.Котляровой.

Не могу представить, как бы литературный клуб мог существовать без доброй помощи и даже опеки со стороны библиотекарей.

Когда книга помогает выжить

В ноябре 1975 г. я приехала с двумя детьми в Мегион к мужу, который работал по вызову в КММУ (Комсомольско-молодежное монтажное управление) мастером-строителем. В конце декабря у меня родился третий ребенок. Осенью 1976 г. прочитав объявление, что требуется техничка в детскую библиотеку, я устроилась на работу. Библиотечная практика у меня небольшая: мыла полы, ходила по задолжникам, помогала обслуживать читателей, участвовала в мероприятиях. Так как я педагог по образованию, имела опыт работы с детьми, мне несложно было находить с ними контакт, да и свои дети были маленькие. Так я проработала до января 1978 г.

Чтение очень многое дает. В жизни человек будет более устойчивым, уверенным, если читает. В моей судьбе книга, любовь к чтению сыграли едва ли не самую главную роль.

В свое время я закончила пединститут в Йошкар-Оле. Работала до приезда в Мегион учителем литературы, три года завучем. И будучи студенткой, и учителем вела очень активную жизнь, была всегда в центре внимания — пела, участвовала в конкурсах, писала стихи, занималась спортом. И когда со мной случилась беда, я была очень потерянной, не знала как жить дальше. Осталась одна с тремя детьми, слепая, беспомощная, в это время ушел муж. Я филолог по образованию, мне постоянно нужны книги, нужно много читать, а тут книги отошли от меня, я лишилась главного — информации, все время плакала. О моей беде узнали в Йошкар-Оле мои бывшие ученики, к тому времени студенты 3 курса, предложили устроить детей на лето в лагерь, где сами работали вожатыми. Все это время я жила с маленькой дочкой в общежитии. Они как могли старались меня подбодрить, от руки переписали всего Э.Асадова, с книгами тогда было плохо. Потом эта книга долго ходила по рукам в Мегионе, и кто-то мне ее так и не вернул, о чем я до сих пор сожалею.

Очень помог мне куратор института — он написал письма в «Учительскую газету» и «Труд», в которых изложил все, что со мной случилось. Представители этих газет побывали в Мегионе, встретились со мной, с властями. Мне дали трехкомнатную квартиру, отправили на конференцию слабовидящих в Ханты-Мансийск, где я впервые оказалась среди таких же слепых. Но в то время я находилась в ситуации, когда уже не могла общаться со зрячими, как раньше, и еще не чувствовала себя своей среди слабовидящих и слепых. И вот сижу, плачу, подходит ко мне какая-то женщина, утешает, что все получится, ШВТС поможет.

Я еще не знала тогда, что так называется Школа для реабилитации слепых в г. Бийске, где я проучилась полтора месяца с декабря 1980 по январь 1981 г. Там влилась в коллектив таких же, как сама, там научилась читать и писать по-Брайлю, свободно ориентироваться. Там и Новый год встретила. И если в поездке в Бийск меня сопровождала работница областной библиотеки для слепых г. Тюмени, то обратно я ехала сама.

Возвращалась я другим человеком: всю дорогу «писала» стихи, пела. Первая прочитанная по-Брайлю книга — «Олеся» Куприна, потом «Суламифь», «Ася» Тургенева. Мне казалось, что мир снова раскрылся передо мной, раздвинулся — это не четыре стены, в которых я находилась, что я теперь все смогу. Я стала получать книги из Москвы, Тюмени. Частично замещали чтение радиоспектакли, потом «говорящие» книги.

Очень хотелось работать, научить других тому, чему научилась сама. В 1984 г. поехала в Москву на прием к В.Терешковой. Она внимательно выслушала меня, передала большой пакет для администрации. Пересмотрели мое дело, заменили группу — раньше была инвалидность по общему заболеванию, теперь дали инвалидность по зрению.

В 1986 г. в Сургуте была образована окружная школа для слепых при содействии Межобластного центра г. Свердловска (сейчас «Реабилитационный центр и школа для обучения слепых») Я прошла обучение и с 1988 г. начала работать — Сургут, Ханты-Мансийск, Нижневартовск, везде я успела побывать. Но не хватало специального образования, и в 1990 г. я поступила в институт коррекционной педагогики при Российской Академии образования, где проучилась несколько лет и получила три диплома: первый — тифлопедагога, затем педагога-дефектолога и организатора учебного процесса.

В настоящее время я обучаю детей в школе для слепых в Нижневартовске, есть несколько учеников в Мегионе. Очень люблю свою работу, считаю ее творческой. Более интересно работать с детьми, которые слепы с рождения. У них очень примитивный мир, рука ребенка на моей руке. Объясняешь, к примеру, выражение «присесть на корточки» и садишься с ним, встаешь «на цыпочки». Он может рассказать как орел падает (камнем), но показать — как летит, как падает, кидается на жертву — не может. Это «вербализм» — употребление вычитанных фраз, понятий, не совсем понимая его настоящего значения. Вот метафора «как серебром ...» — ребенок не понимает, хотя знает что такое серебро. Это все равно как, допустить, описать невесомость, не испытав ее, не побывав в Космосе.

С библиотекой у меня сложились очень хорошие отношения. Я часто бываю на мероприятиях, поэтических вечерах, участвую

в семинарах по работе с инвалидами, просто обращаюсь. Мне никогда ни в чем не отказывают. С Надеждой Степановной Бойко и с Зоей Михайловной Кленовой записали несколько кассет с литературными произведениями, необходимыми мне для работы, пользуюсь «говорящими» книгами, получаемыми из областной библиотеки для слепых, беру журналы, которые выписывает центральная библиотека — «Наша жизнь», «Школьный вестник», «Литературные чтения», напечатанные брайлевским шрифтом. За любой справкой, необходимой информацией обращаюсь в библиотеку, и никогда не бывает отказа. Я вообще не понимаю, как можно без библиотеки обходиться. Это же такой кладезь мудрости и такая поддержка в трудные минуты жизни.

ЭТЮДЫ О ПРИРОДЕ

Дмитрий Шлябин

Орлы, прилетайте к нам!

«Сегодня с педагогом группы были у орлиного гнезда. Раньше наблюдали птиц издали только в бинокль. Сегодня старые птицы увели молодого орла в небо, в первый полет. Мы обследовали место под гнездом. Нашли: кусочек змеиной шкуры, голову щуки, серый мех какого-то грызуна. Орлы, прилетайте к нам!»

(Запись в дневнике юного эколога клуба «Феникс». 18 июля 1999 г.)

В начале апреля, когда едва появляются первые проталины, а теплый южный ветер приносит запах сырой земли, молодой травы, увидишь вдруг в небе силуэт огромной птицы, с неспешным чередованием взмахов сильных крыльев, с парением на восходящих потоках воздуха. Эту птицу знают все. Да, это орлы вернулись в родные края, чтобы вывести потомство. Именно эти птицы — наши первые вестники весны. За ними появляются — вороны, скворцы, в середине апреля — лебеди, гуси, утки. А к концу мая со многих уголков земли — Европы и Азии, Африки и даже Америки и Индостана — вернутся к нам в Приобье около 150 видов птиц и наполнят наши просторы жизнью, движением, криками, веселыми песнями. Пернатый мир! Орлы в этом мире признанные царь-птицы.

Прилетает к нам орел (орлан-белохвост, занесенный в «Красную книгу») с места зимовки из районов Средней Азии, чаще всего в последних числах марта. Перед длительной дорогой он набирает много жира, отъедаясь на сусликах, сурках и прочих грызунах. При затяжной северной весне корм добывать не просто, на лугах ещё много снега, и все же орлы прилетят домой в

срок и будут подправлять гнездо новыми сучьями. Так повторяется из года в год. Прилетели орлы на луга и весной 2000 года, только гнезда своего на дереве не нашли... Но по порядку.

Ближайшее гнездовье орла вот уже более 20 лет находится от города Мегиона на расстоянии 7 км, в глубине сора на о. Лекрысово. Издалека виднелось в осиннике гнездо хищных птиц. Мегионцы это место называли так: «У орлиного гнезда». То ли ветровал, то ли весенние пожары причиной тому, но с годами осинник поредел, стал мельче, корявее, гнездо свалилось, и птицы перебрались поближе к Оби. Трижды меняли они место жизни, пока не загнездились в старом топольнике у цепи заливных озер ручья Тягор-Мугор, на территории «воспроизводственного участка». И не случайно! На охраняемой территории «фактор беспокойства» минимальный, охота, а так же проезд на моторных лодках в водоемы во время нереста рыбы и гнездования уток здесь были закрыты на 10 лет. Обилие зайца на соседнем острове Смольном, ондатры, грызунов, птиц в округе, но главное — рыбы по цепи озер давало возможность вот уже более 10 лет выводить и выращивать молодых орлов. Вырастает в гнезде чаще один птенец. Долгие 55 дней самка насиживает 2–3 яйца, затем 2,5 месяца родители кормят птенца до вылета. Отсюда объяснение столь раннего прилета орланов к гнездовью.

Птицы привыкли к присутствию людей, за 2 км от гнезда расположилось несколько крестьянско-фермерских хозяйств. Именно эти люди занимались охраной природы, они наиболее заинтересованы в богатстве земли, взятой в частное пользование. Опасения, что орлы будут таскать домашних гусей, кур не оправдались.

Прилетел орел домой, а гнездо на земле на поваленном дереве, да и сам гнездовый участок «прошит» высоковольтной линией — энергоснабжение для разработки Северо-Ореховского месторождения «Восточный купол», которая «шагнула» через Обь, через остров Смольный, через пойму до протоки Кирьяс.

Запасы нефти в пойме геологи обнаружили в 80-е годы. Разработка месторождения предстоит в пойме, густо населённой дикими видами животных и птиц, затопляемой на 1,5 месяца. Обустройство месторождения должно проводиться в зимний период. Право разработки получило СП «Соболь», зарекомендовавшее себя как наиболее экологически чистое.

Институт природопользования г. Нижневартовска учел все нюансы при обустройстве месторождения, например, при проведении дорог через ручьи, речушки. Где-то можно обойтись засыпкой снега, а где-то необходимы капитальные мосты. Надо отдать должное, при проведении временных дорог предприятие не помешало проходу рыбы на нерест ни в одном ручейке, исто-

ке: снежные переправы растаяли, грунт и трубы из ручьев весной были извлечены. Девиз предприятия — «Не навреди».

Но вот так получилось, что линия ЛЭПа прошла ровно над деревом с орлиным гнездом. То ли охотоведы не предоставили подробной информации, то ли маркшейдер при прокладке визирки на вездеходе взял за ориентир далеко виднеющееся зимою гнездо. Спихватились позднее, когда начали вбивать рядом с деревом сваи под опоры. Старались ненароком дерево с гнездом не свалить. Но птицы не должны жить под высоковольтными проводами. В охотоведческой литературе описаны подобные случаи, исследовано их отрицательное воздействие на кладку: птенцам не суждено будет появиться на свет. Мощные электромагнитные волны, идущие от проводов, воздействуют на скорлупу, изменяют её молекулярную структуру — она становится преждевременно хрупкой, и самка буквально давит свою кладку.

До прилета орлов оставалось две недели...

Как поступить с гнездом, которое столько раз давало жизнь молодым птенцам, стало гордостью «Воспроизводственного участка» да и многих мегнионцев, кто держал в руках фотоаппарат, видеокамеру? Вели наблюдение за гнездом юные экологи (разумеется, в последние недели перед вылетом птенца). Пришлось просить рабочих убрать дерево. Не раз я глядел на поверженное дерево с птичьим домом, в голове были невеселые мысли: не покинут ли орлы свой гнездовой участок. Вот поселятся где-то, и не увидишь в небе над городом их величественный полет... В то же время хотелось верить, что осторожные птицы за многие годы привыкли к людям, привыкнув и к измененному ландшафту.

И вот в начале апреля в небе показался знакомый силуэт. На реке поверх льда выступила снеговая вода, зимник был давно закрыт, до ледохода еще не менее месяца, но так хотелось узнать, где поселяется орланы. На снегоходах, разбрызгивая мокрый снег, грязь, добрались наконец-то до знакомого места.

Птиц мы увидели издали. Метров за 50, в стороне от поваленного дерева с прежним гнездом, на старой ветле в развилке сучьев орланы соорудили новое, оно было уже не менее полутора метров в диаметре. Самка (она крупнее самца) сидела на гнезде, самец наблюдал за нами чуть поодаль с макушки сухого дерева, со своей постоянной засидки, при этом звонким клекотом предупреждал её о чужаках.

А в конце лета над лугами Тягор-Мугора вновь парили три орлана. Кажется, родители знакомили поднявшегося на крыло птенца с землей, которая его вскормила. Пройдут долгие пять лет, прежде чем молодой орлан покроется пером взрослой птицы, выберет подругу и, однажды вернувшись на родину, начнет строить свое гнездо!

Избушка на Лапчатой речке

До постройки избушки я около десяти лет охотился и рыбачил в этом месте. Находится оно в пойме реки Куль-Еган и называется Лапчатая речка — так называют ее старожилы Мегиона. Расстояние от избушки до Куль-Егана около 4 километров.

Место замечательно тем, что в нем сочетается таежный уголок с пойменной частью реки. Такие места богаты дичью и рыбой. Всего в километре от избушки находится озеро, где ловятся трехкилограммовые караси, рядом клоквенное болото, кедрач. Неподалеку, в завалах старого горельника, залегают на зиму медведи. В пойму речки приходят телиться лосихи, а в летнюю жару на разливах они спасаются от гнуса. Тетеревиный ток в трехстах метрах. В половодье на разливе ловится любая сорная рыба: щука, окунь, карась, язь, сырок.

Избушку решил построить — надоело каждый раз спать в палатке на земле. Строительство в одиночку заняло неделю. На седьмой день затопил печку. Зимой здесь даже в сорокаградусный мороз тепло. Чтобы ночью ежечасно не вставать и не подкладывать дрова в печь, использую не колотые сырые березовые чурки, которых хватает до утра.

Ручей, протекающий возле избушки, не замерзает зимой даже в самые лютые морозы. Видимо, на болоте, откуда он вытекает, бьют теплые ключи. Место оказалось замечательное, уютное.

И таких мест, таких пристанищ по Куль-Егану великое множество. Да и не угас еще в людях дух романтики и авантюризма, желания побыть одному на природе, испытать себя на прочность как в физическом, так и в моральном плане. Находясь долгое время в таких местах, я заметил, что рыбаки и охотники все чаще стали брать с собой в лес детей. Приятно осознавать, что навыки, которые мы получили от своих родителей, не уйдут в небытие. С двухлетнего возраста мой сын Андрей со мной в лесу. Осваивает секреты природы. При каждой возможности беру его с собой. Комаров, темноты и глухомани он уже не боится.

Зимняя сказка

Зима в наших краях — суровое время года. Но насколько она сурова, настолько же красива и привлекательна. Короткие дни и длинные ночи. Резкие перепады температуры, сильные снегопады

и метели, солнце и дневные сумерки — это так необычно и разнообразно. Идеальное время года для активных людей проверить свои физические силы и возможности. Лыжные и пешие прогулки, езда на снегоходе, катание с горок, рыбалка, охота и многое другое, что только может предложить человеческая фантазия.

Для меня особенно привлекательным занятием стала езда на снегоходе. Покрываются огромные расстояния, которые летом не могут и присниться. Такие просторы и горизонты подвластны только зимой. Пейзажи сменяются один за другим. В пойменной части рек большое разнообразие красок. Солнечные лучи на рассвете и на закате преломляются, краски переливаются от теплых красных и оранжевых тонов до холодных голубых и фиолетовых. Снежная целина притягивает взгляд. До самого горизонта снег и снег.

Поет двигатель снегохода. Движение вперед и время делают свое дело и горизонт приближается. В такие минуты очень хорошо думается. Вспоминается далекое детство, когда доступными были только лыжи да иногда отцовская лошадь, запряженная в сани. Конечно, скорости тогда были другими, но ведь и потребности были соответствующие. И только состояние души было такое же, как и сейчас.

Ничего не отвлекает от созерцания природы, которая в сонном состоянии прекрасна по-своему. Иней на деревьях напоминает сказочные пейзажи. Трудно оторвать взгляд от такого зрелища. Стая тетеревов, решив подкормиться, расселась на берегах, обрушив вокруг себя иней с ветвей. Усердно работают клювами, поедая почки, и только один сторож не отвлекается на еду. Зорко следит он за человеком на тарахтящей машине, пытается до последнего не подавать сигнал тревоги своим собратьям. И только когда расстояние между человеком и тетеревами сокращается, по мнению сторожа, до критического, вся стая срывается, как будто скатываясь с горки. Вспархивая крыльями, они перелетают на безопасное расстояние.

Но вот раздумья прерывает маленькая, едва заметная точка на горизонте. Эта точка движется. Поворачиваю к ней и прибавляю газу. Через пару минут точка превращается в огненно-рыжую лису. Не опасаясь увидеть человека в своих охотничьих угодьях, лиса полагает, что успеет вовремя скрыться при появившейся опасности. Но не тут-то было. Снегоходу ничего не стоит догнать рыжую плутовку. Лиса удирает что есть мочи от воняющей тарахтелки. Пытается разными способами скрыться, обмануть страшную опасность. То резко поворачивается и бросается бежать в противоположную сторону, то пытается улизнуть в лес. Я, наконец, оставляю её в покое и продолжаю путь в прежнем направлении. Лиса, не веря своему счастью, отбегает

еще на несколько метров. Останавливается и пытается осознать, благодаря чему ее прекрасная шубка осталась при ней.

Короток зимний день. Солнце уже начинает клониться к закату. Пора двигаться к теплу, к ночлегу. Хорошо, когда есть поблизости теплая и уютная избушка. От печки идет приятное тепло. Кишит чайник. Потрескивая, горит керосиновая лампа, распространяя по избушке желтоватый теплый свет. И опять все мысли улетают в детство. Усталость, сытость и тишина делают свое дело. Приходит сон. Мягкий и пушистый, как снег. Крепкий и восстанавливающий. Дающий силы и здоровье. А утром чистка и заправка снегохода и опять новые впечатления, новые горизонты.

Дарья Ярушина, 14 лет, школа №4

Моя Родина

Моя Родина... Эти два слова вертелись у меня в голове, когда я собирался в лес, в тайгу, в глухомань, в дебри непролазные. И как же они были не к месту! Казалось бы, думать надо совершенно о другом. О том, например, взял я с собой лыжи или нет. ...Кстати, а я их взял? Нет? А почему? Вот что бывает, когда сосредоточиться мешают всякие посторонние мысли.

В самый последний момент я выложил из кармана деньги на автобус. Зачем они мне, если погода прекрасная, мороз и солнце, и пушкинский «чудесный день», и... если вполне можно прогуляться пешком.

На лыжах до посёлка Высокий — полтора часа. Там надо спуститься к реке, перейти её и забыть, что совсем рядом, километрах в пятнадцати, шумит цивилизация. Правда, забыть получается не всегда, особенно если встречаешь где-нибудь в глухом бору не любителя-путешественника, а, к своему огорчению, никак не вписывающийся в пейзаж, исторгающий выхлопные газы огромный внедорожник и уже брошенную кем-то, лежащую рядом бутылку. Но пока я этого не увидел, всё замечательно. Снег хрустит под лыжами, впереди огромная полынья с ледяной водой. И хотя декабрь, но когда идёшь по реке, — и жутковато становится, и весело — а вдруг лёд не выдержит?

На другом берегу жизнь бьёт ключом. Белки, сороки, синицы... Реже снегирь встречается, не любит он северных морозов.

Обхожу табличку с надписью «Родовые угодья». Опять хулиганят. Нет тут никаких угодий. Но всё равно приятно, как будто я — в настоящей тайге. А в тайге я был, надо вам сказать. После холодной ночёвки насчитал пять цепочек свежих медве-

жких следов вокруг костра. Здесь-то уж медведи не водятся (не факт, конечно, но надо же мне выполнить свой авторский долг — успокоить читателя).

...Я перекинул через плечо связку ремней с нанизанными на них котелками и термосами, взвалил на спину рюкзак и двинулся вдоль берега.

И вдруг увидел оленя!

Я бросил всё! Я побежал за ним — на лыжах, по ухабам! ...Безрассудно, конечно, но это, может быть от того, что я знаю — не бывает тут поблизости этих прекрасных животных... Я бежал долго — то теряя оленя, то снова нападая на след. На самом крутом обрыве притормозил, но, увидев впереди мощные ветвистые рога, ухнул вниз не раздумывая. И, конечно, сорвался, и покатился кубарем с горы! Всё смешалось, всё стало белым, колючим и холодным, как снег, в который я упал... И который пошёл с неба...

... Я лежал, утопая в мягкой снежной перине. Белые хлопья кружились надо мной, спускались вниз и таяли на лице. Я поднял глаза вверх... И понял! Понял, что этот кусочек неба, эта поляна, этот снег и деревья — и есть моя Родина! Это — МОИ родовые угодья.

... Смеркалось. Последний раз полыхнули на небе багровые языки зарницы. А я лежал. И мне было уже совершенно всё равно — был настоящим олень, заманивший меня сюда, или он мне только что приснился.

Елена Козлова

Как Аленка играла с медвежонком

Хозяин леса — мишка — шутки не шутит. А с медведицей встретиться, да когда она с медвежонком маленьким, еще опаснее. Но случилась со мной история, в которую никто не верит, сказкой считают.

Любила я маленькой в выходные дни с родителями выезжать в лес, на природу. Однажды в тёплый денек папа с мамой и их друзья оживлённо беседовали на полянке, обсуждали, стоит ли уже вернуться домой или ещё поискать грибы и ягоды. Я рассматривала жучков, которые ползали по цветкам и травинкам, а потом побежала за бабочкой с чёрными крылышками с белой каёмочкой.

Так и получилось, что очутилась я в лесу одна. Бабочка-красавица исчезла, я пошла назад, но полянку не нашла. А вместо этого через поредевший заслон из деревьев увидела блеск воды и осторожно вышла к маленькому озеру. Я стала смотреть на весёленькие жёлтенькие кувшинки. Потом услышала шорох

недалеко в кустах и увидела, как на бережок из них выбежал ребёнок — странный, чумазый да ещё в лохматой коричневой шубе. «Может, это цыганёнок? — испугалась я. — И зачем я с полянки ушла!». Слёзы текут по горячим щекам, всхлипнула, не удержалась. А мальчик услышал, оглянулся, поскользнулся, чуть в воду не упал в своей шубе дурацкой. В нескольких шагах остановился, спросил что-то, я не поняла слов, но тон был вполне дружелюбный. Я спросила, кто он, боясь услышать в ответ, что цыган. Мальчик молча махнул рукой в сторону озера и кивнул головой, приглашая с собой. А сам, представьте, в озеро полез в одежде. Я засмеялась, а он зарычал тихонько и машет — купаться приглашает. Я головой отрицательно покачала. Он вылез и стал отряхиваться. Забрызгал меня, а брызги холодные, как будто колючие. Я подумала: вот смелый, не боится, что взрослые изругают за такое поведение! И вот интересно, когда он меня обрызгал, а потом позвал играть, я его речь без труда поняла. Бороться отказалась, а играть мы стали в догонялки, потом в блинчики — камешки в воду бросали и считали, у кого сколько раз они из воды выскочат.

В кустах опять зашуршало, и к озеру вышла тётенька в шубе, как у моего друга. Миша закричал своей маме, что играет с человеком. Я удивилась: с каким ещё человеком, ведь знает, что моё имя Аленка?! Мама его сердито заворчала издали, Миша повесил голову обиженно, плечи опустил и медленно подошёл к ней. Мать поговорила с сыном, мальчик оглянулся, посмотрел на меня, вздохнул и ушёл. В лес.

Опять стало страшно. Тётка в шубе вдруг встала на четвереньки, но ростом оказалась ещё больше, чем когда стояла на ногах. Я увидела, что теперь это не тётка, а большущий медведь. Собралась закричать, но услышала: «Тихо, Алёнушка, Хозяин тайги не любит шума, обидеться может и тебя обидеть». Кто здесь ещё?! Ощутила себя внутри доброго облака. Меня как будто кто-то ласково взял за руку и увёл к той полянке, где ждали и уже сильно беспокоились. Стали спрашивать, где была. Не поверили, что я на озере с медвежонком играла. Шутник дядя Володя назвал это озеро «липовым», хотя никакие липы там не растут. А про доброе облако я потом только бабушке рассказала, она тоже добрая и всё знает. Бабушка мне объяснила, что это Ангел-Хранитель был. А медведи меня не обидели потому, что в лес я пришла, как к другу, старшему и умному, не обижать и баловаться, а учиться понимать природу и радоваться ей, как чуду. Вот кто это понимает, того никогда не обидит Хозяин тайги. Но не тревожьте его зря!

Пережитое

...Мегиону я обязан тем, что стал маломальским охотником. До этого в своей жизни (а в Мегион я приехал почти сорокалетним мужчиной) я брал в руки ружье считанное число раз, а на охоте был всего дважды. Мои охотничьи страсти разгорелись после того, как на одном из уроков ребята подняли невообразимый шум, а некоторые повскакивали с мест и устремились к окну. Я не успел высказать возмущение и воздать должное нарушителям, как они закричали: «Пал Карпыч! Смотрите, косачи!». Между зданиями школы и интерната стояла одинокая сосна — на нее и уселась целая стая тетеревов. Ружья у меня не было, и я потребовал, чтобы ребята сели на места и занялись уроком.

Осень эта была богата боровой дичью. Из тайги вылетали все новые и новые стаи тетеревов, и не было дня, чтобы около школы не садились они стаями и реже в одиночку. Однажды утром я вышел на улицу и буквально был ошарашен картиной, которую увидел метрах в двадцати от крыльца. На деревьях висели гирлянды птиц. Я долго ими любовался, затем решил спугнуть, хлопнул в ладоши. Бог мой, что тут произошло! Захлопали крыльями, загоготали. Поднялась целая туча птиц, мне только дважды пришлось видеть такую стаю.

Это утро решило мою участь — я стал охотником. Купил себе ружье немудрящее, одноствольное тульского завода 20-го калибра. Но это было очень хорошее ружье, прицельность, кучность и дальность боя были просто чудесными. Одиноко летающую утку я снимал с такой высоты, с которой она казалась не более скворца. Много времени я стал проводить на охоте. Этому благоприятствовало обилие дичи, всякий выход на охоту был удачным.

Это было уже на второй год жизни в Мегионе, когда мы вырастили свою собаку Шарика — лохматого пса с белой, а в корню слегка розоватой или даже палевой шерстью. Ходить на охоту со мной он начал маленьким щенком. Мы бродили с ним почти целый день, сделали немалый крюк и вышли к колхозному полю за Саймой. День был хорош, снегу было еще немного. На краю поля я сел отдохнуть на валежину, закурил. Шарик бегал рядом и вдруг куда-то заторопился, послышался его лай. Через несколько шагов обнаружил свежий беличий след, а рядом след Шарика. Ну, думаю, хоть белочку добуду, все не пустому домой возвращаться. Вышел на поляну, где вокруг одиноко стоящего довольно густого кедра бегал Шарик и на кого-то лаял. Не спеша обошел вокруг дерева и никого не увидел. Безбоязненно постукал по стволу

раз, другой, чтобы спугнуть зверька, — безрезультатно. Еще два обошел вокруг кедра, внимательно осматривая каждый «темный» уголок, и опять никого не обнаружил. Тогда решил выстрелить вдоль ствола вверх. Вверху затрещало, зашуршало и на землю свалилось что-то большое, затрепетало. Тут подскочил Шарик, схватил груды и придавил. Это был первый убитый мною так необычно, беличьим зарядом глухарь. После этого я очень удачно на них охотился и за сезон убивал не один десяток.

Был еще такой случай. Я охотился по чернотропу, поднял глухаря. Шарик его посадил на дерево. Когда подошел на расстояние выстрела, глухарь был хорошо виден. Он сидел, вытянув шею, как обычно сидят глухари, когда их облаивают собаки. Выстрел был точным, но почему-то птица не свалилась, а взлетела совсем с другой стороны дерева. Оказалось, я выстрелил в кучу мха, из которой торчал сук, так похожий на глухариную шею.

Еще одно событие мне запомнилось. Мы сели обедать, и вдруг собаки стали скулить потихоньку и жаться к нашим ногам. Потом послышался какой-то визг, и вскоре все замолкло. Сделалось как-то не по себе. Когда все немного успокоилось, мы решили все-таки выяснить, что же произошло. Оказалось, что вблизи проходила медведица с медвежонком, который хотел из любопытства «познакомиться» с нами, за что мамаша его отшлепала. Этот случай убедил в том, что наши собаки далеко не медвежатники. Хотя на охоте по белке, боровой и водоплавающей птице мой Шарик был удивительно хорош, для меня он был просто клад.

В середине сентября я стал охотиться на боровую дичь. А тут случилось так, что завхоз школы Николай Федорович Кругликов, не поладив с новым директором, уволился и изъявил желание вместе со мной заняться охотой и заготовкой орехов. Мы решили пойти подальше от деревни, избрав речку Ватинский Еган, находящуюся километрах в пятнадцати от Мегиона. Мы знали, что на этой речке ставили запоры, там есть промысловая избушка, был раньше и засольный пункт.

Подготовив все необходимое, в один погожий осенний день мы отправились на Ватинский Еган, предварительно расспросив знающих людей о дороге. Тропа была довольно «ухоженная», и мы к вечеру еще засветло добрались. Шли не торопясь, довольно часто постреливали. Убили несколько рябчиков, копалуху. На одном из небольших таежных озер взяли двух крякв. Они даже не пытались взлететь, хотя мы вышли не таясь. Серая утка осенью бывает жирной, но таких жирных я не встречал ни до, ни после, они не могли даже летать.

В первый день мы побывали окрест избушки, не удаляясь слишком далеко. Избушка стояла на берегу Ватинского Егана.

Тут же была опрокинута немудрящая лодчонка, которой мы воспользовались, переправившись на противоположный берег. Погода стояла чудесная, ясная, с легким морозцем — осенняя погода, когда и дышится легко, и легкая грустинка владеет всем твоим существом. Вместе с тем хочется что-то делать. А тут еще природа, новизна обстановки и ожидание чего-то хорошего.

Если вы бывали в лесу осенью в ясные предзимние дни, вы знаете всю прелесть этой поры. Лиственные деревья потеряли почти всю листву, а хвойные на их фоне темнеют, придавая картине какую-то таинственность. Воздух прозрачен и чист, вливается в легкие живительной струей. Дышится легко и приятно. В лесу стоит такая тишина, что всякий шорох слышен за многие сотни метров. Не слышно непрерывного щебетания птиц — кочующие уже отлетели, а те, которые остаются зимовать, как будто прислушиваются к происходящему вокруг и редко-редко подают свой голос. Все, кто находится сейчас в лесу, сыты, и для беспокойства нет оснований. Только дятел своим постукиванием иногда нарушает тишину леса, да ронжакедровка резким криком создает контраст с таинственной и усыпляющей тишиной осеннего леса. Я не знаю большей благодати, чем пребывание в лесу в эту пору. Только в такие дни я чувствую свое полное слияние с природой, ощущаю себя ее неотъемлемой частью.

Правый берег Егана, на который мы переехали, чем-то неуловимым отличался от левого. Мы с Николаем Федоровичем покружили немного. В одном месте, а это был довольно глухой уголок, заросший в основном осинником с редкими хвойными, преимущественно сосновыми деревьями с густым подлеском, была небольшая полянка, на которой валялось множество лосиных рогов, а помет их покрывал поверхность поляны, как в обыкновенной конюшне, из которой навоз не убирался месяцами. Слой навоза тут был не менее 5—10 сантиметров толщиной. Создавалось впечатление, что лоси тут стояли привязанными не менее месяца и здесь им спиливали рога и бросали в кучу. Мест, подобных этому, мне больше видеть не приходилось...

Удалось подсмотреть медвежью берлогу, приготовленную к зимней спячке. В пригорке вырыта довольно длинная нора и к ней натаскана куча мха, чтобы закрыть входное отверстие. Не знаю почему, но собаки наши на этот раз не испугались медвежьего духа, а смело полезли в нору и все там тщательно обнюхали. Самого хозяина вблизи не оказалось. После Николай Федорович рассказывал, что ранней зимой наведывался к этой берлоге, но она была пуста. Вероятно, вернувшись и обнаружив, что тут побывал человек, да еще с собакой, медведь на-

шел это убежище ненадежным, ушел в другое место. Осторожный зверь.

После этого случая я уже никуда не отлучался и охотился в окрестностях Мегиона. Ходил на охоту я каждый день и никогда не возвращался пустым. Если удавалось подстрелить дичь в начале охоты, я ее не брал с собой, а прятал где-нибудь и подбирал на обратном пути. Позднее «поспела» белка, она тоже становилась моей добычей.

Расскажу еще один случай. Однажды, только мы миновали крайние дома, Шарик, обычно бежавший впереди, начал отставать. Я его позову, он нехотя подойдет, а потом опять отстанет и ложится. Это меня сначала рассердило, а потом озадачило. Когда в очередной раз я подошел к нему, он не поднялся, как обычно, а перевернулся на спину и поднял вверх лапы — обычно собаки поступают так, желая показать свою покорность. Тогда я увидел, что подушечки на лапах Шарика стерты и кровоточат. Он же каждый день бегал со мной на охоту по снегу. Какую преданность надо иметь, чтобы вот так идти, когда каждый шаг причиняет боль! Потребовалось несколько дней, чтобы лапы Шарика немного зажили. Слыхал я, что охотники надевают на ноги собакам специальные «чулочки», чтобы защитить их лапы от стирания.

В эту осень охота для меня была особенно удачной. Пожалуй, самой удачной в моей жизни.

Юлия Сержант

На стойбище Түйтяха

Минувшим летом состоялась детская краеведческая окружная экспедиция «На стойбище Түйтяха», в которой приняли участие школьники в возрасте от 12 до 17 лет из городов Мегиона и Нижневартовска.

Идея организовать экспедицию родилась ещё два года назад, когда руководитель туристско-краеведческого клуба «Крокус» МОУ «СОШ №1» Вера Алексеевна Сержант познакомилась с известным ненецким поэтом, почётным оленеводом, общественным деятелем и хозяином стойбища Түйтяха Ю.К.Вэллой.

Такой туристский поход — прекрасная возможность приобщить подростков к культуре и истории родного края. А Юрий Кылевич охотно согласился поделиться своим жизненным опытом и культурным наследием с детьми — участниками экспедиции. Это и определило цель путешествия.

Вместе с детьми в путь отправились руководитель экспедиции В.А.Сержант, инструктор по туризму из Нижневартовска М.В.Ко-

ник и руководитель по спортивной части похода Т.В.Пересторонина из Мегиона. В их задачи входило обучить детей навыкам жизни в автономном режиме природной среды, приобщить их к здоровому образу жизни и развить толерантность у подростков.

Экспедиция проходила в несколько этапов. Спортивный этап включал в себя водно-пешеходный маршрут 1 категории сложности: сплав по р. Аган на катамаранах от Радужного до села Варьеган и пешеходный 30-километровый поход в экстремальных условиях (ночевка без палаток).

На краеведческом этапе дети познакомились с достопримечательностями национального села Варьеган, посетили археологические памятники близ него и побывали на экскурсии в музейной стойбище.

Третьим этапом экспедиции стало «погружение в этносреду» на стойбище Тютяха. Ребята побывали на географо-этнографической экскурсии. Прошли по историческим местам, где когда-то пролегал путь исследователя-этнографа Р.П.Митусовой в 1924 г. А также познакомились с творчеством Юрия Вэлла и национальным бытом на его стойбище.

Проводником в мир ханты, манси и ненцев стал для детей Ю.К.Вэлла Он вместе с Верой Алексеевной спланировал для ребят познавательную и очень интересную программу знакомства с культурой коренных народов. Юрий Кылевич поведал группе об устройстве хантыйского дома, рассказал о правилах поведения на стойбище, обучил всех желающих катанию на обласе — национальной лодке, выдолбленной из цельного дерева, требующей большого мастерства в управлении. Всех рассмешил обряд, который надо соблюдать, когда впервые садишься в облас: надо три раза намочить голову озерной водой и сказать три раза «Новый год».

Дети наблюдали за оленями в природной среде, учились читать их следы по оленьей дороге, принимали участие в обряде поклонения духам с жертвоприношением оленя, а некоторые даже поучаствовали в разделывании туши. Городских жителей в нынешней урбанизированной среде такие обычаи могут шокировать. Но дети, приобщившись к древнему и органичному миру сосуществования человека и живой природы, спокойно и с пониманием отнеслись к традициям. Потому что в мире, сохранившем свою культурную индивидуальность и национальные особенности, это является необходимой частью жизни. Эти люди лишнего у природы никогда не берут, а на «поминках» каждого «взятого» оленя благодарят за то, что он дал им жизнь (мясо и шкуру) и молятся за него богам.

А медведь, хозяин тайги, по легенде, был младшим братом бога Торума и после того, как упал с неба в человеческом обли-

чий, стал богом для людей. И сегодня, когда на охоте убивают медведя, устраивают Медвежий праздник: 5 дней для него поют, танцуют и рассказывают сказки. Коренные жители живут в гармонии с Природой и верят, что и у растений, и у животных есть душа, только не все люди могут установить с ними контакт.

Еще один представитель культуры малочисленных народов Севера – Павел Янчевич, лесной ненец из рода Шуки-Айваседа. К нему Вера Алексеевна Сержант с детьми уже не раз приезжали раньше. Для мероприятия «В гостях у Павла Янчевича» он приготовил интересную программу загадок и головоломок для детей. Городскому жителю без знания культуры народа ханты не так просто отгадать, например, такую загадку: «Стоит зимний дом, а ему надо летний дом, зима пришла, летний дом стоит, а ему надо зимний дом». А отгадка проста: это олени рога.

Необычайно интересна культура коренных жителей нашего округа. После знакомства с Юрием Кылевичем и Павлом Янчевичем ребята сделали вывод, что «это очень гостеприимный народ, никогда не оставят тебя в беде, и у них многому можно научиться в правильном отношении к природе».

На прощание Юрий Вэлл пожелал детям смотреть на вещи собственным взглядом, во всем сомневаться, и, сомневаясь, находить свой ответ.

Вера Алексеевна осталась довольна результатами экспедиции. Она со своими помощниками старалась создавать ситуации, в которых дети смогли бы творчески раскрыться, свободно выразить свои мысли, чувства к окружающему миру через рисунки, стихи, дневниковые записи, а также научить их беречь и любить свою малую родину.

Свой творческий отчет участники экспедиции представили в ежегодном Открытом окружном конкурсе туристско-краеведческих работ, прошедшем в октябре в Пыть-Яхе. И заняли 1-ое место в номинации «Историческое краеведение», которое присудила Вере Алексеевне Молодёжная региональная общественная организация «Федерация спортивного туризма ХМАО-Югры».

Литература

1. Лосев В. Избушка на Лапчатой реке: [очерк] // Тюменская правда. – 2008. – 18 июля. – С. 3.; То же: // Информ-Вест Сибирь. – 2009. – № 16. – С. 5.
2. Сержант Ю. На стойбище Тютяха : [очерк] // Мегионские новости. – 2011. – 9 дек. – С. 5.
3. Ситников П. К. Пережитое : [отрывок из очерка] // Югра. – 1994. – №2. – С. 43-45.
4. Шлябин Д. Орлы, прилетайте к нам! : [статья] // Глагол. – 2001. – №1. – С. 8-9.

МУЗА МОЯ – РЕГИОН

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ГОРОД МЕГИОН

Кристина Харгелия, 10 класс, школа №2

Что такое Родина?

Меня зовут Кристина. Я живу в северном крае, большую часть года запорошенном пургой и метелями. Семья у нас грузинская, родом из солнечной Абхазии. Во время известных событий девяностых годов мои родители переехали в Россию. Я родилась уже в Сибири, в небольшом городке Мегион Ханты-Мансийского автономного округа.

Родина... При одной мысли о ней у меня на душе становится тепло, светло и уютно. В моей пусть пока маленькой душе безмерно одинаково умещается любовь сразу к трём Родинам: к городу, в котором я живу, к России и к Грузии. Меня с детства учили, что Родина, словно вторая мать. Её нужно любить так, как любишь самого близкого и родного человека.

Приезжая летом на каникулы в шумный и светливый Тбилиси, я долгое время не могу насладиться его прозрачным воздухом и красотой парков и аллей. Здесь говорят все по-грузински. Это язык моих дедушек и бабушек, моих родителей. Здесь мне спокойно, легко и свободно...

Но спустя два месяца я начинаю скучать по Мегиону, по моим родителям, которые остались работать. Возможно, сказывается то, что я родилась и провела здесь свое детство. Тут мои друзья, моя школа, мои родители. Здесь красивые зимы с расписными узорами на окнах, хрустящий снег под ногами и морозный, ледяной воздух. В общем, здесь мой дом. И я не мыслю себя без Мегиона и России.

Я не знаю, как в дальнейшем сложится моя жизнь. Родина — она у каждого своя. Хотелось бы, чтобы на всей земле да и во всей Вселенной был всегда мир, светило яркое солнце, плескалось тёплое море, порхали в небе птицы, и каждому было только хорошо...

А зима в нашем городе сказочная

Мегион — город, в котором я родилась и выросла. Слышала, что в переводе с языка ханты это слово означает «излучина, изгиб, крутой поворот». Город стоит на реке Меге, протоке Оби. Когда говоришь о Мегионе, начинаешь представлять красивые дорожки, украшенные цветами, зелёную травку покрытую свежей утренней росой, на которой так и хочется растянуться, забыв обо всём.

Многие говорят, что им здесь не нравится, что городу не хватает той энергии, как в больших городах, и не все можно купить. Говорят, здесь суровый климат, мало зелени, не хватает кислорода... Может быть, это и так. Но мне кажется, Мегион прекрасен, несмотря на то, что он невелик.

Летом наш городок очень красив. Зелёные деревья качаются под теплым ветерком, трава покрыта ромашками и одуванчиками, вокруг которых порхает много бабочек. Лето особенно запоминается, потому что его у нас мало. Часто идут дожди, но я этому рада, и иногда специально выхожу в это время на улицу, чтобы прогуляться под дождем.

Ну, а осень — это замечательная пора, несмотря на то, что на улице становится холоднее. Ярко зелёные листочки приобретают насыщенные тона — красные, жёлтые, оранжевые. Как будто художник прошёл своей большой кисточкой и разукрасил, экспериментируя яркими цветами, все деревья. «Очей очарованье» — называл осень А.С.Пушкин. Особенно прекрасно в осени, когда подует прохладный ветерок и все листья, опадая с деревьев, начинают кружиться, танцуя в воздухе.

А зима в нашем городе сказочная. Вечер. Идёт пушистыми хлопьями снег. Снежинки кружатся в прекрасном танце, как будто вальсируя. В небе чарующе светят звёзды и манят к себе. Луна как жемчужина в безмерном чёрном океане. Стало традицией строить к наступлению Нового года снежный городок. На площади устанавливают большую ёлку, вокруг ледяные скульптуры, горки, чтобы кататься на ледянках. Вот радость-то для ребятшек! Вечером здесь прогуливаются ребята постарше и взрослые. Ёлка сверкает разноцветными огнями, светятся скульптуры. Все выглядит волшебно. Зима — это самое прекрасное время года в нашем северном городе. Так и хочется закрыть глаза и помечтать. Я очень люблю гулять вечерами по городу и слушать музыку. Днём же все деревья сияют, будто их посыпали блёстками. С друзьями можно весело отдохнуть, катаясь на

коньках. Но всё же зима когда-нибудь заканчивается и наступает долгожданная весна...

Может быть, в моём городе и суровый климат, и кислорода не хватает, и не всё можно купить... Но для меня Мегион — самый прекрасный и удивительный город на свете! Я думаю, что он будет жить в моём сердце всегда, как всегда будут живы воспоминания о моём родном доме.

Ольга Зеленкова, 8 класс, школа №1

С благодарностью принимая каждый новый день

Наверное, у каждого из нас, живущих на этой огромной земле, есть уголок, к которому мы испытываем особенные чувства. Мы относимся к нему с безграничной и трепетной любовью, большим уважением, храним ему верность, тоскуем, когда находимся вдали от него.

Для меня таким уголочком Вселенной всегда был и остается мой родной город, мой Мегион. На этой благодатной земле я родилась, сделала свои первые шаги, пошла в школу, здесь я становлюсь личностью. Я не представляю себе жизни без этого небольшого городка с его суровой зимой, дождливыми весной и осенью, коротким, нежарким летом. В этом городе живут все мои родные и друзья, которые в трудную минуту помогут мне добрым советом или делом.

Своим рождением мой город обязан освоению нефтегазовых месторождений. В начале 60-х сюда начали приезжать люди, которые не боялись трудностей и необустроенности. Они поставили перед собой цель, к которой прокладывали дорогу день за днем, сражаясь с тайгой за каждый клочок земли, где могла бы быть нефть. Благодаря своей вере и усердной работе они выполнили свою задачу, внесли огромный вклад в освоение мегионских недр. А сейчас они с большой надеждой смотрят на сегодняшнюю молодежь, чтобы передать ей свои знания и накопленный опыт для продолжения дела всей жизни.

Нефть и газ преопределили судьбу Мегиона. Он начал расти и «мужать» и из маленького поселка постепенно, шаг за шагом, перерос в город. Нелегко и тернист был путь его становления. За два десятка лет неузнаваемо изменился облик Мегиона. С каждым годом «деревянный» Мегион все больше превращается в современный город. Здесь возведены десятки высотных домов, школ, детских садов и множество других объектов. Построен один из лучших в округе спортивный комплекс «Жемчу-

жина», где горожане могут заниматься активным спортом, провести досуг. Славится своей комфортабельностью и оригинальностью гостиница «Адрия». Все мегиионцы гордятся недавно построенной школой искусств. Здесь учится много ребят, которые покоряют своими талантами не только жителей Мегииона, но и других больших и малых городов.

У Мегииона есть будущее. Он хранит в себе огромный жизненный потенциал, который будет реализовываться на протяжении многих десятилетий. В недалеком будущем, глядя на него, трудно уже будет узнать в нем двадцатилетней давности Мегиион.

А каким бы я хотела видеть город в перспективе?

Это будет время, когда канут в лету все деревянные строения, а их место займут статные дома оригинальной архитектуры. Наверняка на одной из улиц будет красоваться театр, куда горожане будут ходить на спектакли, всевозможные представления, приобщаясь к высокому искусству. А может быть, будет построен сказочный город, где будут жить герои наших любимых в детстве сказок. Он будет похож на знаменитый Диснейленд, и все мегиионцы, и стар, и млад, будут проводить в нем свободное время. Я мечтаю о городе, утопающем в зелени и цветочных клумбах. Люди позабудут о всех жизненных напастях и будут жить полной жизнью, радуясь и с благодарностью принимая каждый новый день. Они будут уверены в завтрашнем дне своих детей, которых не коснутся трагедии войн и всевозможных катаклизмов.

В. Исаев, 7 класс

Я никуда не уеду

Ровно 11 лет назад я появился на свет в одном из самых замечательных городов Западной Сибири, в городе Мегиионе. С тех пор как с рождения прирос к маме всем сердцем и любовью, так прирос и к Мегииону, подарившему мне место под своим солнцем. Может быть, потому я ощущаю себя так тепло и радостно в своем городе, что еще мальчишка, а не взрослый мужчина, умеющий отличать черное от белого. Но я этому только рад. Рад, что могу видеть жизнь в ярких, радужных тонах, и для меня мой город является самым цветным и сказочным. Люблю, когда в моем Мегиионе зима, когда снег в несколько слоев одевает деревья, которые стоят тихо, не шелхнувшись, как невесты в белом. А однажды, год назад, когда мы проснулись дома на Рождество, мама показала нам на окне, будто кто-то специально на-

рисовал заснеженный силуэт Девы Марии. Мы все были очень удивлены, и удивление было каким-то радостным, волнительным.

Весна в Мегионе — самое любимое время года для нашей семьи, ведь именно весной родились папа, мама, моя младшая сестренка и я. Я маме с папой говорю, что мы — семья мегионских подснежников. Живешь в Мегионе круглый год и радуешься каждому новому сезону: теплу ли, холоду. Даже лето мы с семьей стараемся проводить в нашем городе. Мама говорит: «Если тебе дорог сердцу край, где ты живешь, так зачем от него отходить? Можно здесь столько нового и прекрасного для себя открыть. Я не собираюсь уезжать из родного Мегиона, когда вырасту. Я выучусь, стану уважаемым человеком и приложу все свои силы, чтобы мой город стал самым красивым на Земле, а люди в нем — самыми счастливыми и дружными. Чтобы никто не захотел покинуть это прекрасное место. Я думаю, со мной согласятся все мальчишки и девчонки, которые искренне верят в себя, в свой город. Ведь мы, подрастающее поколение, это будущее нашего родного Мегиона.

Олеся Васильева, 10 класс, школа № 5

Я верю в будущее

В древности люди полагали, что Земля держится на трёх китах. Нефть и газ — это первые два кита города Мегиона. Третий — это, конечно же, люди, чьими усилиями, стараниями, порою даже страданиями был возведен этот город.

Да, Мегион — это мой город. Но далеко не все устраивает меня здесь. Большинство жителей рассматривают его как временное место жительства. Мегион — это частица молодого, но богатейшего Ханты-Мансийского автономного округа. Так почему же люди в этом благодатном крае живут, как «на чемоданах»? Не уверены в завтрашнем дне? Казалось бы, живи да радуйся.

Помню свое первое впечатление. Унылый город. Рядом с огромными домами ютятся обшарпанные «деревяшки». По городу слоняются подростки, не знающие, куда себя деть. Люди суетливо спешат куда-то. Частая непогода. Одиноко выглядит «чертово колесо», редко приводящееся в движение даже летом. Отсутствует зелени, парка отдыха... По сути, нет самого элементарного, чего так не хватает людям. Все это навевало лишь тоску и скуку. У меня возник вопрос: что объединило людей и привело их сюда? Неужели лишь корыстный интерес?

У меня есть мечта: мне бы очень хотелось, чтобы Мегион преобразился, изменился самым коренным образом. Многие твердят о том, что при варварском использовании нефти (что и происходит сейчас) наш город перестанет существовать лет через 10 и превратится в захолустье. Мне не хочется верить в эти удручающие прогнозы. Может быть, так оно и случится, но я этого не хочу.

Будущее — это всего лишь последствие настоящего, поэтому уже сейчас необходимо исправлять все ошибки и недочеты.

Мне не хочется говорить о каких-то реформах, которыми должны заниматься органы местного самоуправления, о том, что необходимо помимо нефтяной развивать и другие отрасли промышленности, и даже о том, что надо бережно и уважительно относиться к бесценным богатствам недр нашего края.

Я хочу рассказать вам о моем видении будущего города Мегиона, о взаимоотношениях людей, условиях их жизни.

Надо заметить, что очень часто от воли, поступков одного человека зависят судьбы многих людей. В масштабах города этот человек — мэр. И, в первую очередь, городу для полноценного развития необходим настоящий хозяин. То, о чем я говорю, довольно банальная вещь. Но это непреложная истина. Практически на каждом шагу мы сталкиваемся с примерами из жизни, подтверждающими ее. Надеюсь, в ближайшем будущем жители нашего города изберут прекрасного мэра — заботливого хозяина, способного защитить свой «очаг» от всех напастей. Это, на мой взгляд, будет обусловлено тем, что люди поймут губительность варварских отношений друг к другу. Губительность не только для своих недругов, для тех, о ком они никогда и не думали, но и для самих себя.

Мэр — это еще далеко не все. Он может направлять в нужную сторону, помогать. Но движущая сила возрождения Мегиона — это горожане с их неиссякаемым желанием и энтузиазмом превратить город в процветающую, красивую, гордящуюся собой и своими достижениями мини-столицу Ханты-Мансийского округа.

Многие посмеются надо мной и скажут, что это несбыточные мечты. Но я считаю так: нет ничего невозможного, надо лишь захотеть.

В нашем городе процветает наркомания. Вот то зло, которое действительно угрожает существованию Мегиона. На мой взгляд, оно исходит оттого, что подросткам нечем себя занять. И это не их вина. Уже сейчас идет активная борьба с этой «чумой». И поколение XXI века начинает наконец-то осознавать, что вести здоровый образ жизни — это престижно, выгодно, нормально,

это потрясающе! И власти города должны всеми силами поддержать эту тенденцию, должны еще больше укреплять в сознании молодежи эту мысль. В недалеком будущем Мегион станет «здоровым». Я считаю, что во многом этому будет способствовать расширение сети досуговых центров, проведение различных акций, спортивных и интеллектуальных олимпиад.

На мысли людей, их настроение, поведение влияют те условия окружающей среды, в которых они находятся. По-моему, серый и унылый Мегион по-своему влияет на души людей, делая свое «черное дело».

Мне бы очень хотелось, чтобы наш Мегион преобразился. Зеленые насаждения — это «легкие» города. И у нас, с таким бурным потоком машин и различными отравляющими веществами, обильно выбрасываемыми в атмосферу, они просто необходимы. Но их в нашем городе, к великому сожалению — раз, два и обчелся. А ведь это не только полезно, но и очень красиво. Я верю в то, что на берегу Саймы появится прекрасный пляж, будет открыт парк культуры и отдыха.

И пусть злые языки говорят, что угодно. Я верю в светлое будущее моего города!

Рустам Гулчаманшоев

Нам здесь жить

Вначале Мегион был небольшим рабочим поселком в самом «сердце» тайги. Он состоял из нескольких вагончиков, в которых жили геологи и нефтяники. Это были те, кого мы сейчас называем «романтиками». Нелегко приходилось отважным «разведчикам»: непроходимые заросли, болотистые хляби, отсутствие дорог, на сотни верст ни души. Летом — гнус и комарье, зимой — суровые сибирские морозы. Но, несмотря на все трудности, сюда продолжали приезжать по комсомольским путевкам и год за годом велись работы по освоению мегионских месторождений. Сегодняшний Мегион — это город с населением более пятидесяти тысяч человек. Это красивый город с высотными домами, с прекрасными культурно-досуговыми центрами, магазинами, школами, детскими садами, производственными объектами, поддерживающими жизнедеятельность нашего родного города. В живописных местах возводятся базы отдыха, где люди знакомятся с природой и отдыхают после трудовых будней. С каждым годом все больше растет население Мегиона, и по праву его можно считать городом молодых. Молодежь является той силой, которой придется дальше совершенствовать наш

город, не дать ему постичь участи многих северных городов, не дать людям, возводившим их, стать «лишними». Немало проблем стоит в Мегионе, которые еще надо решить, но две из них хочется отметить особо: это проблемы экологии и молодежи.

Халатность людей оборачивается иногда непоправимой ошибкой для «матушки»-природы. Глядя на Сайму, протекающую по городу, с трудом представляешь себе, что когда-то она была глубокой и полноводной рекой с чистой водой, в которой водилось много рыбы. Если каждый из нас будет бережно относиться к окружающей среде, отдаст частичку себя, то и природа будет к нам благосклонна.

А вторая проблема мне не безразлична еще и потому, что я и сам отношусь к поколению молодых и хотел бы, чтобы для молодежи было организовано больше рабочих мест. Труд дает молодым возможность познать себя в конкретном значимом деле, показать свои возможности. Пусть для молодежи открывается больше учебных заведений, где они могли бы получить профессию по душе. Очень высок процент наркоманов в городе среди молодежи. Наркомания толкает молодых на путь преступления, калечит их и физически, и душевно. А путь возвращения к нормальной жизни очень тернист и труден, и удается пройти этот путь не каждому.

Приходится только гадать, что ждет наш родной Мегион в будущем. Но хочется верить, что город будет расти и в ближайшем будущем превратится в большой современный город с широкими проспектами, зелеными скверами, красивой архитектурой. Люди разных профессий и возрастов, многих национальностей все делают для этого.

Татьяна Рыбкина, 9 класс, школа №3

Мегион в судьбе моей семьи

Уже много лет мои родители живут и работают в Мегионе, который с удовольствием их «приютил». Мегион — это прогрессивный город, он очень быстро начал развиваться, натоптанные тропинки превратились в широкие тротуары, балки — в благоустроенные дома, появилось освещение и многое другое. Все это создали наши родители, которые с пониманием и уважением относятся к своему труду.

В 1981 году моя мама Наталья Ильинична, закончив Кемеровский техникум механизации учета, была направлена в город Мегион молодым специалистом. Уже 24 года она работает бухгалтером в ОАО «Славнефть—Мегионнефтегаз», и за это время успела заслужить статус нефтяника и звание «Ветеран труда».

Вообще бухгалтер — это работа очень трудоемкая, требует внимания, точности и правильности выполнения. Она необходима для того, чтобы рассчитывать заработную плату другим рабочим.

И папа Александр Аркадьевич тоже нефтяник. В 1980 году он закончил Омский строительный техникум транспортного строительства, а в 1982 году приехал в гости к сестре и решил здесь остаться. Сразу нашел себе работу, сначала он был слесарем по кранам в МБПТОиКО №2, но через несколько лет стал водителем пожарной машины в ОГТТС 14 ПЧ 12 и по сей день там работает. Чаще всего он выезжает на нефтяные возгорания и пожары в лесу, которые очень опасны, ведь газ, нефть и другие продукты — легко воспламеняемы и содержат ядовитые вещества, вредные для здоровья человека. Поэтому работа пожарного очень опасная и сложная работа, требующая специальной подготовки. Много еще хороших профессий в Югре, которые необходимы для человека и общества в целом, поэтому надо любить свое дело, любить то, чем ты занимаешься и стремиться делать свою работу качественно, чтобы было приятно самому и окружающим. Ведь Югра предоставила нам такую возможность, чтобы хорошо устроить свою жизнь, работая на этой земле.

Елена Матвеева, 9 класс, школа №3

Югра в судьбе моих родителей

Что значит слово «Сибирь»? Для нас, сегодняшней молодёжи, это слово означает сильные морозы, болота, суровый климат и нефть. Но только и всего? Нет, есть люди, для которых Сибирь и наш город — это романтика и ностальгия, связанные с молодостью.

Таковы и мои родители, мама Ирина Николаевна и папа Алексей Александрович. Они познакомились в Нижневартовске в 1982 году, в 1984 поженились, в 1985 году приехали в Мегион. Всё имущество молодой семьи помещалось в маленьком УАЗе. После шумного Нижневартовска Мегион показался им тихой, спокойной деревней. Мама занималась воспитанием маленького сына Сережи, моего старшего брата, а папа работал технологом в ППН-1. Когда мама первый раз приехала в Нижневартовск, ее поразил простор. Всё казалось необъятным, высокое небо, безбрежное, окутанное колечками дыма от факелов, улицы, полные грохочущих огромных машин. Много молодёжи. Город молодых. А Мегион показался ей маленьким, спокойным. Казалось, что всё, что происходит в мире, Мегиона не касается, размеренно, нето-

ропливо текла в нем жизнь. Это сейчас жизнь кипит, мчится быстро, на глазах.

Папа приехал после армии с бабушкой в гости к тётё из жаркой Туркмении. Что такое Север и представить не мог, но сходство было: там — обилие песка, весной — буйное яркое цветение, здесь — обилие снега зимой и цветущая весна. Там +40 летом — обычная температура, здесь -40 зимой — не новость.

Делать было нечего, образование нефтяное, дядя предложил остаться и попробовать. Остался. Начал с самого начала, простым машинистом в ППН-1. Но упорство, желание всё знать и попробовать самому быстро продвигало вперёд. Сменный технолог, технолог, начальник участка, мастер, зам. начальника по подготовке, начальник ППН-1 Ново-Покурского месторождения. Все Левобережные месторождения возведены, разработаны и введены в эксплуатацию его руками.

Вот так. Приехал в гости, а остался навсегда.

Работа для папы — это жизнь. Судьбы людей, с которыми он работал, всё преодолел, были для него всегда на первом месте. Он неравнодушный человек. Наверное, поэтому его до сих пор уважают коллеги и подчинённые. Столько лет прошло, за плечами большой жизненный опыт, семья дружная, заботливая — надёжный тыл. Любимая жена всё понимает и принимает таким, какой есть, помогает. Благодаря им, моим родителям, их дружному труду, превратился наш город из тихого маленького посёлка, в котором, казалось, замерла жизнь, в современный красивый городок.

Лилия Шушмаркина, 9 класс, школа №3

Все жили как одна большая семья

3 августа 1980 года в аэропорт города Нижневартовска прилетели молодые специалисты после окончания Уфимского нефтяного института. В кармане у них лежали пахнущие свежей краской дипломы инженеров строителей по сооружению магистральных трубопроводов, газохранилищ, нефтебаз, в руках — направления в разные строительно-монтажные тресты города, а в душе надежда на интересную, перспективную и творческую работу. Они радовались началу нового этапа жизни. Смеялись, мечтали, как легко и весело смогут преодолеть все трудности новой жизни. Сложности начались в аэропорту. Деревянное одноэтажное здание с трудом вмещало большое количество пассажиров, но они не торопились выйти на улицу, так как городской автобус ходил редко. На улице шел дождь и до остановки без

резиновых сапог пройти нельзя, если только по редким доскам до половины пути, а у наших инженеров же на ногах была только легкая летняя обувь. Так началась трудовая жизнь моей мамы.

Направили ее в строительное управление № 43 в производственно-технический отдел. Наставником и другом на многие годы стала скромная маленькая женщина Валентина Ивановна Распопова. Многому научила она маму, опекала и помогала жизненными советами. Жила мамина семья в СУ-43 в половинке вагончика за городом. Народ там жил дружно. Люди помогали друг другу набрать питьевой воды, которую привозили 1–2 раза в день, приготовить дров, сходить в город в магазин или аптеку, посмотреть за маленькими детьми. Все жили как одна большая семья, где вместе бывают и в горести, и в радости. Ходили рядом за жилыми вагончиками в лес за грибами, орехами и ягодами, зимой катались вокруг городка на лыжах. Обязательно в середине городка зимой ставили большую елку и строили снежные горки, фигурки, здесь по вечерам собирались и дети, и взрослые.

В 1986 году на базе четырех строительных управлений создали строительно-монтажный трест «Мегионтрубопроводстрой», который вскоре стал одним из лучших по министерству. Трест занимался строительством магистральных и внутрипромысловых газонефтепроводов на месторождениях Мегионнефтегаза, предприятиях Нижневартовска, Сургута, Когалыма, Радужного, Покачей, Ханты-Мансийска и т.д. Строили жилье, детские сады, школы, поликлиники, сети тепловодоснабжения, занимались благоустройством этих городов. Коллектив треста был большой. Люди трудились хорошо, участвовали в спортивных соревнованиях, в художественной самодеятельности и умели хорошо отдыхать коллективом, устраивали концерты, капустники, спектакли, утренники в подшефных детских садах совместно с детьми. В коллективе было очень много молодежи, на работу приезжали комсомольско-молодежные бригады из разных уголков Советского Союза. Поэтому и в комсомольской жизни многие участвовали активно, устраивали соревнования между бригадами и просто дружно общались в свободное время.

Проработала мама в тресте «МТПС» двадцать лет. Была инженером производственного отдела, начальником технического отдела, сметчиком, много ездила в разные проектные институты страны, работала с заказчиками многих городов нашего округа. И всегда с интересом рассказывала нам про города, где приходится работать, про интересных людей, которые встречаются на трудовом пути.

В 2001 году мама перешла на работу в другую строительную организацию, где продолжает строить стальные магистрали, которые несут нефть и газ на перерабатывающие заводы нашей страны.

Здесь, в Мегионе, выросли мы: три дочери и сын. Старшие уже закончили ВУЗы. Мама живет и работает в этом городе больше 25 лет и уезжать отсюда никуда не хочет, говорит нам, что Мегион рос, менялся на глазах и не без ее участия, здесь прошли трудные времена и счастливые дни, и потому город стал родным.

Алексей Дьяченко, 9 класс, школа №3

Это наш город

Наша семья приехала в г. Мегион в 1997 году. Приехали мы сюда, потому что в те годы промышленность на Урале, откуда мы родом, заглохла. Военные заводы остались без заказов, и рабочие получали очень низкую зарплату, а так как в г. Мегионе жили уже два старших брата моего отца, он решил что будет лучше, если мы переедем на Север. Работал он тогда в пожарной части г. Сим Челябинской области. Папа написал рапорт Начальнику Мегионского отряда противопожарной службы о том, что он хочет работать в городе Мегионе, и ему прислали приглашение работать начальником караула пожарной части.

Сначала уехал папа, здесь ему дали квартиру, а потом мы всей семьей приехали в Мегион. Когда мы приехали, была зима. Город нам очень понравился, особенно ночью, когда все гирлянды и лампочки, установленные перед Новым годом, загорались ярким светом, было очень красиво. Квартиру нам дали в «двухэтажке» очень теплую. Несмотря на сильные морозы того года до -50°C и выше в доме всегда было тепло. Мама устроилась на работу в больницу, где и сейчас работает. Папа сначала работал в пожарной части поселка Аган, потом перешел в пожарную часть, расположенную рядом с нашим домом. Тушить пожары приходилось не часто, но когда они случались, то несмотря ни на какие морозы, приходилось тушить их в очень тяжелых условиях. В пожарной части папа проработал семь лет. Я до сих пор помню запах дыма от его формы, когда он приходил усталый после тяжелых суток. Однажды папа пришел с работы в одежде, полностью пропитанной нефтью, он рассказал, как они тушили разливы нефти на болотах, и им приходилось в ней плавать. Папа никогда не воспринимал свою работу как нечто героическое, для него это просто была работа, которую кто-то должен выполнять.

Год назад он ушел на пенсию по выслуге лет, но ни одного дня не просидел дома, на другой день он уже работал в Мегионском управлении буровых работ на должности ведущим инженером по охране труда и пожарной безопасности. За то время, пока мы здесь живем, город сильно преобразился.

Папа говорит, что мы уже никуда отсюда не уедем, будем здесь жить постоянно — это наш город. Я также хочу получить образование, связанное с нефтяной отраслью, чтобы работать и жить в нашем прекрасном Ханты-Мансийском округе.

Иван Медведев, 9 класс, школа №3

Я — коренной югорчанин

На Западно-Сибирской низменности, в северной ее части находится уголок с поэтическим названием Югра. В годы большой нефти, в 60–70 гг., по комсомольским путевкам, по зову сердца, «за запахом тайги» ехали сюда молодые люди со всего бывшего Советского Союза. Многие из них до сих пор на трудовом посту.

Таким молодым парнем после службы в армии приехал в 1974 году Валера Медведев, мой папа. Устроился на работу в НГДУ «Мегионнефтегаз» помощником бурильщика. Это была его первая «нефтяная» профессия. За смену приходилось переносить сотни килограммов труб, уставал страшно. Но были молоды, и трудности рабочих будней переносились с юношеской беззаботностью. В 1984 году папа перешел на работу на базу БПО оператором по подготовке и капитальному ремонту скважин, где и проработал 10 лет. В 1988 году поступил в Нижневартовский нефтяной техникум (заочно) на отделение «Эксплуатация нефтяных газовых скважин».

А в 1990 году Валерий Иванович Медведев женился на молодой учительнице Марине Анатольевне. Так в судьбу моей мамы вошла Югра. После небольшого зауральского городка все ей было необычно: жизнь в незнакомом жилище под названием балок, ежедневный ритуал ожидания водовозки и вечные горы мусора в балочном поселении. Через год в семье Медведевых родился мальчик, это я, Ваня Медведев. Папа работал и учился, мама занималась мной, а я усиленно выполнял план по потреблению манной каши.

После окончания техникума в 1992 году Валерий Иванович начал работать в цехе по капитальному ремонту скважин технологом. Далее была учеба в Академии государственной службы (заочно). После ее окончания он работает начальником смены ЦИЦ.

За свой труд папа награжден знаком «Заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности» и «Ветеран труда Российской Федерации».

Мама уже 15 лет работает в школе № 3 учителем русского языка и литературы. А еще она заместитель директора по воспитательной работе. И уже дети ее первых учеников пришли в этом году в пятый класс.

А я, Иван Медведев, коренной югорчанин, так как я родился здесь, здесь моя родина.

Буду надеяться, что в отношении меня будет действительна поговорка: «Где родился, там и пригодился!»

Анна Ткач

Мегионский Храм

Из окон моего дома видны золотые купола. На самом высоком месте города, на берегу реки Саймы идет строительство храма.

Пройдя от дома прямо по дороге, мы увидим трехэтажное, сложенное из красного кирпича, очень красивое здание церкви.

У него множество окон, напоминающих переливающийся на солнце лед. Завершает здание церкви зеленая крыша, колокольня, семь куполов, покрытых золотом, которые ярко и красиво сияют на радость людям.

Я очень рада, что в нашем городе есть место, где люди могут обрести душевное спокойствие.

Елена Куцык, школа № 4.

Я счастлива, что живу здесь!

У каждого счастливого человека есть свой любимый уголок на Земле. Я тоже счастлива — у меня есть любимый город Мегион. Здесь я родилась и выросла, с ним связаны самые приятные и волнующие моменты моей жизни, много воспоминаний, ведь я знаю его уже 16 лет. Здесь я учусь, завела друзей. Я люблю свой город за все! Он не похож ни на какой другой. Люблю бывать в ДК «Прометей». Здесь проходит большинство культурных мероприятий, танцуют, веселятся дети, показывают фильмы, проходят праздничные концерты, выступают известные артисты.

Другим интересным местом в городе стал клуб «Макси», где горожане прекрасно проводят свое свободное время. Огромный плюс Мегиона — живописная природа вокруг города: леса, озера, реки, острова. Осенью в лесах много грибов и ягод. Можно сходить в лес и просто так — подышать свежим воздухом, отдохнуть от городской суеты. Я каждый год с нетерпением жду

прихода зимы, чтобы покататься на лыжах, спуститься на санках с крутого берега Меги.

С каждым годом наш город хорошеет, становится богаче и красивее. Он растет на глазах, благоустраивается. В этом городе я познакомилась с замечательными людьми. С большой теплотой я вспоминаю свою классную руководительницу Валентину Лукиничну Кравченко, которая заботилась о нас, вкладывая в своих учеников тепло своей души. Она была для нас второй мамой. Никогда не жалела своих сил и времени для учеников и учитель биологии Н.А.Кузнецова, педагог Е.Г.Вальд — добрый, открытый человек, помогает мне в решении любых проблем. Это настоящие наставники, увлеченные своей деятельностью, искренние и любящие. Для меня быть учителем — значит быть человеком творческим, постоянно стремящимся к подлинно человеческому контакту с учениками, с богатым внутренним миром и неистощимой жизненной энергией. Таких немало в нашей школе. Я горжусь, что они живут и работают в моем любимом городе Мегионе, который стал судьбой и для меня.

Коллективное сочинение учащихся 7-г класса школы №6

Мой поселок

В Ханты-Мансийском округе, в изумрудной тайге, окруженный ожерельем голубых озер затерялся маленький поселок Высокий. На карте он отмечен почти невидимой точкой. Но для нас это не просто точка, это место, где мы родились, сделали первые шаги, сказали первое слово. Он занимает большое место в нашей душе, в нашей памяти. Мы не задумывались над тем, любим ли мы наш поселок. Казалось, что любить можно только живое. А когда мы стали писать сочинение, поняли, что любим этот кусочек земли, эти дома, тайгу, речку, солнце, снег.

У нас нет больших домов, театров, музеев, но зато мы в любую минуту можем пойти в тайгу, где всегда стоит тишина, где шепчут белоствольные березки, дрожат стройные осины, машут лапами зеленые ели и сосны. Вот высокая лиственница пристроилась на берегу Ватинского Егана, вытянула корявые ветви к небу и о чем-то задумалась. Может, о судьбе речки? Разбивается струя воды об упавшие в речку стволы деревьев и превращается в сияющие капли. Точно это чьи-то слезы. Сквозь зеленую листву золотыми птицами «летит» солнышко. Оно прика-

сается к цветам, к ягодам — и они созревают, к птенчикам — и они набираются сил.

Наш поселок красив в любое время года: и зимой, и летом, и весной, и осенью.

Очень любим ходить в лес. Все тропинки усыпаны желтыми листочками, точно рассыпалось золото. А по речке в это время плывут тысячи листочков-корабликов. Может, они плывут за прекрасными птицами в теплые края, а, может, увозят жучков и букашек подальше от лютых морозов Сибири. Словно зажженные елки, стоят березки.

А как красив поселок зимой! Весь засыпанный снегом, точно белым покрывалом, он такой хрупкий, маленький, он так дорог и близок каждому сердцу! Иногда на небе бывает незабываемое зрелище — северное сияние, оно похоже на салют.

Летом речные воды такие теплые и нежные. Долго плещется в воде наше северное солнышко. Мы с друзьями тоже ныряем и плаваем, ходим на рыбалку, слушаем пение птиц, считаем, сколько лет отмерит щедрая кукушка. У нас под окном растет березка. Ее ствол такой белый и нежный. Кажется, она наделяет нас своей силой. Летом она заглядывает в окошко, машет зелеными листочками.

Когда заходишь в лес, словно попадаешь в сказку, и так не хочется расставаться с этой сказкой.

Здесь живут и работают хорошие люди: Людмила Ивановна Орлянская и Валентина Павловна Егорова. Это наши учителя, также здесь живут наши друзья, мамы и папы.

Две школы в поселке, наша № 6 и музыкальная, это главные места.

Здесь нас любят, ждут, понимают.

Кристина Петрова, 12 лет

Город талантов

Помню то неизгладимое впечатление, которое оказал на меня митинг, посвященный памяти павших в Великой Отечественной войне. Несмотря на дождливое майское утро, площадь и прилегающие улицы были запружены сотнями мегонцев. Казалось, сама природа оплакивает солдат, не пришедших с той войны. Слезы наполнили и мои глаза, когда я стояла в длинной веренице людей, собирающихся возложить цветы к памятнику.

Что-то похожее я испытала и совсем недавно, когда в нашей школе проходил День памяти жертв Беслана. За минутой молчания последовала беседа, в которой мы обсуждали, что такое тер-

рор, кто такой террорист, говорили о бесчеловечности и жестокости, на которые способны террористы.

Я очень горжусь тем, что наш маленький город участвует в жизни целой страны. Нас, молодое поколение, сегодня часто обвиняют в отсутствии патриотизма и равнодушии. Но это не так. Мы остро чувствуем свою причастность к жизни города и Отечества. Мы любим наш Мегион, его просторные светлые улицы и дворики, памятники и дома!

Несмотря на то, что наш город совсем небольшой, культурная жизнь здесь бьет ключом. Например, всем горожанам знаком творческий коллектив «Вдохновение», который часто радуется мегионцев новыми музыкальными программами.

Выставки работ учеников и преподавателей Детской художественной школы трогают души горожан, так как открывают для них красоту и богатство родного края, знакомят с его достопримечательностями, помогают почувствовать, насколько красочна и разнообразна жизнь вокруг нас.

В детской школе искусств «Камертон», в которой я учусь, преподают замечательные педагоги, по-настоящему увлечённые своим делом. Они дали путевку в творческую жизнь уже не одному поколению певцов, музыкантов и танцоров.

Концерты коллективов художественной самодеятельности, конкурсы и интересные городские праздники — всё это говорит о том, что наш город богат талантливыми и деятельными людьми. Очень хочется, чтобы такие праздники для души стали доброй традицией в Мегионе. Ведь там, где живут увлечённые и весёлые люди, нет места для злых дел и пустого времяпрепровождения. Там, где умеют отдыхать, умеют хорошо и работать. А хорошая работа — это залог процветания города и страны в целом!

Анастасия Бузынина, 6 класс, школа-гимназия №5

Добрый знак нашего благополучия

С первыми лучами солнца птицы начинали кружить над нашим хоть и небольшим, но очень уютным городом Мегионом.

Я случайно заметила одинокого голубя на моём подоконнике. Долго и пристально следила за ним, изучая его своеобразную походку, движения головой и богатую окраску перьев. Он казался мне хамелеоном: пёрышки на шейке переливались то зелёной краской, то синей, то лиловой. Яркая одежда, сшитая природой, ладно сидела на нем. Залюбуешься, глядя на эту чудную птицу. Голубь взглянул вокруг осторожно, я бы сказала,

подозрительно и быстро отвернулся, как бы говоря: «Некогда мне с тобой лясы точить, работать нужно...».

А вот и подруга его прилетела и храбро села на подоконник, будто давно знала это место. Непростые отношения, видимо, между голубями. Ласкались они нежными касаниями крыльев, а через несколько минут белокрылая горлица запела дивную песенку, зачаруешься. Уверена: признавалась голубчику в вечной любви. А наш ухажёр слушал с удовольствием, иногда подпевал с особой охотой.

Решившись открыть окно, я покормила пшеном голубя и его подружку. Он был очень признателен, долго клевал, благодарно кивая головой.

Вдруг наши влюбленные вспорхнули и долго парили в небе, перегоняя друг друга, то разлетались в разные стороны и в полёте что-то ворковали, то слетались друг к другу, как ангелы в небе. Этот танец-кружение на воле продолжался до тех пор, пока эти неземные птицы не скрылись за горизонтом.

С тех пор каждый день я слышала залиvistое курлыкание и доверчивое хлопанье крыльев за окном.

Народная мудрость гласит: «Голубь на подоконнике — у вас не будет несчастий». Значит, эти божьи создания защищают нас от бед, горя. Как мудро все устроено на белом свете!

А сколько их, почти на каждом подоконнике! Так хочется верить: пока эти сизокрылые соседи с нами, в нашем городе будет мир, любовь и благодать.

Литература

1. Васильева О. Я верю в будущее : [сочинение] // Мегионские новости. — 2000. — 12 апр. — С. 6.
2. Горлова Л. Он стоит далеко : [сочинение] // Глаголь. — 2001. — №7-8. — С. 15.
3. Гулчаманшоев Р. Нам здесь жить : [сочинение] // Мегионские новости. — 2000. — 1 марта. С. 5.
4. Зеленкова О. С благодарностью принимая каждый новый день : [сочинение] // Мегионские новости. — 2000. — 19 мая. — С. 7.
5. Исаев В. Я никуда не уеду : [сочинение] // Мегионские новости. — 2000. — 29 марта. — С. 5.
6. Кандрукевич А. Я родился в Мегионе : [сочинение] // Глаголь. — 2001. — №7-8. — С. 15.
7. Куцык Е. Я счастлива, что живу здесь : [сочинение] // Мегионские новости. — 2005. — 19 авг. — С. 4.
8. Мой поселок : Коллективное сочинение учащихся 7-г класса СШ №6 // Мегионские новости. — 1997. — 27 дек. — С. 7.
9. Петрова К. Город талантов : [сочинение] // Мегионские новости. — 2005. — 13 сент. — С. 3.
10. Ткач А. Мой город : [сочинение] // Глаголь. — 2001. — № 2. — С. 12.

О МЕГИОНЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

Павел Бельтюгов

* * *

Что же я оставил в Мегионе,
Уезжая в отпуск на Урал...
В «Прометее» на аккордеоне
Музыкант старинный вальс играл.
А позднее в красочном наряде
Песню исполнял девичий хор
О коммунистических бригадах,
Покоривших хмурый Самотлор.
И звучала песня молодая,
Трогала мелодия до слез,
Край первопроходцев прославляя,
Край сибирских кедров и берез.
Теплыми весенними ночами
Вижу каждый раз тревожный сон:
Северянку с темными глазами
и таежный город Мегион.
Что же я оставил в Мегионе?
Сердце мне покоя не дает...
Теплой синевой на небосклоне
Город мой назад к себе зовет...

Анастасия Юсубова

* * *

Говорят, что здесь климат суровый,
Что все время снега и снега.
И совсем ненадолго зеленой
И цветущей бывает тайга.

Что тебя с этим краем связало,
Почему стал тебе он родным,
Разве здесь твоей жизни начало,
Разве здесь хочешь стать ты седым?

Только это от нас не зависит...
Север, Север ты снова зовешь,
Светлой песней прозрачного лета
По таежным проселкам идешь.

Мегион — это слово похоже
На название далекой звезды.
Этот край смотрит кротко и нежно
Зеркалами озерной воды.

Анастасия Юсубова

* * *

Как обманчив покой и дремота
Перламутровых светлых озер,
Отражающих в зеркале небо
И затейливый звездный узор.
Нефть гнедою косматою гривой
Рвется здесь из клокочущих недр,
И качается рядом пугливо
Небеса подпирающий кедр.
Где когда-то природа стелила
Разноцветные ягод ковры,
Встали кубики многоэтажек,
И слышны голоса детворы.
Буровых золотыми огнями
Нас встречает разбуженный край,
И июльским пылающим морем
Розовеет в тайге Иван-чай.

Анастасия Юсубова

Северные этюды

Шаман

Звуки бубна уносит ветер...
И голос шамана улетает в небеса...
Качаясь, стонут кедры...
Шумит листва в ожидании летнего ливня...

Возвращение

От лебединых стай светлеют небеса.
Белые, словно облака,
Опускаются птицы на синюю гладь озера,
И становится непонятно,
Где небо, а где земля...

Июль

Музыка летних трав

Звенит колокольчиком синим...
Стрекочет кузнечик,
И комариный рой застыл над оленьим стадом.
Жара...

Огонь

Добрый огонь домашнего очага,
Согревающий чум в лютую стужу!
Помоги охотнику вернуться к твоему ласковому пламени...

Солнце

О, Светило, встающее над Иртышом!
Круглой, горячей лепешкой
Катишься ты по небу,
... играешь золотыми струями
В быстрой воде.
Но в назначенный час
Дух ночи
накрывает тебя звездным пологом,
И лишь горячий брусничный краешек,
Остывает за Уральскими кряжами...

Игорь Киселев

Лирическое отступление

Последние долги зима нам отдаёт,
До утренней зари из снега шубы шьёт.
На речке замела вчерашние следы
И шепчет до утра — усни, усни, усни...
Но жалко пропускать мне этот хоровод,
И я всю ночь смотрю, а снег идёт, идёт.
И вижу вдалеке такое же окно,
Всю ночь там свет горит и на душе тепло,
И сладко думать мне, прижавшись лбом к стеклу,
Что я не одинок на сказочном балу!
Но утро настанет — конец ночным мечтам,
И заспанный народ спешит вновь по делам.

Дарья Ярушина, 15 лет, школа №4

Луна

Дымятся облетевшие сады,
Ковшом из звёзд хрусталь налит в колодцы...

Луна заполнит реки и пруды,
Которые к утру осушит солнце.

Дрейфуют в темноте немые сны,
Законы гравитации нарушив,
Но скрыться невозможно от луны,
Она ломает грани, входит в душу...

Подёрнут серой дымкой старый грот —
Свидетель неоконченного спора.
Пусть чистый, непорочный небосвод
Грозой и ливнем выльется в озёра.

Лучи заката выпиты до дна,
И смотрит беспощадно и жестоко
Огромная свирепая луна,
Как всюду проникающее око.

Анастасия Трофимова, 15 лет.

Мегион

Город милый, любимый, хороший.
Город лучший, как сказочный сон.
Слышишь, слышишь, тебя я не брошу,
Мегион, Мегион, Мегион.

Городов много разных на свете,
Много разных красивых имён.
Но прекраснее всех на планете,
Мегион, Мегион, Мегион.

И куда бы судьба не носила,
Но в душе навсегда будет он —
Самый лучший и самый красивый
Мегион, Мегион, Мегион!

Виктор Криворотенко

* * *

Вновь закончил дневную путину.
В лодке бьется увесистый язь.
Сверлит уши мотор, а мне в спину
Шепчет былль или небылль Кирыяз.

Только сердце совсем по-другому
Заскучало на том берегу...
Что мне молния — радуюсь грому,
Он родной — словно эхо в логу.

Вот сейчас — еще миг — за излучиной...
Только что же со мной — не пойму,
Ожиданьем как будто измученный
Вижу город в вечернем дыму.

Домик к дому — семейкою дружную
Мегион на закате возник,
Курит смачно — котельную «Южную»
Заломив берегов воротник.

* * *

Целый вечер готовлюсь к рыбалке,
Предвкушая улов, чутко сплю.
У реки проявляя смекалку,
Тишину с пробуждением ловлю.

Птичий щебет мне ухо ласкает
Словно флейта в таежной глуши,
Рыба плещет, круги распускает,
И цакады стригут камыши.

Мне рыбалка милее охоты,
Клева жду в камышах — не в фойе.
Из воды вынимаю восходы,
Отраженные в чешуе.

А под вечер устроясь на местности,
Я хлебаю уху между строк,
И с закатом багровым у вечности
Провожая к заре вечерок.

Лилия Такташева

Мегионские огни

Здесь шумела над Мегой
Вековая тайга,
Да порой голосила
Над землею пурга.
Ни домов, ни людей,

Буреломы да топи,
Ни дорог, ни путей,
Лишь звериные тропы.

Потеснил человек
Вековую тайгу,
Первый дом заложил
На крутом берегу.
На крутом берегу
Загорелось окно,
Это было недавно,
А быть может, давно.

Сколько лет с той поры
Пролетело, Бог весть,
Был один огонек,
А теперь их не счесть.
А теперь их не счесть,
Знать, искрою был он,
От которой над Мегой
Засиял Мегион.

Нина Даскалеску

Обь-река

Обь — всех моих песен и стихов начало.
Обь — древних легенд седина.
Я хочу, чтобы в строках звучала
Только правда, лишь правда одна.

Обь-река, всё ты знаешь о жизни моей,
Моё сердце, как в детстве, согрей!
Песню спой и ладони омой
Ты своею водой
И меня успокой, успокой.

Обь-река! Опущусь на прибрежный песок,
Остужу свой горячий висок.
Наклонюсь я к волне — пусть поведает мне
О родной, дорогой стороне.

* * *

Весна в окно постучалась метелью,
Улыбнулась лучом из-за туч.
И весёлою звонкой капелью
Разбудила дремавшую грусть.

Замечаю природы стремление
Отряхнуть с себя зимние сны,
Всё готово от сна к пробуждению,
Нужны только лишь солнца лучи.

Ну а солнце лучами украдкой
Греет землю сквозь толщу снегов.
И заплачут, заплачут берёзки,
И проснутся от тягостных снов.

Звонкой песней нам серые птички
О проказах расскажут зимы,
А потом очень доброю сказкой
Нашу землю покроют цветы.

Будет гром веселиться на небе.
Будет дождик ламбаду плясать,
Ничего нет прекрасней на свете,
Встречу лета с весной наблюдать.

Любовь Шемякина

Мегионка

Серый день.
И остановка серая.
Серая толпа автобус ждет.
Вдруг, как будто бабочка осенняя,
Женщина-красавица идет.

Яркая, изысканно-изящная,
Ножку ставит — лебедем плывет!
Губы и глаза чуть-чуть подкрашены,
Брови соболиные вразлет,
Руки нежные, лицо холеное,
Прямо вдохновение само!

Ахнула толпа замороженная:
Женщина-мечта, богиня снов!
Подошла походкою неспешною,
Встала от толпы недалеке...
Все вздохнули: нет, она нездешняя,
И идет совсем уж налегке.

Призадумались простые грешные,
Отодвинув в сторону дела:
«Не глаза, а блики вешние!»,
А ее с собою «VOLVO» увезла.

И в последний раз в окно надменная,
Словно «Незнакомка», сверху вниз
Посмотрела мисс «Сама Вселенная»
И исчезла, как судьбы каприз.

Любовь Шемякина

* * *

Мегион —
Это звезд качели,
Снежный трон,
Долгий сон,
Песни северных параллелей.
Мегион —
Снегопад в апреле,
Звездный звон,
Волчий стон,
Легкий цокот капли:
Ме-ги-он!
Птицы где-то запели,
Это явь или сон —
Мегион?
Средь времен,
Как дитя в колыбели!

Валентина Киселева

Золотая осень

Я иду по осеннему лесу
И люблюсь его красотой.
Навстречу мне ветер-повеса
Шуршит под ногами листвою.

Осень богатыми красками
Прошлась по опушке лесной —
Шиповника бусинки красные
Рассыпала щедрой рукой.

Красавицу леса — рябинку
Одела в багряный наряд.
С золотой бахромой пелеринку
Листвянке дала на прокат.

Подружки берёзки, осинки
Нарядились в цветной сарафан,
Смотрятся в лужицы-льдинки,
Страхнув с себя сон по утрам.

Я в лес ухожу спозаранку,
Когда ещё дремлет мой дом.
Пробежкой, ходьбой и зарядкой
Кончается мой моцион.

Литература

1. Бельтюгов П. Что же я оставил в Мегионе : [стихотворение] // Мегионские новости. — 1995. — 10 июня. — С. 2.
2. Даскалеску Н. Обь-река : [стихотворение] // Мегионские новости. — 2012. — 13 янв. — С. 9.
3. Довченко А. Весна в Сибири [Электронный ресурс] // Стихи.ру : [сайт]. — Режим доступа: // <http://www.stihi.ru/2002/06/01-473>. — 16.11.2012 г.
4. Трофимова А. Мегион [Электронный ресурс] // Стихи.ру : [сайт]. — Режим доступа: // <http://www.stihi.ru/2009/10/02/3403> (16. 11.2012 г.)
5. Криворотенко В. Мой город : [стихотворение] // Мегионские новости. — 1999. — 5 марта. — С. 7. ; То же : // Мегионские новости. — 2003. — 25 июля. — С. 9.
6. Такташева Л. Мегионские огни : [стихотворение] // Мегионские новости. — 2005. — 25 окт. — С. 5.
7. Шемякина Л. Мегионка; Мегион — Это звезд качели... : [стихи] // Мегионские новости. — 2000. — 1 сент. — С. 11.
8. Юсубова А. «Говорят, что здесь климат суровый...» : [стихотворение] // Мегион — источник черного золота : [фотоальбом]. — Мегион, 1997. — С. 2.
9. Юсубова А. «Как обманчив покой и дремота...» : [стихотворение] // Мегионские новости. — 2002. — 30 авг. — С. 12.
10. Юсубова А. Северные этюды : [стихи] // Голоса Сибири : лит. альманах. — Кемерово, 2009. — Вып. 9. — С. 586-587.
11. Ярушина Д. Луна : [стихотворение] // Мегионские новости. — 2012. — 13 янв. — С. 9.

В МЕГИОНЕ Я ЖИВУ, ОЧЕНЬ Я ЕГО ЛЮБЛЮ

Андрей Девяшин, 15 лет, школа № 5.

Песня про Мегион

В морозном инее нахохлились дома,
Висит над городом седая, в снеге, мгла.
Ну как же Мегион мне не любить?
Я здесь родился, и здесь я буду жить!
Чуть-чуть лиловая виднеется заря.
А вахта нефтяная работает не зря.
Копаясь в недрах матушки Земли,
Чтоб черное там золото найти.
Нефть добывать — серьезная работа!
Работают здесь до седьмого пота.
Багрянцем встретит Мегион закатный,
Когда усталые вы едете обратно.
Я вижу Мегион через пятнадцать лет —
Балков, конечно, и в помине нет.
Весь город в зелени, красивые дома.
Площадки детские у каждого двора.
Нет хмурых лиц, и небо голубое,
И в Сайме чистой слезой вода течет.
Я так хочу, чтоб город был достоин
Того народа, который в нем живет!

П.Шипулина, 12 лет, школа-гимназия № 5,

Мой город

Наверно, кто-то мудрый
Заранее придумал,
Кому и где родиться
И кем на свете стать.

А для меня задача —
Душой не облениться,
Чтоб красоту и силу
Земли своей понять.

Мне кажется, мой город —
Артерия Сибири,
Снабжающая нефтью
Заводов миллион.

Мне нравится название —
Стремительным потоком
И новым поворотом —
Родной мой Мегион.
И город мой — подросток
Взрослеет вместе с нами
Линейкой тротуаров,
Аллеями берёз.

И где бы ни была я,
Его я представляю
Ярчайшей светлой точкой
Среди огромных звёзд!

Ирина Александрова, 13 лет

Наш город

Пусть очень мал наш юный город,
На буровых — нелегкий труд,
Пусть комары и лютый холод,
Здесь люди крепкие живут!
Мне дорог каждый уголок
И вечный солнечный песок,
И даже старенький балок,
Который приютить нас смог.
Все шире улицы, стройней,
Прохожих лица веселей,
Расти, наш город, и взрослей!
Ты нефтью, газом мир согрей!

Руслан Власов, 15 лет, школа №7

* * *

Я родился в Сибири
Средь бескрайних снегов
В белом крае России,
Что красив и суров.

Здесь тайга окружает
Город наш молодой.
Он в цветах утопает
Теплой летней порой.

И мне нравятся люди,
Что работают тут.
Долго здесь не пробудет
Рвач, подлец или трус.

В жутком холоде зимнем
Замирает тайга,
Замерзает дыханье,
Оседая у рта.

И пусть манят уехать
В те края, где теплей.
Я останусь, без смеха,
Здесь, в Сибири моей.

Не по мне расставанье:
Город мой — мой маяк.
Мне пожизненно званье —
Коренной сибиряк.

Екатерина Хащивская, 6 класс, школа №2

Весна!

Я написать хочу стихи,
А строчка прыгает в окно.
Ну, кто же дома усидит,
Когда на улице тепло?

Ручей бежит в далекий путь,
Собрав все талые снега.
Удержишь чувства разве ты,
Когда на улице Весна!

В проталинах парит земля,
И зелень нежная видна...
Как все же мир устроен наш:
Тут снег и сочная трава.

Сквозь прошлогодний лист березы
Пробился молодой росток...
Все огорчения былые забудутся,
Дай только срок.

Раздвинув серость и убогость,
Ошибки прошлые пронзая,

Жизнь новая берет начало,
Когда на улице Весна!

Данил Липкин и семья, 4класс, школа №1

Первая школа

Первая школа! Ты первой зовешься не зря.
Первый урок где-то в дальнем поселке таёжном.
Первый звонок и за школьной партой друзья.
Первый учитель! Он был нам оплотом надежным.
Первая школа! Ты гордо сквозь годы несёшь
Громкое имя великого первопроходца.
Светлой дорогою детские души ведешь,
Учишь дружить, помогать и за счастье бороться.
От деревянной избушки до нынешних стен
Долгим был путь, поучительным и интересным.
Ты для себя ничего не просила взамен,
Труд твой на благо детей был всегда безвозмездным.
Сколько птенцов приняла ты в пенаты свои,
Как было сложно потом отпускать их на волю.
Сколько вложила ты в каждого сердца, любви
И отдала, не жалея, души своей долю.
Нет, ты сегодня не скромничай, ты заслужила
Честь, поздравленья, подарки, хвалу и почет!
Первая школа! Ты первая двери открыла!
Все остальные шли следом, а это не в счет!

*Елена Козлова**

Ненька — это я

Всем привет от Неньки. Ненька — это я.
Выросла, конечно, есть своя семья.
Часто вспоминаю прежние деньки —
Детство, счастье, море, звезды-огоньки,
Поле из ромашек, яблоневый сад,
Садины — зеленка, велик-самокат...

В общем — отвечаю! — детство удалось.
И историй разных много набралось.

* Цикл «Стихи про Неньку» писатель Виктор Николаевич Козлов посвятил дочери — Елене.

Если вы позволите здесь их рассказать —
Счастлива попробовать.
Можно начинать?..

Долго я просила братика «купить»,
Можно и сестричку, раз уж заводить
Мне нельзя котенка, птичку и щенка.
Мама улыбалась: «Подожди пока!»
Странные события — рано началось,
Это утро майское. Маме не спалось,
Папе тоже, видимо, было не до сна...
Утром теплым майским — родилась сестра!

Маме не нравились кошки — они «заразные».
У уличных кошек — блошки и шерстка грязная...
Так что же теперь мне с ней было поделать?
Гладила втихаря — сереньких, черненьких, белых...

Поездка на море. Мне — года четыре.
Мы в Алуште... Живем — «на квартире».
«Квартира» — огромный барак, комнат семь.
Родители — молоды, я — большая совсем.
Груши помыл отец, предложил одну.
«Мне другая нужна», — нудно стону.
«Другая? Бери! Не стони!» — протянул.
В «другой» — живой червяк. В слезах тону.

В классе первом я стремилась
Не отличницею стать,
А из школы торопилась,
Чтобы дома поиграть—
Наиграться без запретов
И успеть потом прибраться.
И не надо тут советов,
Что полезней — погулять!

Я изрезала тетрадочки —
Лучшие, то есть лощёные.

Подписала. Стали «карточки»
Медицинские, зеленые.
В них — «анализы» наклеила,
Направления, рецепты.
Наказанье — не замедлило.
Но. Да здравствуют поэты!
Папа спас одну «историю»
«Пациентки Виноградовой».
И на «взрослый» день рождения
Выдал мне её — наградою.
Так что я своей профессии —
С детства, так сказать, верна.
А Березкина Сережу —
Я придумала сама!

*Александра Лэбеде, 2 класс
и мама Светлана Владимировна*

Мама

Утро начинается, солнышко встает,
Мама улыбается, песенку поет.
Приласкает, приголубит, ласково зовет:
— Просыпайся, Сашенька, день уж настает.
День за днем так наступает в ласке и любви,
Лучше мамы не бывает, лучше не найти!

Настя Попова, 9 лет, школа № 2

* * *

В Мегционе я живу,
Очень я его люблю.
Он красивейший на свете!
Это знают даже дети.
Мегцион прекрасный город.
Хоть пока еще и молод.
В нем палитра всех цветов —
В мире нет таких городов.
Это родина моя!
Здесь живут мои друзья.
И школа тоже здесь моя.
Люблю я, Мегцион, тебя!!!
Нашей школе — 35,
Будет школа процветать!

Алексей Талабко, 5 класс, школа №2

Осенняя грусть

В Мегиионе осень.
Листья пожелтели,
И опали под ноги
На грустные аллеи.
И прохладный воздух
Дымкой серебрится,
И остались в прошлом
Летние зарницы.

Андрей Белянков, 5 класс, школа №2

Посвящение клюкве

Клюквы красные
Спелые шарики
По ночам включают фонарики.
И зимой из-под снега они
Светят ярко до самой весны.
Их в корзину положишь,
Домой принесёшь –
Миллион витаминов
В каждой штучке найдёшь!

Ярослав Хромцов, 5 класс, школа № 2

Осень

Дни становятся короче,
На дворе гуляет осень.
Жёлтым цветом красит листья,
Просит ветер их срывать,
Ими землю украшать.
И теперь цветной узор
Очень радует наш взор.
Провожает осень птиц,
Улетающих на юг.
Как хорошая хозяйка,
Посылает нам подарки:
Спелых зёрен, фруктов, ягод.
Вот она какая,
Осень золотая!

Любимый Мегион

В Мегионе хорошо,
В нём тепло и сухо.
Каждый день все ходят в гости,
Нет в нём места грусти.
В сквере я люблю гулять,
С друзьями веселиться.
Я хочу здесь взрослым стать,
Может, и жениться.

Город – зимняя сказка

Просто сказка – снежный дом.
Снежный замок, снежный ком.
В этом доме – холода,
Вьюга снежная всегда.
Всем она здесь заправляет.
В сказках так всегда бывает.
Сторожит она давно
Здесь приданное своё.
В доме холода бушуют,
Снег, пурга леса штурмуют.
На хранение взяла
Вьюга округ наш – Югра.
А в Югре той город есть,
Здесь таких не перечесть.
Может их и миллион,
Но люблю я Мегион!!!

Виктория Максимова, 16 лет, школа № 2

* * *

Слава нашим нефтяникам,
Слава нашим геологам,
Разведчикам чёрного золота!
Если бы только мы там побывали,
То, конечно бы, мы увидали,
Как в тайге, зимой запорошенной,
По болотам нехоженным,
Невзирая на время года,
Непрестанно ведётся работа.

Из последней ясно сводки —
Нефть добыл Григорий Норкин!
Ровно полста лет назад
Здесь, в тайге, нашёл он клад!
За нелёгкую работу
Был вручён им знак почёта!
Вклад немалый был работников,
Рыбаков, кочевников, охотников.
Находки делались порою случайно,
Как будто пальцем ткнули нечаянно.
И вот он, фонтан, над землёю возник —
От радости прыгает млад и старик,
Летят вверх шапки, срываются с уст
Крики «Пошла!» — ликует толпа!
Прошло ещё четыре года,
И не сменяя темпа хода,
Будто, правда, наваждение
Открылось Самотлорское месторождение!
В том самом счастливом году,
«Да здравствует нефть!» —
Все кричат как в бреду...
Вот они, залежи нефти глубокие
И кладовые природы далёкие!
Именем Норкина в городе нашем
Школу назвали и улицу даже!
Слава разведчикам, нашим героям,
Что нефть обнаружили под толстым слоем!
Ценность находки — великий размер,
Для молодёжи — хороший пример!

Настя Самойлова, 4 класс

Мегион

Городов в этом мире не счесть.
Их названия прекрасны и сложны.
В них историю можно прочесть,
Географию тоже можно.
Есть города-заводы,
Есть курортные зоны,
Но среди тысяч других
Лучше нет Мегиона.
Этот город родной,
Он красивый, цветной,
Музыкальный, спортивный
И, конечно же, нефтяной.

Мой город

Малая родина.
Спросите, что это?
Вам отвечу:
Мой город родной!
С милым названием
МЕГИОН
Здесь люди живут,
Как волшебники добрые.
Здесь шумные праздники,
Дети довольные.
Здесь счастье и радость
На каждом углу.
Здесь я и Наташа, и Саша живут!

Вика Храмова

Нефтянику

Добыча нефти — отважное дело,
За эту работу берется он смело.
Вот нефть рекою полилась,
Ура! — Работа удалась.
Теперь эта нефть побежит по трубе,
Здоровья и славы, нефтяник, тебе.

Илья Филиппов

Рыбалка

Дует ветер и метет, замерзают руки.
Здесь, среди лесных болот, все затихли звуки.
Без движенья я сижу, в одну точку лишь гляжу.
Ни времени, ни даже сил на это мне не жалко!
Эх, до чего же хороша ты — зимняя рыбалка!

Литература

1. *Александрова И. Наш город : [стихотворение] // Мегионские новости. — 1999. — 1 июня. — С. 4.*
2. *Власов Р. Я родился в Сибири : [стихотворение] // Мегионские новости. — 2005. — 7 окт. — С. 3.*

3. Девяшин А. *Мой город : [стихотворение]* // *Мегионские новости*. — 2000. — 29 марта. С. 5. ; *То же* : // *Мегионнефтегаз-Вести*. — 2005. — №19. — С. 4.
4. Шипулина П. *Мой город : [стихотворение]* // *Мегионские новости*. — 2005. — 7 окт. — С. 3.
5. Горлов А. *Тебе, город нефтяников! : [стихотворение]* // *Мегионнефтегаз-Вести*. — 2005. — №24. — С. 5.

МЕГИОНСКИЕ МОТИВЫ

К 30-летию объединения «Мегионнефтегаз»
Стихи и музыка Анастасии Юсубовой

* * *

Таял день и медленно, и томно,
Гасли краски яркого заката.
Вспомним через 30 лет,
Вспомним через 30 лет
Тех, кто в этот край пришел когда-то.

Первые десанты с вертолета,
Первых буровых огни ночные.
Вспомним через 30 лет,
Вспомним через 30 лет
Лица их такие молодые.

Вата и Аган, Баграс и Покур,
Обь большая с маленьким причалом.
Вспомним через 30 лет,
Вспомним через 30 лет
Промыслов огромного начала.

Новые открытия ожидают
Молодых, что нам идут на смену.
Пусть и через 30 лет,
Пусть и через 300 лет
Молодым удача смотрит вслед.

Песнь о Югре

Стихи и музыка Анастасии Юсубовой

1.
В сумраке молочном белой ночи
Облас, разрезая тишину,

Медленно скользит по водной глади,
Оставляя легкую волну.
Кружат в танце лета пики елей,
И бледнеют звезды в вышине,
Вспоминая зимние метели,
Дремлют в полуночном сладком сне.

Припев:

Земля моя, Югра моя!
Как весной на озера твои возвращаются белые птицы,
Так и сердце не может бескрайним простором напиться!
В тихом шелесте трав
И в угрюмом молчании болот
Твоя вечная тайна живет.

2.

Песни ль осень о тебе заводит
Струнами ли северных ветров,
Иль охапки листьев рассыпает
На узоры ягодных ковров,
Или недра гулко отзовутся
Гривою мохнатой нефтяной!
Все слова в единый гимн сольются
О тебе, лишь о тебе одной!
Припев.

Гимн покорителей Самотлора

Стихи и музыка Анастасии Юсубовой

Кто с первым десантом сюда прилетел
В края комарья и метелей,
Тот истину здесь, как планету, открыл
Чего стоит нефть в самом деле,
Чего стоит капля, как в толще земной
Миллионами лет созревала,
Кто чрево ее,
Разорвав долотом,
Стал крепче любого металла.

Вам кожу на лицах дубили ветра
Каленым морозным дыханьем,
Но шли через топи вперед трактора,
Ничуть не боясь расстоянья,

Где точкой на карте отмечен забой,
Что в будущем промыслом станет.
Напористо шли, как на праведный бой,
Рассветной, малиновой ранью.

В далеком Приобье растут города,
Вставая в тайге миражами.
Мы славим тебя, Мегиона Земля
Легендами, песней, стихами!
Спокойно, уверенно вахту несет,
Богатства страны умножая,
Простой и надежный сибирский народ,
Историю века свершая!

Я уже не уеду назад

Слова Лилии ТАКТАШЕВОЙ, Муз. В. СЕРЕБРЕННИКОВА
Исполнитель Захар КОТЫШЕВ – Школа-искусств «Камертон»,
Лауреат телевизионного конкурса «Песенка года» – 2005 г.

1.
Я когда-то давно прилетел в этот край
От тоски и житейских невзгод.
Огляделся и понял, что попал я не в рай
И решил – улечу через год.

Припев:
Увозили отсюда меня поезда,
И несли по Оби корабли.
Но душой не уйти,
Не уплыть никуда
От моей Мегионской земли,
От родной Мегионской земли.

2.
Тосковал я по дому, по родимым местам,
Где по-своему жизнь хороша.
Не заметил и сам, как грустить перестал,
Как к тайге прикипела душа.
Припев.

3.
Много лет пролетело с той далекой поры
И пускай здесь морозы трещат,

И житъя не дают в летний зной комары,
Я уже не уеду назад.
Припев.

4.

Где над Саймой когда-то шумел дикий лес.
Золотые горят купола.
И храня нас от бед Божья Матерь с небес
Распростерла свои покрыва.
Припев.

Мегионский вальс

Сл. Кречетовой А.В. Муз. Самокина А.И.

Ветер смолистой, сибирской тайги
Веет в лицо мне свежей волной,
Город живет у таежной реки,
Город с нелегкой рабочей судьбой.

Припев:

Город мой Мегион — он совсем небольшой,
Весь наполнен движеньем рабочего дня.
Он одною судьбой связан с целой страной,
Юный город в Сибири моложе меня.

Утром летит к буровым вертолет.
В чьих-то глазах застывает печаль,
Город одних возвращения ждет,
Других провожает в туманную даль.

Улицы сжала вечерняя мгла,
В огненных сполохах веет горизонт,
То буровые зажгли факела,
И новых рассветов ждет Мегион!

Музыкальная деревяшечка

Сл. В.Н.Козлова Муз. Ж.Л.Металлиди

Дервяшка ль ты моя, деревяшечка!
Поскрипушка ль ты моя, продувашечка!
Тридцать лет прошли с тобой — как мгновение.
И — другие теперь поколения.

Лишь музыка по-прежнему слышна
В твоих стенах торжественно и ново.
Душа внимает музыке — ОНА
Ей скажет то, о чем не скажет СЛОВО!

Музыкальная моя деревяшечка!
Мы покинем тебя, продувашечка...
Но, наверно, начнем с опозданием
Музицировать все в новом здании, —

Там тоже будет музыка слышна —
Звучней, быть может, только
В стенах новых.
Душа подвластна музыке — ОНА
Ей скажет ВСЕ, о чем не смеет СЛОВО!

Мегионское танго

Сл. В.Н.Козлова Муз. Ж.Л.Металлиди

Мегинское танго —
грусть февральской пурги.
Мегионское танго —
радость майской тайги, —
В его музыке — тайна,
тайна белых ночей.
Мегионское танго —
дрожь руки на плече.
Мегионское танго —
нашей юности сны.
В его музыке тайна, тайна новой весны.
Мегионское танго —
половодье Оби.
Мегионское танго —
танго нашей любви.

Белая ночь

Сл. В.Н.Козлова Муз. Ж.Л.Металлиди

1. В Север влюбились с тобою мы с первого взгляда
и до сих пор притяженья его не смогли превозмочь.
Но ничего мне, признаюсь, не надо
кроме того, чтобы ты была рядом,

и — чтобы тихо кружилась над нами
лебедью
белая
ночь.

2. Скучно бывало в пургу и в глухое ненастье —
так, что хотелось все бросить и с Севера — прочь!
Но над собою уже не имели мы власти
и, подчиняясь таинственной страсти,
ждем, не дождемся: когда же закружит
лебедью,
лебедью
белая ночь.

3. Ты не жалеи, что на Севере корни пустили:
в теплых краях показалось и детям невмочь.
Ну, улыбайся, родная, хорош, погрустили!
Глянь: женихи твою дочь обступили...
Кружится в вальсе... Пусть кружится в вальсе —
Лебедью!
Лебедью! —
Милая дочь
В белую,
белую,
белую ночь.

То ли день, то ли ночь

Сл. В.Н.Козлова Муз. Ж.Л.Металлиди

1.
Сладкий — багульника, терпкий — черемухи — запах.
Глыбь или высь — мне уже ничего не понять.
Я заблудился совсем: где — восток, а где — запад?
Белая ночь это или затмение дня?

Припев:
То ли день, то ли ночь, то ли затмение?
Моя лодка плывет по течению.
Вниз по Меге плывет моя лодочка,
а напротив меня — Мегеионочка!

2.
Я — мегеионец. И этим все сказано, братцы.
И мегеионцы — друзья все мои и родня.

Я — меггионец, и должен вам честно признаться,
Что в Меггионку влюбился без памяти я...

То ли день, то ли ночь, то ль затмение?
Моя лодка плывет по течению.
Вниз по Мегге плывет моя лодочка,
а напротив меня — Меггионочка!

Литература

1. Бархатова И. Город : [Электронный ресурс] // Джайв. — Сочи : Студия «На одном дыхании». — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Даскалеску Н. Город мой — Меггион : [стихотворение] // Меггионские новости. — 2005. — 20 сент. — С. 3.
3. Искандер Наш Меггион [Электронный ресурс] // Джайв. — Сочи. — Студия «На одном дыхании». — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Кедрова А. Гимн покорителей Самотлора : [стихотворение] // 40 лет Меггионской нефти : [фотоальбом]. — СПб., 2004. — С. 1.
5. Кречетова А.В. Меггионский вальс : [песня] / сл. А.В. Кречетова; муз. А.И. Самокин // Во славу города родного : [фотоальбом]. — Нижневартовск : «Гранд-Арт», 2005. — С. 95.
6. Козлов В.Н. «Меггионское танго»; «Белая ночь»; «То ли день, то ли ночь» : [песни] / сл. В.Н. Козлов; муз. Ж.Л. Металлиди // Козлов В.Н. Меггионское вдохновение. — Екатеринбург, 2002. — С. 230, 236, 265.
7. Такташева Л. «Я уже не уеду назад» : [песня] // Серебренников В. Поэт «Камертон» : [музык. сб.]. — Тюмень, 2006. — С. 1.
8. Юсубова А. Звезда Самотлора; Песня о городе : [стихи] // Меггионские новости. — 1995. — 3 авг. — С. 3.
9. Юсубова А. Песня о городе; Гимн округу; Песня о нефтяниках Агана : [стихи] // Под северным небом : сб. / сост. С.А. Луцкий; худож. А.Б. Мухаметова. — Меггион, 2000. — С. 75-79.
10. Юсубова А. К 30-летию объединения «Меггионнефтегаз» : [песня] // А. Юсубова к60 параллель : [Электронный ресурс] : [песни о Ханты-Мансийском автоном. округе]. — Меггион, 2002. — 1 эл. опт. диск (CD-DA).
11. Юсубова А. Тюменский Север; Песня о нефтяниках Агана : [стихи] // Меггионские новости. — 2002. — 30 авг. — С. 3, 12.

ЮГОРСКИЕ СКАЗКИ

Данила Купальцев, 9 лет, школа № 9

О чём плачет кедр? (легенда)

Было это давным-давно. Жил-был ленивый и непослушный мальчик. Однажды он пошёл в тайгу, чтобы набрать грибов и ягод. Но ему лень было собирать по ягодке, и он рвал их вместе

с листьями и ветками. Грибы он выдёргивал с корнями, а когда корзинка наполнилась, мальчик стал давить грибы ногами. А когда и это ему надоело, он взял толстую палку и стал стучать ею по деревьям, чтобы распугать птиц и белок.

Рассердились на него за это духи леса. «Лес тебя кормит, а ты его обижаешь, делаешь ему больно! Теперь ты пятьсот лет будешь деревом и будешь чувствовать всю боль, которую чувствуют деревья. Ты тоже станешь кормить людей и приносить им пользу, но они за это будут бить тебя палками», — так сказали духи леса и превратили мальчика в кедр.

С тех пор кедр — единственное дерево в тайге, которое кормит людей вкусными и полезными орешками. Но когда люди собирают кедровые шишки, они бьют по стволу кедра колотушками, чтобы шишки попадали вниз. И тогда кедру больно, и он плачет. Мальчик-кедр давно понял, как плохо он обращался с природой, и он очень хотел бы снова стать человеком и вернуться домой к родителям, но духи леса его не прощают. И от этого он тоже плачет. Люди собирают его слёзы, кедровую смолу, и готовят из неё лекарство.

А ханты до сих пор говорят, что кедр всё понимает и чувствует, как человек. Он знает, когда людям холодно, страшно или больно. Поэтому они считают кедр посредником между человеком и природой.

Гульнур Зиганишина, 7 лет, школа № 9

«Берегите природу»

Жила-была одна семья: папа, мама, сын и дочка. Наступило долгожданное лето. Стояли солнечные, жаркие дни. И семья отправилась на природу отдыхать. Нашли они красивое местечко для отдыха. Неподалеку виднелись юрты ханты. Папа решил разжечь костер и пошел нарубить веток. Нашел он молодую березку. А березка почувствовала опасность и начала плакать и просить человека: «Не руби мои ветки, мне же больно. Вот на земле много сухих веток лежат».

А в это время сынок позвал папу на помощь. У него расстегнулись сандалики. Дочка Таня бегала за бабочками, хотела их поймать. Бабочки очень устали порхать своими крылышками. Они спешили домой к своим любимым деткам.

И вдруг зашумели деревья, поднялся сильный ветер. Солнышко скрылось за тучами. Вышел из леса Тасман. Он сказал: «Что останется на земле, если каждый будет рубить деревья, ловить бабочек, убивать птиц и зверей. Вы же не хотите, чтобы с вашим домом, с вашей семьей плохо обращались. Люди, будьте добрее, берегите свою Югорскую природу!»

Папа собрал сухие ветки, разожгли они костер, поели, отдохнули. Таня наблюдала за бабочками. В лесу было так хорошо! Солнышко им улыбалось, ветерок теплый дул, а деревья загадочно перешептывались. Все — папа, мама, сын и дочка — весело провели время, радуясь, что никому не навредили.

Вскоре они собрались домой. За собой убрали мусор, а папа погасил костер. Их провожали зайчики и белочки.

Маргарита Бревнова, 9 лет, школа № 9

Спасенный кедр

Жил да был в тайге могучий кедр. Его шишками питались бурундуки, белки, соболя — всем нравилось чудо-угощение. Был он добр и приветлив со всеми и всем дарил радость и украшал зеленую тайгу. Однажды в тайге раздался шум голосов и глухие удары топора, это лесорубы пришли рубить деревья. Вот подобрались они к старому кедру, и завизжали их пилы. Белочка выглянула из дупла и ужаснулась: она же лишится дома и еды и другим зверятам больше не полакомиться плодами кедра. Стала она звать на помощь лесной народ. И соболя, и волки, и все жители леса пришли на подмогу, и даже сам хозяин тайги медведь. Как увидели лесорубы полчище лесное, так и бросились наутек, аж пятки засверкали. В знак благодарности кедр зашумел своими ветвями и набросал шишек своим друзьям. Все звери дружно пировали и водили хороводы вокруг кедра.

Аркадий Огорелков, 9 лет, школа № 9

«Хороший урок»

Было это очень, очень давно. На берегу красивого озера у самого края тайги жили дед Нерох (лысая голова), да его внучок Чухпелек (быстрый) и верный пёс Кулькатли (черта ловил). Дед рыбу ловил, ходил на охоту. А внук его бегал целыми днями по двору и стругал разные дощечки, собирал чернику да морошку. Одним словом, бил баклуши. На охоту с собой дед Нерох его не брал, как не просил его Чухпелёк, как не уговаривал. А всё потому, что был внук очень непослушным и шумным. На охоте мог зверя вспугнуть.

Каждый раз, когда дед Нерох уходил в тайгу, дома оставлял верного пса Кулькатли присматривать за внуком. И каждый раз наказывал дед Чухпелёку, чтобы он не отлучался от дома, пока его нет. И не ходил к озеру один. А жил в том озере огромный,

старый сердитый карась, который очень любил тишину и не любил маленьких детей.

Так и на этот раз, собираясь на охоту, напомнил дед внуку о старом карасе и настрого приказал к озеру не ходить. Псу дал наказ стеречь неугомонного внука.

Пригревало тёплое солнышко, звонко пели птицы, задремал старый пёс под их красивое пение. А Чехпелёку тем временем наскучило прыгать да скакать по двору, и не знал он, что ему делать, чем себя занять. Посмотрел по сторонам, увидел, что Кулькатли дремлет на солнышке...

— Дай, думает, — сбегаю я пока на озеро. Ничего страшного не случится. Я быстро, — подумал он.

Добежав до озера, набрал камней и давай их в воду бросать. Старался камни брать огромные, чтобы брызгов побольше было. Наскучило ему и это занятие, взял он тогда старую корягу и стал бить по воде, мальков гонять.

Надоело всё это старому карасю, вынырнул он из воды, хват за штанину непослушного пацанёнка и давай на дно к себе тянуть. Не на шутку испугался Чехпелёк, стал кричать, на помощь звать. Услышал крик пёс Кулькатли, кинулся мальчика спасти, еле успел вырвать его у караса.

С тех пор Чехпелёк стал смиренным и послушным и во всём своему деду Нероху помогал. Вот такой хороший урок преподнёс старый карась мальчику.

Арина Клименкова, 7 лет, школа № 9

Путешествие в Югорскую сказку

Наши родители решили организовать для нас зимние приключения. Этой поездки с нетерпением ждал весь наш 1-й класс. И наконец, этот день настал! Было обычное мартовское утро, мы все дружно собрались у нашей девятой школы. За нами приехал большой автобус, и мы отправились в наше первое путешествие на базу отдыха с красивым названием «Югра». Ехали долго. Было шумно и очень весело. И вот мы на месте.

Вокруг была такая необыкновенная красота, какой я не видела ещё никогда! Зимний лес — это сказочный лес! Деревья, большие и лохматые, стояли, не шелохнувшись, как будто боялись сбросить нарядные одежды, которые им подарила зима. Где-то далеко выстукивал свою дробь дятел. Большие и белые сугробы укутали корни деревьев. Всё это просто завораживало...

Но тут нас позвали, я подмигнула деревьям и шепнула: «Я ещё с вами не прощаюсь!».

А впереди нас ждала хантыйская деревня-стойбище, тропа приключений, народный танец вокруг костра, плов из большого казана, дерево желаний и много чего необычного и интересного.

Мы с большим удовольствием перемеряли все сугробы, ныряли и барахтались в снегу, даже побывали в снежной пещере. Мальчишек забрасывали снежками, а они в свою очередь — нас.

Вдоволь нарезвившись, мы немного устали. Я отстала от своих подружек, села в сугроб и опять задумалась...

Тихо падал снег. Зимний лес красивый, кружевной, загадочный. Белым пушистым одеялом покрыта вся земля, все деревья. Они как будто заснули, укутавшись в белые пуховички, слушающая волшебную музыку снежинок. Ее можно услышать, если очень хорошо прислушаться. Я слушала эту музыку и смотрела, как снежинки летят с неба, которое кажется бездной. Мне не хотелось нарушать эту красоту. Я закрыла глаза и оказалась на сказочной полянке, где собрались лесные зверюшки. Вот лисичка распушила хвостик и обмотала его вокруг шейки, чтобы не было холодно. Зайчата хвастаются друг перед другом морковками, которые держат в своих лапках. Ёжик угощает всех сушеными грибами и яблоками. Где-то на верхушке сосны суетится белка. Вокруг ёлочки в белоснежном платье скачут самые маленькие жители леса. Снегири, как ягоды рябины, присели на ветке. Вдалеке важно бродит лось с огромными рогами. Зимой в лесу очень много чудес.

И тут меня позвали Ира с Томой. Я открыла глаза. Густо падал снег. Моя сказочная полянка со зверюшками исчезла, мне стало немножко грустно. Мы побежали к нашему автобусу. Прощай, моя Югорская сказка! Я обязательно вернусь, чтобы снова встретиться с тобой!

Ксения Романова

Осенние парашютисты

Осенние парашютисты, листья — красные, желтые, оранжевые — с клена, березы, с ивы и липы летят. Летят они, как разноцветные парашюты. Летят плавно. Во время полета, кажется, управляют свои парашюты. Это осень высаживает свой десант.

Осенью дети ходят в школы, садики. Им нравится эта картина. А вот кто-то летит на паутинке. Это паучок. Паучки тоже летят на своих парашютиках-паутинках.

Литература

1. Романова К. *Осенние парашютисты*: [зарисовка] // *Мегионские новости*. — 2008. — 1 авг. — С. 7.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абазаров В. А. — 39, 58, 63, 65,
69, 78, 89, 105, 109, 118, 124
Абдуллина Р. А. — 162
Айваседа П. Я. — 183
Алеева Г. — 62
Александрова И. — 214
Алешина Т. — 149
Анисимов К. — 17
Анисимова А. В. — 14
Антополь М. — 19
Антушев А. И. — 101
Арнапольский Г. С. — 85
Белоглазов Л. — 78
Белоглазов Ю. Л. — 79, 110
Белоглазова А. М. — 78, 84, 105,
107
Бельтюгов П. — 204
Белянков А. — 219
Бнятова Н. С. — 59
Богатая Н. А. — 57
Бойко И. — 38, 132
Бойко Н. С. — 171
Бондарь А. Д. — 103, 110
Бондарь Л. Н. — 106
Бондарь Р. А. — 105
Борисенко Л. Г. — 158
Бочкарева Н. В. — 109
Бревнова М. — 231
Бузынина А. — 202
Быстрицкий А. Г. — 116
Васечко Г. Р. — 86
Васильева О. — 190
Васякин В. С. — 106, 118
Васятин В. С. — 99
Ветров М. — 108
Ветрова В. — 108
Винокуров В. Н. — 22, 53, 62
Власов А. 116
Власов Р. — 214
Вотюков Ф. — 87
Вълчев И. И. — 104
Высоцкий В. С. — 163
Высочинская Л. М. — 77
Высочинский И. Я. — 69, 73, 91,
100
Высочинский В. И. — 74
Высочинский Б. И. — 74
Вэлла Ю. К. — 182
Гавриков В. А. — 78, 113, 119
Гаврикова Д. М. — 78, 109
Галин Р. — 54
Геничев Н. В. — 56, 68, 98
Геничева В. А. — 68
Герасимов С. Н. — 10
Герасимов Ю. Н. — 11
Герасимова А. В. — 54
Герфанов Н. А. — 42
Гордеев П. Г. — 17, 19
Гордеев Н. — 17
Григорьев Н. — 87
Громов А. К. — 124
Гузь С. — 57
Гулчаманшоев Р. — 192
Гусячий Н. Я. — 105, 111
Гусячая Г. И. — 114
Давлятова О. Б. — 169
Данилова А. В. — 74
Даскалеску Н. — 209
Девашин А. — 213
Денисов Н. — 168
Дождев В. — 113
Доманюк В. Н. — 109
Доминов В. — 57, 62
Дроздов А. — 113
Дронов Н. — 89
Дунин-Горкавич А. А. — 16, 22
Дьяченко А. — 197
Егорова В. П. — 201
Екимова Д. — 154
Екимова П. — 154
Елизарова Ф. М. — 152
Елов Г. С. — 35
Емельянов В. В. — 135
Еременко В. — 168
Жемчуг Ю. И. — 75
Жильцов А. М. — 57
Жильцова — 62
Житникова М. И. — 162
Зайцева Е. Г. — 162
Залогина Н. П. — 33, 164
Залогин П. А. — 33
Захарова В. — 28
Зеленкова О. — 188
Зиганшина Г. — 230
Зырянов Г. П. — 17, 53, 61
Зырянова Е. Г. — 54, 62
Иванов Н. Н. — 66, 116
Ильин Н. Л. — 30
Ильина З. П. — 30
Исаев В. — 189
Карелин М. А. — 49
Катуненко А. И. — 159

- Кашапов И. Ф. — 42
 Кашина Л. Д. — 95, 141
 Киселев И. — 206
 Киселева В. М. — 211
 Кленова З. М. — 158, 161, 171
 Клименкова А. — 232
 Кожевников П. — 14
 Козлов В.Н. — 76, 92, 128, 167, 226, 227, 228
 Козлов Н. Ф. 129
 Козлова Г. И. — 129
 Козлова Е. — 177, 216
 Колотовкин В. — 124
 Колчак А. В. — 20
 Кондрашова Л. — 59
 Коновалова В. Н. — 65
 Коняев Н. — 168
 Коржевская Г. — 159
 Котлярова Т. В. — 156, 161, 165, 167
 Котышев З. — 225
 Кочергина З. П. — 28
 Кошиль Л. — 56
 Кравчевский П. — 116
 Кречетова А. В. — 226
 Кривков В. — 27
 Кривкова Г. — 27
 Криворотенко В. — 207
 Кругликов Н. Ф. — 180
 Крюков — 31
 Кудряшев С. — 220
 Кузнецов А. А. — 149
 Кузьмин А. М. — 138
 Кузютин Л. И. — 88
 Кузяков А. — 106
 Кунгурова И. И. — 62
 Кунафин Р. — — 222
 Купальцев Д. — 229
 Купальцева Н. — 44, 63, 71, 73, 78, 82, 103, 107, 111, 114, 121, 124
 Куприянова Н. А. — 159, 162
 Курбатов А. И. — 91
 Куцык Е. — 199
 Кыкина Р. — — 12
 Кыкин Н. — 10, 53, 61
 Лагутин В. — 87
 Лепецкий — 16
 Лепина В. Н. — 159
 Липецкий В. — 61
 Липкин Д. — 216
 Липковская Г. — 57
 Липковский Е. Ф. — 64, 75, 87
 Лосев В. — 174
 Лосева А. С. — 56
 Лоскутов А. Н. — 20
 Луговской И. — 116
 Лушевич Я. — 152
 Львова Е. — 27, 28, 35, 40, 42, 99
 Львовская С. А. — 158, 165
 Лэбеде А. — 218
 Майорова О. А. — 59
 Максимова В. — 220
 Малыгин С. Л. — 66, 84, 91, 97
 Мамаева Т. Н. — 27
 Мамонтова Т. В. — 141
 Мартемьянов В. И. — 114
 Матвеева Е. — 194
 Маурер А. П. — 47
 Медведев В. И. — 198
 Медведев И. А. — 121
 Медведев И. — 198
 Медведев М. А. — 198
 Меджевский Г. В. — 66, 71, 116
 Мериновы — 10
 Металлиды — Ж. Л. — 226, 227, 228
 Минаев В. — 89
 Митрофанова Л. С. — 165
 Митусова Р.П. — 183
 Морозов А. Ф. — 24
 Морозова Л. — 210
 Нагибин — 62
 Нагибина Л. А. — 51
 Наливайко А. И. — 25
 Нечипоренко Н. Д. — 158
 Никитина В. С. — 54
 Никулина Н. А. — 158
 Новосельцев Н. — 118
 Норкин Г. И. — 39, 56, 63, 67, 71, 84, 88, 97, 113, 116, 124
 Норкина Е.С. — 63
 Огорелков А. — 231
 Огрызко В. — 168
 Орлянская Л. И. — 201
 Остриков Н. П. — 42
 Островские — 21
 Павлюченко М. — 116
 Палкина В. Я. — 41
 Панов Г. — 89
 Перемитин В. — 27
 Пермитин Я. И. — 159
 Петрова К. — 201
 Петрович Т. П. — 13
 Печорин — 160
 Подшибякин В. Т. — 116
 Поляков П. Ф. — 42
 Попова Н. — 218

- Потапенко Л. А. — 162
 Потехина Л. А. — 163
 Проломкин В. — 12, 61
 Проломкин М. — 10, 14, 17
 Пузиков В. Н. — 113
 Пылин Я. — 10, 61
 Пырырко Н. М. — 158, 164
 Разин Я. М. — 59
 Ржевский В. Ф. — 62
 Ровнин Л. И. — 83
 Романова А. В. — 130
 Романова К. — 131, 233
 Романова М. — 128
 Рудольф А. — 56
 Рыбкина Т. — 193
 Рынковой И. И. — 85
 Салманов Ф. К. — 57, 67, 75, 81, 86, 89, 117
 Салмин В. Д. — 80
 Самойлова Н. — 221
 Самокин А. И. — 226
 Седых А. П. — 11, 19, 59
 Седых С. А. — 11, — 59
 Селиванов Б. М. — 113
 Семенюк Т. — 187
 Серебренников В. — 225
 Сержант В. А. — 182
 Сержант Ю. — 182
 Сигильетовы — 10
 Симаков А. А. — — 160
 Симаков М. — 67
 Синюткин М. Ф. — 70, 78, 82, 106, 110
 Ситников П. К. — 179
 Сметанин С. — 168
 Соколовская В. И. — 42
 Соколовский А. Р. — 42
 Солженицын А. И. — 59
 Степанов Г. В. — 124
 Степанова А. И. — 125
 Стижнин Г. В. — 52
 Стоцкая И. П. — 133
 Сурков В. К. — 99
 Сухушин В. И. — 37, 98
 Сухушина А. В. — 37
 Сысоев П. — 11
 Сысоева Т. П. — 13
 Такташева Л. — 208, 225
 Талабко А. — 219
 Тепляков Е. А. — 75
 Терехова Н. — 134
 Ткач А. — 199
 Ткач Е. — 151
 Топорков Т. — 27
 Трофимова А. — 207
 Тумаев В. В. — 92
 Тумаева Г. И. — 92
 Турчен А. П. — 104
 Тюменцева Н. — 62
 Урусов С. Н. — 87
 Усанова Е. — 100
 Усманова Е. — 47
 Уткин С. — 89
 Федоровский Н. П. — 132
 Федотов В. — 82
 Филиппов И. — 222
 Халецкий Е. В. — 117
 Харгелия К. — 186
 Хафизов Ф. З. — 67, 91
 Хащивская Е. — 215
 Хохряков Б. С. — 80, 82, 98, 110
 Храмкова В. — 222
 Храмов В. — 116
 Храмов Г. В. — 28
 Храпова Е. — 24, 67, 166
 Христенко Н. И. — 113
 Хромцов Я. — 219
 Хрущев Н. С. — 23
 Худорожков Г. П. — 79, 106
 Цыбизова Н.Я. — 44
 Черкашин И. И. — 95
 Черкашин В. И. — 99
 Черкашина М. Г. — 96
 Чернов Н. М. — 147
 Шайдуллина Д. — 29, 92
 Шалавин М. В. — 67
 Шамсутдинов Н. М. — 168
 Шашин В. Д. — 93
 Шевцова М. И. — 162
 Шемакина Л. — 210
 Шерер А. — 116
 Шестакова — О. — 147
 Шипулина П. — 213
 Широлина Т. — 49
 Шлябин Д. В. — 7, 89, 138, 145
 Шлябин Д. Д. — 6, 14, 15, 18, 85, 138, 146, 171
 Шлябина В. М. — 27, 138, 141
 Шлябина Н. А. — 139
 Шушмаркина Л. — 195
 Щепеткин В. Д. — 39, 89, 124
 Щепеткина В. И. — 39
 Эрвье Ю. Г. — 58, 63, 68, 83, 89
 Юдина Э. — 153
 Юргенсон Т. — 21, 36, 138
 Юсубова А. — 133, 137, 204, 205, 223, 224
 Ярушина Д. — 176, 206

СОДЕРЖАНИЕ

МЕГИОН – ЭТО СЛОВО ПОХОЖЕ НА НАЗВАНИЕ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

Здесь были тайга и топкие болота	
«Золотой век» деревни Мегион	6
Дорогами прошлого	14
Остров Смольный	15
Куда уходят пароходы	18
То время слишком памятно	21
Строители прошлого и настоящего	24
Был поселковый клуб	27
Почта – как это было	28
Моя судьба связана с Мегионом	
Жизнь прожить – не поле перейти	29
Призвание – водить корабли	33
«Это было недавно, это было давно...»	35
«Обычная совсем история»	36
Они стояли у истоков	38
Жили, как все	40
«Я ни о чем не жалею»	42
Первый главный врач	44
Счастлив тот, кто щедр душою	47
Сдаваться возрасту Карелин не спешит	49
Наша жизнь очень красиво прошла...	
В сорок пятом весна пришла рано	51
Старожил	53
Счастливая судьба	54
Первая нефть	56
Боль своего отечества	59
Мы открыли нефть, нефть открыла нас	
«Свой след на земле он оставил навечно...»	63
Первая нефть Баграса	67
Ученик «таёжного профессора»	71
«Скважина начала фонтанировать...»	73
«Как два лебедя, не живущих поодиночке...»	78
«Я счастлив, что так сложилась моя судьба»	82
Запах нефти	85
Территория притяжения	92
Черкашин Иван Иосифович	95
Не делал я ничего героического... ..	99
Наша жизнь очень красиво прошла	100
Бондарь из рода Вълчевых	103
В геологической «копилке» – более трёхсот месторождений	107
«Нас называли «танкистами»...»	111
Думал, на Самотлоре на тысячу лет нефти хватит... ..	114
Путь, с которого он не сворачивал... ..	121
Мастер на все руки	124
Люди города	
Знакомьтесь: мой дед – Виктор Николаевич Козлов, мегионский писатель	128

Когда душа поет	132
Театральный проезд	133
Китайская роза	137
Сага о поэте	138
Призвание — любить Родину	141
«Север, ах этот Север, в сети свои сманил...»	147
Поэт Севера	149
Дорога домой	151
Простая труженица города	152
Эти улицы строил мой муж!	153
История моей семьи	154

Мой город — моя библиотека

Для меня нет города роднее	156
Из истории Центральной библиотеки	158
Работалось легко, весело... ..	161

Библиотека в моей жизни

Литературные встречи	166
Когда книга помогает выжить	169

Этюды о природе

Орлы, прилетайте к нам!	171
Избушка на Лапчатой речке	174
Зимняя сказка	174
Моя Родина	176
Как Аленка играла с медвежонком	177
Пережитое	179
На стойбище Тютяха	182

МУЗА МОЯ — МЕГИОН

Мой любимый город Мегийон

Что такое Родина?	186
А зима в нашем городе сказочная	187
С благодарностью принимая каждый новый день	188
Я никуда не уеду	189
Я верю в будущее	190
Нам здесь жить	192
Мегийон в судьбе моей семьи	193
Югра в судьбе моих родителей	194
Все жили как одна большая семья	195
Это наш город	197
Я — коренной югорчанин	198
Мегийонский Храм	199
Я счастлива, что живу здесь!	199
Мой поселок	200
Город талантов	201
Добрый знак нашего благополучия	202

О Мегийоне поэтической строкой

«Что же я оставил в Мегийоне...»	204
«Говорят, что здесь климат суровый...»	204
«Как обманчив покой и дремота...»	205
Северные этюды	205
Лирическое отступление	206
Луна	206
Мегийон	207
«Вновь закончил дневную путину...»	207

Мегионские огни	208
Обь-река	209
«Весна в окно постучалась метелью...»	210
Мегионка	210
«Мегион...»	211
Золотая осень	211

В Мегионе я живу, очень я его люблю

Песня про Мегион	213
Мой город	213
Наш город	214
Я родился в Сибири	214
Весна!	215
Первая школа	216
Ненька — это я	216
Мама	218
В Мегионе я живу,	218
Осенняя грусть	219
Посвящение клюкве	219
Осень	219
Любимый Мегион	220
Город — зимняя сказка	220
«Слава нашим нефтяникам...»	220
Мегион	221
Мой город	222
Нефтянику	222
Рыбалка	222

Мегионские мотивы

«Таял день и медленно, и томно...»	223
Песнь о Югре	223
Гимн покорителей Самотлора	224
Я уже не уеду назад	225
Мегионский вальс	226
Музыкальная деревяшечка	226
Мегионское танго	227
Белая ночь	227
То ли день, то ли ночь	228

Югорские сказки

О чём плачет кедр?	229
«Берегите природу»	230
Спасенный кедр	231
«Хороший урок»	231
Путешествие в Югорскую сказку	232
Осенние парашютисты	233
Указатель имен	234

Художественное издание

МУЗА МОЯ – МЕГИОН

Компьютерная верстка *Я.Недвиг*

Подписано в печать 20.11.2012. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$.
Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. 12,87. Тираж 300 экз.

Банк культурной информации
620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: +7 (343) 251-65-26
E-mail: bki@sky.ru

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: sales@uralprint.ru